

Александр

Невзоров

ПОЛЕ ЧЕСТИ

Санкт-Петербург

«Шанс»
1995 г.

УДК 882
Н40

Оформление обложки А. С. АНДРЕЕВ

All rights reserved. This book is protected by copyright. No part of it may be published, translated or reproduced without the prior permission of the Copyright owner.

The copyrights on translation of the book in any language belong to «Shans» Company. Mailing address: Russia, St. Petersburg, 197343, p/b 231.

*В оформлении книги
использованы фотографии из архива автора.*

- © ТОО «Международная издательская корпорация», 1995
- © Оригинал-макет издательства фирмы «Шанс», 1995
- © Андреев А. С. Оформление обложки, 1995

ISBN 5-900740-12-9

К НАШИМ...

Нам всем теперь предстоит в полной мере узнать вкус «ханского сапога». Нас, может быть, не будут лупить им со всего маху по лицу, но будут тянуть ближе к губам, ожидая поцелуя... Ничего удивительного, они - хозяева, новые хозяева Руси, мы в их власти.

Это всем предстоит: и тем, кто и сейчас взглядов своих не скрывает, и тем, кто нынче приумолк.

Теперь уже ясно, что демократы-победители ни удержу в демонстрации своего торжества, ни благоразумия знать не хотят. Теперь уже ясно, что миллионам людей, которые повинны лишь к глубокому пониманию происходящего с Родиной, в любви к ней и скорби о ее гибели, - придется жить при явном и открытом торжестве той идеологии, которая уже уничтожила Русь как государство, пробудила международные войны, голод, развал и великие потрясения.

Понятно, что вновь в стране существует «господствующая идеология» - совершенно неприемлемая для миллионов людей, чужая, чуждая напроць тысячелетнему духовному опыту народа. Возможно, мы не луч-

ший народ в мире, но переделывать нас поздно, тем паче что созиданием духа, живущего в каждом из нас заняты были такие гении человечества, как Толстой, Сергей Радонежский, Достоевский, Суворов, Державин... Можно назвать еще тысячи имен и еще десятки тысяч тех, кто, веками слагая нашу психологию, наше сознание, нашу правду, - сделал нас именно такими... Кто одной из национальных духовных ценностей сделал державность, постоянное желание осознания силы и величия государства... Невозможно себе представить события нынешних страшных дней, изложенные языком русских летописей, в соответствии с духом их... Если ситуацию сегодняшнюю все же изложить - то получается абсурд полный... Княжество Московское ликует о том, что лишилось всего, лишилось всех завоеваний, купленных страшной кровью дедов и прадедов... Ликует о том, что на потерянных землях остались в угнетении, в воле другого народа миллионы братьев... Ликует о том, что краеугольный камень жизни Руси — сильная государственность — расколот и размолочен в песок... Ликует о том, что стало беззащитным... Ликует о том, что близится нищета для большей части народа.

Странное ликование.

Аналогия не такая уж нелепая, мы снова - Древняя Русь. Мы снова одиноки. Три дня в августе 1991-го и октябрь 1993-го пустили на ветер то, что копилось тысячу лет... Собиралось скрупулезно и тщательно веками... Когда мечом, когда хитростью, когда посулами, когда набегам, а когда златом...

Всякое бывало. Но мы - такие. И нынешняя демократическая революция с первого дня своего свершения вступила в противоречие с этим тысячелетним духом... Может быть, мы - ужасны и вообще — беда человечества, но что было — то было и нынешние правители не переделают воспитанных Сергием Радонежским и Пушкиным...

Я думаю, ни у кого нет сомнения, что пресса, практически вся, как и всегда, на стороне власти. На стороне чужого духа.

Эта пресса раз и навсегда забыла о тех миллионах «наших», что в дни торжества «демократии» сидели перед телевизорами, сжавшись от боли, отчаяния и безысходности.

Миллионы «наших». Не замешанных. Не участвовавших. Не дававших никаких полномочий восьми саванникам так бездарно и провокационно действовать от их имени...

Миллионы «наших», для которых первое воззвание опереточного ГКЧП было все же словом надежды... Было - и никто не посмеет этого отрицать.

Сейчас для многих пора решений и недоумений... Колоссальной силы пропаганда победы демократии, суверенитетов лишает ориентиров. Начисто лишает. Ведь если взглянуть на экран - впечатление, что миллионы, да все почти - с ними...

Нет. Думать так — такое же заблуждение, как представлять себе, что все были осчастливлены в результате революции 1917 года... Колеблются сейчас многие. Не все, но многие. Журналисты и писатели, ученые и крестьяне, священство и офицерство, рабочие и академики... И каждый мучительно размышляет о том, что он не может быть прав, так как телевидение почти ежеминутно показывает тысячи людей, преданных делу демократической революции...

Наше телевидение не хочет и не может видеть ничего другого - как не хочет и не может видеть те миллионы, которые несчастны особенно от того, что к муке полуголода, нищеты и беспросветности прибавилась еще и мука полного и окончательного торжества чужого духа, чужих идей, чужих правил жизни.

Не обращайтесь внимания на телевидение. Есть хорошая история. В одном из храмов Греции были высе-

чены имена всех спасшихся при кораблекрушениях. Жрецы храма всегда приводили эти имена в доказательство, насколько силен их бог. Но помилуйте, если бы там были имена погибших — то понятно, что было бы их гораздо больше. Примерно так же, как жрецы того храма, и работает демократическое телевидение.

Писатели плачутся сейчас о потере популярности - тоже не стоит... Представьте себе — мог ли Бунин, к примеру, при всей его объективности и колоссальных достоинствах, оцененных историей, быть популярен в Петрограде в 1918 году?..

Все встанет на свои места — со временем. То, что произошло, - беда, разумеется, страшная. Но Русь и не такие перебарывала беды... Коммунистов, в конце концов, ведь свергли не демократы - и не в августе 1991 года.

Произошло это гораздо раньше - когда народ отверг и возненавидел все, что было связано с этим учением.

Сейчас - мы побеждены. В стране новые хозяева - имеющие всю полноту власти. Результаты их деятельности за все это время — разоренная страна, погибший Союз и торжество совершенно чужого нам духа.

Нас много. Очень много. Мы безгласны и сейчас — бессильны. Упаси бог от любых поспешных выступлений против них. От актов отчаяния. Не надо. Надо просто присмотреться и увидеть поразительную вещь - в результате сильнейшего социального катаклизма у власти остался все тот же, чуть перетасованный, всем известный «кремлевский набор», все те же и так же.

Ничего по сути не изменилось - и, вероятно, в ближайшее время не изменится. Все это в конце концов напоминает пизску, в которой, переодеваясь, играя то злодеев, то героев, выходят все те же самые актеры, набившие оскомину.

Вчера они играли держиморд-коммунистов, обкомовских «давил», сегодня они играют демократов-рыночников. Забавно, конечно, если бы не такой же болью в сердцах отзывались слова их новой рыночной роли, как и слова их, когда они были еще коммунистами...

И нам сейчас надо свыкаться с этой болью, терпеть их, но не гнаться перед ними... Ни в коем случае не гнаться, ибо они уйдут... и уйдут скоро.

ЭТО - НАША СТРАНА!..

Как я определяю людей? Очень просто. Элементарно. НАШИ — это те, кто не хотят гражданской войны, распада страны, голода, нищеты и так далее... Декларируют это сейчас все, но ведь за словами есть еще и действия, их реальный смысл...

Если говорить о прессе, то НАШЕЙ осталось где-то процента три. Три процента никем не читаемых хороших газет! НЕ НАША — по сравнению с нами - находится в изумительном положении. Они могут пользоваться любыми методами. Они поддерживаются новой властью и поэтому могут говорить что угодно. А мы - мы исполняем ту естественную функцию пусть немногих, но здравых русских людей, которые защищают - это высокие слова, но это так - защищают Родину.

Нужен пример? Тбилиси - не так уж и давно это было... Уже известно, что в тбилисских событиях ни один человек не погиб от рук армии. ИХ пресса молчала об этом! Потому что и она сама, и некие высокие

люди в этой ситуации выглядели лгунами. Обычными лгунами. Самые серьезные силы были собраны в комиссии. Колоссальная работа проделана, и результат — от саперных лопаток 4 человека получили легкие телесные повреждения. А саперная лопатка такая штука: ее на ногу уронишь — ногу отрубишь. Это значит, что ею защищались от ударов! А чем заплатили Грузия и ее народ за игры в суверенитет впоследствии - всем хорошо известно...

Это — наша страна, в которой должен быть один хозяин, один президент, один властитель. И сейчас в этой жуткой ситуации это должен быть властитель очень жесткий. Как спасти Россию, спасти страну от развала? Это должно быть на уровне гениальности, открытия закона всемирного тяготения...

г. Москва, 23 февраля 1992 года.
Съемки «Народного Вече».

И опыт нашего исторического существования показывает, что в самую тяжелую минуту такой человек всегда находится. Я верю, верю в судьбу России, которая такого человека должна предоставить!

Политическая деятельность Невзорова - повседневная работа. Хотя минимальное противостояние потокам демократической лжи. Я работаю на вас - а потому и на милицию, на армию... В сознании народа необходимо хоть как-то сохранить к ним уважение. Когда народ знает правду - он сам делает выбор.

Популярность? Тут я смело и нахально скажу: я единственный человек в Союзе, который ДОКАЗАЛ, что ему на популярность наплевать. Моя социологическая служба буквально лежала в обмороке, когда я привез из Литвы материал под названием «НАШИ».

Мне сказали: вычеркивай 50 процентов своих зрителей.

Я ответил - наплевать.

Мне жалко потерять тех, кого я никогда не потеряю. Народ, у которого мозги еще окончательно не прокомпостированы. Я имею в виду то замечательное фантастическое русское сословие под названием народ, которое неосвязаемо социально.

Я думаю, что этих людей я не потеряю, потому что мы вместе до конца. Остались со мной те, кто верит мне, - люди очень высокого качества, люди, которых невозможно заразить стадным чувством...

Демократы сегодня — диктаторы в высшей степени. Ненавидящие инакомыслие. Получив неограниченную власть, они никому ничего не забудут и никому ничего не простят. Торжество нашей демократии есть гражданская война. Они ведут к расколу и войне. И мне их жалко, потому что они ведут себя, как самоубийцы, как люди слепые. Они, скорее всего, утвердятся в этой стране.

Убьют Чеслава и Болеслава, может быть, и тех журналистов, кто осмеливается говорить и будет говорить против них. Сбудется их мечта. Но их час придет. И та война, и та кровь, которую они накликали, им отзовется. Потому что им придется иметь дело уже с народом. И народ их сметет. А те, кто не будет сметен, получив нового хозяина, будут благоразумно делать то, что, по их мнению, надо и правильно.

Такое у меня отношение к демократам. К слову, по определению Оскара Уайльда, демократия - это угнетение народа народом во имя народа... А лорд Байрон сказал, что демократия — это аристократия негодяев...

Они уже пришли. Еще недавно приводить свою ненависть в исполнение им мешало только отсутствие власти. Теперь... Теперь у них есть возможность создавать покорные аппараты насилия и наведения их собственного порядка.

Те, кто нас пугал диктаторами, на самом деле диктаторами и являются, кто громче всех кричит «держи вора!» настоящий вор.

Я называю диктаторами наших «демократов». Хотя можно и без кавычек.

...Мы совершили дикую ошибку: вместо одной бесстыжей и развратной партии посадили себе на шею другую, может быть, не такую еще бесстыжую и развратную, но еще более опасную, потому что опять-таки хочет она только одного - власти. А власть всегда укрепляется в момент полной дестабилизации...

Народ России не понимает, что его используют лишь как массовку в политическом театре. Отнюдь не заботой о народе, не мыслями о его процветании и благополучии руководствуются лидеры - исключительно соображениями личной карьеры.

Но я хочу надеяться на светлый разум народа. Хотя, честно говоря, угар от демагогии у него еще не прошел. И боюсь, что ему просто не дадут времени, не позволят окончательно прийти в себя.

На мой взгляд, смысл слова «Россия» сейчас бесконечно и бесстыдно искажают. Россия — это не РСФСР. Для меня Россия - это Родина без границ и таможен. Без искусственно навязанного противопоставления центра и России. Без всех этих совершенно взрывоопасных суверенитетов. Это единое государство, которое только своей общей мощью способно обеспечить свое возрождение.

В принципе, многие газеты, телепрограммы, издания создают в экономике такую брешь, какую, скажем, артиллерийская батарея в течение двух недель непрерывного обстрела. Каким образом? Смущаются умы, перемещаются без нужды массы людей, они перестают работать. К тому же у нас пресса на 90 процентов непрофессиональная. Я привык, например, что любой мой сюжет подтвержден документами. Часто же публикуют в печати такое, что волосы встают дыбом. И нам не просто будет окупить тот урон, который наносит пресса стране.

Я твердо убежден: никто ничего не стабилизирует и мы не заживем. Страной правит мелкий частный капитал, который заинтересован в смуте, ее разрастании потому, что именно в такие времена делаются состояния. Я убежден, что почти все нынешние политические лидеры - ставленники мафиозных структур, которые раньше назывались спекулянтами, а теперь - бизнесменами. Им стабильность в стране не нужна.

Я не сомневаюсь, что народ все расставит на свои места просто и грубо, уже ни на кого не надеясь.

Сейчас почетнее умереть, чем продолжать жить так, как мы живем, мирясь с тем, с чем мы живем. Но убедить народ в том, что страну уничтожили уже сейчас - по всем направлениям, начиная от Церкви, кончая армией, промышленностью, транспортом, границами - мы не можем, потому что у нас заткнуты рты. Что такое несколько газет? Это не серьезно. Как потом мы сможем объяснить, какое право мы имели жить и не отставать то, что называется Родиной?

«НАРОД - ЭТО ВЫСШЕЕ СОСТОЯНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА»

- Александр Глебович, а вы уверены, что народ вообще за кого-нибудь станет драться? Может, народ даже ничего и не заметит или останется равнодушным к борьбе наверху? Вспомните о русском северо-востоке Эстонии. Многие надеялись, что там, в районе Нарвы, образуется первая русская автономия, даже готовили под нее целый пакет документов, которые потом сработали в Приднестровье. Однако люди остались безучастны к своей собственной судьбе. Какое-то новое, пугающее качество появилось в народе. Апатия, безразличие, инерция...

— Мы часто злоупотребляем словом народ. Понятие «народ» не имеет никакого отношения ко всем этим толпам, которые нынче прописаны на территории России и продают за шмотки душу.

Народ — это явление. Это — состояние людей в ответственные исторические минуты. Население становится народом в такие переломные годы, как 1812-й или 1941-й.

Я бы даже сказал, что народ — это высшее состояние человеческого общества. Ошибочно думать, что такое состояние может быть постоянно.

- И все-таки: чтобы народ встал на борьбу, в нем должны быть какие-то организующие начала.

— Знаете, чтобы началась борьба, совсем не нужно 20 или 100 тысяч вооруженных людей. Вполне хватит по две тысячи человек с каждой стороны. Например, в Таджикистане в самые критические дни войны каждая сторона выставила не более трех тысяч бойцов.

А Тбилиси, помните? Человек 800 штурмовало резиденцию Звиада, человек двести ее обороняло. Для гражданской войны (по крайней мере, для первой вспышки) больше-то и не надо. На проспекте Руставели шел бой, а на соседних улицах беззаботные тбилисцы спокойно жрали мороженое.

Демонстрация в защиту «600 секунд».

Март 1993 года.

— Ваш идеал власти, насколько нам известно, монархия...

— Я понимаю, что развивать эту тему бессмысленно. Народ настолько нравственно унижен и уничтожен, что монархия существовать уже не может. Это, скорее, литературно-художественный образ, согревающий душу...

— Тогда давайте перейдем от литературно-художественного образа к реальности. В чьих руках, на ваш, взгляд, должна быть власть? Вы считаете, что президентское правление необходимо?

— Я искренне так считаю.

— Мечта о «сильной руке» вряд ли найдет большое число сторонников.

— Да, я прекрасно понимаю, на что обрекаю себя этим заявлением. Но я считаю, что сейчас сильная рука куда полезнее и лучше рук слабых. И я прекрасно понимаю, насколько будет сложнее мне при сильной руке. Я и в этом отдаю себе отчет.

— То есть вы понимаете, что вас могут взять и убрать.

— Да. Но если на чашу весов ставить существование моих передач и мое личное, а на другую — нормальную жизнь в стране, я выбираю второе.

— Допустим, сильная рука уберет вашу и еще пару другую неудобных программ и газет. Но тогда она останется без того обязательного критического ока, право на существование которого вы так сегодня отстаиваете. Логично предположить, что тогда власть снова переродится в ту лживую, жестокую и, по сути, мертвую силу, под давлением которой мы уже существовали. Это же все взаимосвязано. И вы готовы рисковать, рассчитывая на русское «авось»?

— Я не уверен, что система страхования от подобных повторений у нас уже есть. Как и понимание того, что бездумно разрушать действующие структуры опас-

но. Но давайте скажем прямо: все правители в той или иной степени тираны, вопрос лишь в том, во имя чего ими осуществляется тирания. Если для благоденствия кучки приближенных — плохо, а если для укрепления государства, обеспечения безопасности и процветания всех тех, кто с тобой одного языка, — да здравствует такой тиран. И это отнюдь не означает какого-то унижения или подавления честных сограждан — под пресс попадает только преступник.

В этом смысле превосходным примером является Ирак. Там свобода полная: хочешь быть богатым — будь им, хочешь уехать за границу — езжай. Запрещено только гадить в собственной стране, в своем доме.

Багдад — город большой, там живут 6 миллионов человек, однако порядок такой, что ночью девственница с мешком золота может пройти из конца в конец без всякого риска. А все потому, что город накрыт плотной сетью рабоче-партийных патрулей, которые имеют приказ Саддама — всех грабителей, насильников, хулиганов расстреливать на месте.

Кстати, эта партия «Баас» сформирована не столько по идеологическому принципу, сколько представляет собой некое братство мужчин, которые объединились для защиты своих женщин и детей от преступников, а страны — от внешней агрессии...

Так что я вполне сознательно утверждаю, что лидер нашей страны должен быть очень жестким и одновременно влюбленным в эту Россию. Иначе старики будут по-прежнему умирать от голода, тоски и безысходности.

- И вот после нашей беседы к Невзорову приходит делегация горожан и просит возглавить Питер. Как тогда?

— Соглашусь, хотя в этом случае кое-кто на ночь станет читать «Архипелаг ГУЛАГ» как добрую ста-

рую сказку. Соглашусь. Потому что это будет означать не победу, а начало новой борьбы.

- *Так что, в стране все зависит от президента? На кого еще можно надеяться?*

— Например — казачество. Его я рассматриваю как один из стержней русской нации, как авангард, как боевую сердцевину... Казаки даже своей социальной религией призваны служить своей стране оружием, словом, хлебопашеством... Они всегда были лучшими воинами в Европе, поэтому я считаю, что зарождающееся движение казачества прекрасно и в этом есть настоящая социальная надежда. Передача о казаках, которую я сделал на основании наших питерских материалов и на основании сюжетов, снятых мною в США, в Нью-Джерси, где находятся казачьи поселения...

- *Простите, вы там были?*

— Да, и я был потрясен... Так вот, на основании всех этих материалов мы хотели очень многим людям в России показать, какими надо быть. Казачество сохранило очень много прекрасного из, скажем так, человеческого состава людей XIX века. То есть самое главное. А то, что они сейчас имеют возможность консолидироваться, казаки, это тоже огромное счастье и, может, послужит каким-то цементом государственности.

«БОРИС НИКОЛАЕВИЧ ЕЛЬЦИН В МОЕМ ПОНИМАНИИ - НАШ»

- *Зачем же вы делали «Наших»?*

— Во-первых, надо было открыть программу — вроде это было в период нашего очередного закрытия. Во-вторых, была такая душевная потребность. Никаких заказов тут не было. Но задача моя личная была простая — создать иллюзию присутствия в стране мощной оппозиции. Потому что не было никого. Еще бы годом раньше я никому не признался, что у нас тогда не было никого и ничего. Мы создавали иллюзию. Так же как с этим Стерлиговым. Нужно было пугало, чтобы демократические вороны, видя его, дохли в полете от разрыва сердца. И я, прекрасно понимая, кто такой Стерлигов, поднимал шест с этим пугалом, втыкал на поле и забавлялся тем, как его начинают панически бояться. А ничего не было. Был Стерлигов — отстав-

ной генерал в плохо поглаженных штанах, который, кстати, 3 октября бежал из Белого дома.

— *Есть ли сейчас, на ваш взгляд, среди оппозиции фигура, которая может стать лидером?*

— Есть, но его не примут как главу — Зорькин.

— *Но он же исчерпал себя после неудачных попыток поиска компромисса между Ельциным и Хасбулатовым.*

— Он честный человек, который хочет мира. Что еще надо этой стране?

— *Какие политические партии, организации вы поддерживаете?*

— Я уже давно не верю словам. Верю только делам. Из всех политических партий и организаций дела на счету лишь у Русского национального единства, возглавляемого Александром Баркашовым. Эта организация показала себя в лучшем свете во время осады Белого дома. Есть дела и на счету КП РФ и Аграрной партии.

— *А как вы относитесь к партии Руцкого — Российской социал-демократической народной партии?*

— Пока не могу сказать. Руцкой, конечно, человек очень симпатичный. Но еще неизвестно, что будет дальше, какие он изберет ориентиры.

Для меня ориентиры — представления человека об элементарной чести и элементарной порядочности. Если Руцкой не забудет тех людей, кто его поддерживал во время октябрьских событий, если он не начнет из конъюнктурных соображений предавать их анафеме, не начнет из политических амбиций предавать своих бывших сторонников, то мы навсегда сохраним с ним дружбу.

Политические взгляды для меня — второстепенны. На первом месте всегда — вопросы чести. Бар-

кашов проявил себя как человек чести. Макашов тоже. Все остальные - в меньшей степени. А для меня это определяющий показатель - в политике и вообще.

А.Невзоров, А.Тулеев, Т.Доронина.

- Согласны ли вы с таким распространенным утверждением: политика и нравственность - вещи несовместимые?

— Политика и нравственность, по-моему, почти несовместимы. Но политика и честь — абсолютно совместимы. Не случайно Россия как государство во все века в своей политике руководствовалась именно вопросами чести, начиная с Александра Невско-

го. Вспомним Минина и Пожарского, Кутузова, всех русских царей, за исключением последнего, который предал страну и бросил капитанский мостик а самый трагический момент. А «демократы» хотят его канонизировать. Он был убогим. Это напиток, который бросил свой корабль во время бури. Лично у меня он не вызывает ни сочувствия, ни интереса.

- *А как вам другой, тоже известный тезис: «Политика — грязное дело»?*

— Почему это политика — грязное дело? Для грязных людей — это грязное дело. А для людей чести политика — дело чести.

1992 год, г. Москва.

Встреча с редакциями газеты «День» и «НТК-600».

- Как вы относитесь к Жириновскому?

- С интересом, с глубоким интересом. Потому что, несмотря на все свои «минусы», баснословно талантливый политик. Он талантливее, к сожалению, даже моих любимых друзей и сторонников - Баркашова, Проханова, Зюганова. Он дьявольски талантлив.

- А его книга «Последний бросок на юг?» Она не вызвала у вас неприятия, раздражения?

- Нет, вполне нормальная книга, правда неважно отредактированная. Но этот недостаток — вина аппарата Жириновского. Ведь он — не писатель, а политик. Рукопись стоило подвергнуть более жесткой правке, и не только стилистической. Кстати, Владимир Вольфович согласился, что в данном случае его подвел аппарат. Но ничего не поделаешь: как человек талантливый он одинок даже среди своих единомышленников.

- Значит, вы считаете несправедливым обвинение Жириновского в экстремизме?

- Да. Вот себя я абсолютно искренне могу назвать экстремистом и некоторых своих друзей тоже. И как квалифицированный экстремист я не вижу в Жириновском экстремиста. На мой взгляд, он наоборот слишком мягок и слишком нейтрален.

- А вы думаете, что экстремизм в России необходим всегда или лишь в определенные периоды истории, сейчас например?

~ Трудно сказать. В истории русского экстремизма значатся такие имена, как Александр Пересвет, Дмитрий Донской, Александр Невский.

Вот Александр Невский. Кто-нибудь другой на его месте обрадовался бы: «Просвещенные рыцари везут нам гуманитарную помощь! Давайте примем их в Новгороде. Давайте с ними дружить. Давайте изучать немецкий язык». Невский же вместо этого устроил

чудовищное побоище, в котором был утоплен и перерезан цвет европейского дворянства. Разве это не экстремизм?

Государственная Дума.
Январь 1995 года, г. Москва.

Вспомним другую ситуацию и других экстремистов - Кутузова, Баркляя де Толли, Александра I. Вместо того, чтобы мирно сдать Россию французам, попытались найти общий язык, провести, на худой конец, совместные российско-французские военные учения, безоговорочно признать превосходство великой европейской цивилизации, которую несла нам французская армия, так нет, эти экстремисты тоже затеяли чудовищный мордобой и прогнали французов...

- Многие называют вас авантюристом? Вы согласны с этим?

- Нет, потому что это слово приобрело негативный оттенок. Хотя первоначально оно имело другой, высокий смысл: авантюрист — человек, который во имя цели готов рисковать чем угодно, который уюту и спокойной жизни предпочитает жизнь беспокойную.

Слово по смыслу очень хорошее, только сильно скомпрометировано, впрочем, как и слово «экстремист», хотя по сути это почти одно и то же.

Мне часто приходилось идти на риск, это стало моей профессиональной привычкой.

- А вы можете назвать себя любителем острых ощущений?

- Это выражение придумано людьми, которые сами боятся «острых ощущений», боятся сесть на коня, боятся оказаться на войне. Поэтому они и называют тех, кто их храбрее и имеет лучшие данные и человеческие качества, «любителями острых ощущений» — только из зависти.

- Вы поддерживаете предложенную правительством программу послеваучерной приватизации?

- Приватизацию я вообще считаю жульничеством и воровством. Многие не знают, что это слово имеет исторические корни. Жорж Блон — историк морского

пиратства — называет несколько синонимов слова «пират» — «флибустьер», «корсар», «приватир».

Итак, «приватир» — французское название морских пиратов и грабителей. Это слово исторически имеет криминальную репутацию, и не случайно оно используется нынешними «реформаторами» — приватирами. Выдача ваучеров — несомненно, жульничество чистой воды.

- По вашему мнению, что такое провокационный материал? Что означает психологический терроризм в применении к вашей профессии?

— Слово «провокация» нужно произносить, имея доказательства. Я готов отвечать, если кто-либо уличит меня в провокационности моих речей. Обратимся к истории: выступление Кузьмы Минина Сухорукого в Нижнем Новгороде в 1612 году с точки зрения польской пропаганды было страшной провокацией. Любое патриотическое выступление того же Михаила Илларионовича Кутузова в 1812-м — тоже провокация против европеизирования России французами.

Если говорить о днях сегодняшних, то не вижу ничего провокационного в суждениях моих так называемых оппонентов. Несмотря на кошмар происходящего в стране, пока что демократия не причинила ей особого вреда. По крайней мере, не больше, чем татары, французы в свое время или поляки в 1612 году. Когда же различные демократические органы ставят мне клеймо «провокатор*», я не отвечаю им тем же.

С определенной точки зрения (подчеркиваю — не с моей!), можно ведь и призыв Ельцина идти к Белому дому спасти его власть назвать провокационным. Возникает смешная параллель: призыв к народу Ельцина в августе 91-го и призыв того же Кузьмы Минина (Минина Сухорукого)! Изложим события августовского путча языком древней летописи. Получится примерно следующее: Великое княжество Московское

ликует по поводу того, что лишилось всех своих завоеваний, а миллионы братьев остались на чужих землях, под волей чужого народа, фактически на положении рабов. Ликует, что государственность России — идея фикс всех наших правителей — размолочена и повержена в прах. Ликует, что страна лишилась всех своих вооружений, самой возможности защитить себя. Не знаю уж, как языком летописи сказать о ядерных щитах. Так что какой тут Кузьма Минин! При этом я глубоко убежден: Борис Николаевич Ельцин в моем понимании — «наш». Он относится к «нашим». Рано или поздно он совершит прорыв от тех, кто, по сути дела, его пасет, им управляет. Он уйдет от них, потому что никакой он не демократ. Этот человек ничего общего с демократией не имел, не имеет и иметь не будет. Меня многое в нем привлекает, хотя борется за целостность России он хреново.

СТРАННЫМ И ФАНТАСТИЧЕСКИМ ПУТЕМ...

Москва. Тверская улица. Музей восковых фигур.

Бог знает, какой дурацкой гордостью должно распирать человека, увидевшего в Музее восковых фигур среди мерзавцев высочайшего ранга, чьи имена твердит человечество уже несколько веков, - свою фигуру.

Александр Глебович Невзоров - в новехоньком камуфляже, небритый и дегенеративно-важный, с микрофоном и автоматом Калашникова в пыльных восковых руках — сидит в московском музее на Тверской, образуя некую группу с Гришей Распутиным и Екатериной Второй, и символизирует, вероятно, Смутное время, смуту... Смуту - как она мерещится интеллигентам-устроителям музейного зала восковых мерзавцев.

В этой восковой толпе - почти все, привнесшие беспокойствие в жизнь таких вот интеллигентов - беспокойствие злое и дикое, чарующее...

Здесь — отпетые, иступленные и непокорные, в копейку не ставившие жизнь свою и чужую, гениальные сценаристы и постановщики исторических драм на подлинном, живом материале тысяч и миллионов судеб.

Таких-то людей интеллигенция и боится больше всего, ибо только в эпоху смут проясняется все ее ничтожество. Во дни, когда судьбу человека определяет его способность сохранить свою честь, они уязвимее всех, уязвимее синяков-бомжей и нормальных работяг... Интеллигенция боится всякой смуты как огня - ибо раздевает ее всякая смута до самого срама.

Русская и советская, а затем и российская интеллигенция традиционно бесчестны — и поэтому больше всего на свете боялись смут и более всего ненавидели тех, кто накликает разломы и сотрясения в народе.

Помнится, я по достоинству оценил злобу, с которой была вылеплена моя фигура — эту чуть заметную карикатурность, злобненькую, но аккуратную, так чтобы потом (в случае чего) все можно было списать на некую творческую неудачу. Оценил - и порадовался, ибо быть помещенным в компанию Владимира Ленина и Малюты Скуратова — все же есть смесь оскорбления с комплиментом.

Бог знает, по заслугам или нет, но посадили меня среди самых именитых смутьянов.

Есть в этом и некая мистика - хотя, видит Бог, мне не по душе компания похотливой! порфириносицы и дегенерата. Я предпочел бы иметь соседями Сталина, Малюту и моего старинного друга Илью Сергеевича, что пылится в каких-то десяти метрах, совсем неподалеку, такой же, как и я, - обыдиоченный безвестным «интеллигентом»-лепщиком.

Как же забавен, наверно, тот день, когда на двери музея вывешивается картонка про «санитарный день»

и бабуся, служительницы этой исторической мертвецкой, раздевают-прихорашивают обитателей залов, пылесосят бутафорский волос бород и голов, тащат в срочную химчистку серую «тгочку» Ильича, алую шелковую косоворотку Гришки Распутина и мантию Невского князя.

Голенькие, страшенькие и невидимые никому сидят и лежат великие смутьяны...

Бог знает, что вытворяют со мной: драют ли Калашникова, причесывают ли на косой проборчик и водят ли за желтыми пыльными ушами хоботком пылесоса, но что-то явно вытворяют...

Встретившись с восковым Невзоровым, видит Бог, гордости я никакой не ощутил. Было забавно, и, возможно, впервые я задумался о том странном и фантастическом пути, коим вела меня судьба по смутному нашему веку.

...В бытность мою исполнителем конных трюков я в очередной раз загремел в больницу, был госпитализирован с тяжелейшим осколочным переломом большой берцовой кости.

Снимали какую-то историческую дурь, и во время конного боя жеребец под моим противником, ошалев от шпор, сабельного звона и блеска, крутанулся на месте, снеся со спины своего всадника, и, как говорят конники, «отыграл задом» - то бишь со всей своей дикой силищей жеребца-трехлетки засадил коваными копытами по моему коню и мне.

Вероятно, одно из копыт точнехонько шло мне в кадык. В результате попало в живот и в ногу. В живот пришлось вскользь - спасла кольчуга, толстый кафтан и пенопластовая страховка, надетая на мне, так как в этом эпизоде конного боя я должен был падать с коня на забор, ломая его своим телом (забор, разумеется, подпиленный, где нужно).

ШЩЩ^р%0т

Август 1994 года.

С ногой вышло куда как хуже - кованое копыто разнесло кость, и сразу, переполнив сапог изнутри, по голенищу потекла кровь. Переломчик оказался крайне неприятный. Впрочем, на ту минуту всего этого я не знал. Жаловаться или падать в обморок считалось неприличным, а постановщик трюков, мельком взглянув на сапог, заявил, что все дело выеденного яйца не стоит и надо продолжать съемку.

Сейчас это звучит дико, но в то время в каскадерских группах царили именно такие нравы: нормой считалось гореть без страховки, то есть не иметь никакой защиты вроде асбестовой рубахи или тулена под игровой пылающей одеждой, обычными были «мясные» подсежки, практиковавшиеся азиатскими трюковыми группами, когда лошадь после «боя» съедали всей группой...

В тот же момент я действительно не подозревал, что у меня с ногой: самое жуткое было скрыто сапогом и часа два я еще крутился по площадке верхом...

Попав в клинику, я не остепенился, и через несколько дней весь коридор, куда выходили двери пяти или шести палат, ласково именуемых при раздаче компота «конечностями», воевал в рыцарских турнирах. Суть их заключалась в следующем. Противники (все в свежем гипсе, с ломаными руками-ногами) садились в свои каталочки - больничный двухколесный коридорный транспорт - костыль выставляли перед собой, крепко уперев верхней рукояткой в плечо, и, раскрутив свободной рукой колесо коляски, придав ей бешеную по больничным меркам скорость, сшибались, сиюсь выбить противника из сидения...

Кому-то сломали палец - строгая администрация ринулась искать зачинщика этих безобразий. Меня без всякого труда вычислили...

«АБСОЛЮТНО ДРЕВНЕРУССКИЙ ПОДХОД...»

- Вам 36 лет. Вы принадлежите к поколению, воспитывавшемуся на идеалах «Битлз», длинных волос и сексуальной революции. Как вам удалось пройти мимо всего этого?

— Судьба оградила. В детстве я попал в церковный хор, и музыка у меня была совсем другой, нежели у всего моего поколения. Я даже не понимаю, что такое «рок-культура». И я категорически не сексуальный революционер.

- И жене никогда не изменяли?

— Никогда. Потому что выцарапает глаза сразу. Сейчас я третий раз женат. Думаю, что последний.

- Кто она?

— Не летчик-космонавт. Тихая, мирная, очень милая девочка, которая живет исключительно тем, что она жена. Она обладает совершенно сверхъестественным чутьем и способностью к распознаванию лжи...

— *А не боитесь, что однажды вернетесь ночью, а жена вам скажет: «Знаешь, Саша, мне это надоело. Я ухожу»?*

— Нет. Могу сказать, что, прежде чем поставить штамп в паспорте, я подверг эту девочку предельно жестким испытаниям. Она, например, была брошена одна за городом в деревянном разваливающемся доме зимой, без воды, без газа, с замерзшим колодцем, с двумя бесконечно орущими щенками. Это только малая часть. И она выдержала все это предельно достойно.

— *Это ведь не первый брак у вас, скажите, дети уже есть?*

— Нет, только дочь от первого брака. Я вижу ее время от времени — как все папы в такой ситуации. А в этом браке детей пока нет. Я же черт знает как занят, я не могу сейчас заниматься воспитанием — а кому еще доверить воспитание своего ребенка. Да я же убью всякого, кто вообще приблизится! Это ведь человека надо растить. Но я думаю, что это все-таки дело довольно близкого будущего.

— *Мальчика или девочку хотите?*

— Ну, конечно, сына. Дочка — это ж расходный материал. Она в 18 лет ушла — и все, и даже фамилия другая, смысл-то какой?

— *И каким должен быть сын?*

— Повторением отца, естественно.

— *А Вы не могли бы рассказать о своей первой любви?*

— Могу сказать, что это было ужасно. Если Вас интересуют подробности, я конечно, постараюсь их вспомнить, но... Для меня, честно говоря, все эти разговоры «про любовь» не очень понятны. Первых баб я, может быть, могу вспомнить. При большом желании. Хотя, честно говоря, надо будет сильно напрягаться. А что касается первой любви... Я даже в школе, в какую-то такую сильно романтическую пору

Ли́дия Невзорова.

юности считал, что относиться к этому надо просто и здраво.

- Назовите образ любимой женщины?

— Это Вера из гончаровского «Обрыва». Пожалуй, все. А из живых, реальных, мне больше нравятся крупные блондинки колхозного типа.

О главе семьи сегодня спрашивать, видимо, нет смысла?

~ Конечно. Меня раздражает, когда женщина име-

ет по какому-то вопросу собственное мнение. У нее должно быть мнение того мужчины, которому она принадлежит. У меня здесь абсолютно узбекский и абсолютно древнерусский подход... Женщина нормальная должна твердо и спокойно знать, что все, о чем нужно подумать и решить, за нее подумает и решит мужчина, которому она принадлежит.

За этой репликой последовало следующее рассуждение интервьюера (см. газ. «Вечерний клуб», 16 мая 1992 г.):

«Впрочем, есть исключения. Невзоров признает право на собственное мнение, например, за Жорж Санд. Но - иных уж нет, а те далече.

Кстати, о женщинах. Вы, вероятно, помните, как во время августовского путча Невзоров почему-то оказался в Шотландии, после чего расплодилось множество невероятных слухов. Что же произошло на самом деле? Позвольте предложить вам две трактовки случившегося, взятые автором из, скажем так, малоизвестных источников.

ВЕРСИЯ ПЕРВАЯ. В свое время 17-летний Саша Невзоров отправился в городок Е. на послушание в монастырь. И коротал бы свой век Александр Глебович вдали от сует, занимаясь постом и молитвой, если бы... Если бы однажды не забрел по рассеянности на территорию женского монастыря, где встретил юную послушницу. Прекрасная незнакомка оказалась к тому же еще и иностранкой, гречанкой по происхождению. Молодую пару вскоре «вычислили», обвинили в грехе, и Невзорову пришлось снять рясу и податься с горя в каскадеры. Гречанка тоже отбыла восвояси.

И что же вы думаете? Через энное количество лет - аккурат в тревожные дни августа 1991 года - дважды разведенный и клянувшийся, что больше ни за что не попадет в брачную клетку, Невзоров приезжает на фестиваль в Шотландию. В поисках красивого пейзажа для съемок он случайно попадает в прелестный замок близ Эдинбурга. Первой, кто встречает путника на пороге, оказывается та самая послушница-гречанка, правда, теперь графиня.

ВЕРСИЯ ВТОРАЯ. Молодая шотландская тележурналистка Рени Дональд (графиня Н.) берет интервью у Анатолия Лукьянова перед самым его арестом и предлагает свою по-

мощь. Лукьянову ничего не нужно, однако он просит оказать услугу одному из друзей, находящемуся в опасности. Имени назвать не успевает...

На конгрессе тележурналистов в Эдинбурге Рени встречает Александра Невзорова и, зная о знакомстве последнего с Лукьяновым, пытается выяснить, о ком из своих друзей тот хотел просить ее. В разговоре понимает, что, наверное, как раз об Александре Глебовиче. Во время беседы раздается звонок из Петербурга: Невзорову сообщают, что отдан приказ о его аресте. Потрясенная Рени готова всем пожертвовать ради покрывшего ее мужественного журналиста - она предлагает Александру Глебовичу обручиться с нею, это будет хоть каким-то прикрытием, все-таки она родственница королевы. Невзоров отказывается: «Обручиться с такой девушкой из политических соображений? Да я после этого не буду себя уважать!» И отбывает на Родину. ^ Рени звонит в редакцию одной крупной петербургской газеты и представляется невестой Александра...

Существуют, конечно, и другие версии. Но эти две - «самые правдивые».

- *...Кроме Вашей работы, есть у вас еще какое-нибудь увлечение?*

— Внезапно для себя я угодил в силки, над которыми смеялся всю жизнь. Я всю жизнь смеялся над несчастными людьми, которые выводят собачку и ходят за ней с бумажкой в руке. И вот сам угодил в этот капкан, получив в наказание от судьбы страшных размеров собаку — туркменского волкодава по кличке Батый. Мало того, что он является проклятием всех кошек — даже не душит их, а ест — он задирает все, что видит. Весит 70 килограммов.

- *Был же кот по имени...*

— Ландсбергис. Но он был до такой степени гадлив, что я его передал людям, которые способны обеспечить его туалет в положенную емкость.

- *А кто следит за Батыем, пока вы заняты в Думе?*

— Жена. К тому же у него самого есть собака, которая ухаживает за ним.

«ВОСПИТАТЕЛЕМ СВОИМ СЧИТАЮ - ДЕДА...»

- Александр Глебович, расскажите, пожалуйста, как Вы воспитывались, в каком духе?

— Да Вы знаете, я вообще ни в каком духе не воспитывался. Рос я без отца. Да и не могу сказать, чтобы матушка тоже занималась моим воспитанием. В какой-то степени воспитателем своим я считаю (хотя он тоже не много времени, прямо скажем, на это тратил) своего деда Георгия Владимировича Невзорова — человека, который героически дрался с 1946 по 1953 год в Литве против банд так называемых «лесных братьев». И если говорить о духовно-психологическом воспитании, то больше всего своего внес, конечно, дедушка. Никто меня не трогал, был я предоставлен сам себе и рос как трава. В школе я учился плохо, подчеркнуто плохо. Во-первых, потому что мне было по большей части не интересно происходящее. Я, например, не испытывал никакого интереса к математике, физике, химии. И могу Вам ска-

зять совершенно честно, ничто из того, чему меня пытались научить, вот уже слава Богу почти 25 лет мне в жизни ни разу не пригодилось. Так что, значит, я был прав, сознательно не допуская всю ту чушь, которой меня пичкали. То есть это не чушь, если человек решил заниматься математикой, пусть учит математику. Но я-то какое имею к ней отношение?

Ребенком я был сложным. В комсомол меня не принимали. И даже, более того, в шестом классе выгнали из пионеров.

Георгий Владимирович Невзоров,
дед Александра Невзорова.

— *А Вы просились?*

— Нет, не просился. Я ведь не скрываю, что я категорически не коммунистических убеждений человек. Почему я сейчас выступаю в союзе с коммунистами во многих ситуациях — во-первых, потому что выяснилось, что они не только не хуже, но и гораздо лучше нынешних правителей; во-вторых, я, честно говоря, не очень понимаю, чего же нам всем не хватало. У нас была русская империя. Поскольку каждый второй секретарь обкома в любой республике был русский, у нас был русский государственный язык. Называлась эта империя по-другому, называлась она СССР. Слова эти тоже стали дорогими и родными, особенно после того как они стали мараться и пачкаться. Я не знаю, можно ли это называть словом патриотизм, потому что это всего-навсего нормальный взгляд на вещи. Оказалось, что у меня гораздо больше точек соприкосновения с коммунистами, чем с теми, кто их, скажем так, изгнал из страны и полностью лишил их власти. Они способны были держать русскую империю. И выходит, что воевали мы со всей этой коммунистической машиной за то, чтобы предоставить возможность нынешним нуворишам грабить так, как коммунистам и не снилось. А о детстве... Что же еще можно сказать о детстве?

— *Какие у Вас были увлечения?*

— Да Вы знаете, я где-то лет с четырех начал читать книжки. Это интересно было. Книги достались мне от деда, который хотя и был большим эмгэбэшным начальником (МГБ — Министерство государственной безопасности), но любил книги и серьезно к ним относился. При этом он совершенно, категорически не был «интеллигентным» человеком, не подходил под определение «интеллигенции». Он, пожалуй, был первый человек, который мне к этому термину внушил отвращение. Потом это отвращение во мне усугубил

Лев Николаевич Гумилев, великий русский ученый. В общем, здесь* в редакции это слово является ругательным, поскольку это констатация определенного уродства личности. Я что-то не видел в Приднестровье в окопах «интеллигентов», ни одного не видел. Хотя там были доктора наук, ученые секретари научно-исследовательских институтов, там были чертежники, картографы — это были люди, которые не страдали вот этой «интеллигентностью». Ведь что такое «интеллигентность»? По сути дела идеологическая секта. И как в каждой секте, здесь есть свои боги и от этих богов уйти нельзя. Попробуйте где-нибудь в «интеллигентской» среде сказать, что Сахаров — это одно из самых кошмарных порождений нашего времени. Не за счет того, что он какой-то агент ЦРУ там или еще чего-то, а просто бесконечно слабый и жалкий мужик, так много поначалу полезного сделавший и так раскисший с той минуты, как он оказался под пятой этой самой Боннэр. «Афганистан! Афганистан!» — вся эта ахинея. Афганистан был нормальной войной. И почему они ничего не говорят про то, что мы могли полностью контролировать благодаря Афганистану все пути мировой наркомафии и отправлять потоки наркотиков в обход Союза. И вдруг эта совесть России с трибуны зашелся в истероидном, совершенно неприличном кличе. Ну, сделал бомбу — спасибо, ну, получил звания и титулы — спасибо. Но зачем из него делать бога? А бог сделан. Бог сделан именно за то, что он очень много вложил в развал Союза. Ну, вот попробуйте сказать где-нибудь в интеллигентском кругу, что Сахаров нанес стране колоссальный ущерб. Немедленно просто ногами забьют, закидают печеньем и измажут вареньем, поскольку на другие проявления ненависти они не сильно способны — боятся, что в лоб получат.

Поселок Солнечное, 1991 год.

Лев Николаевич, Наталья Викторовна Гумилевы и Александр Невзоров на даче у Гумилевых.

— Вы родом ленинградец?

— Нет, я с Волги, с Нижней Волги, это русские с 1 татарской примесью. Но, собственно, не я сам, два или три поколения моих предков жили уже в Питере.

— Молва гласит, что ваш отец юрист, чуть ли не прокурор Ленинграда, поэтому, дескать...

— Своего отца я фактически не знал...

— Александр Глебович, в какой области Вы академик и что бы Вы могли сказать по поводу такого утверждения: русские любят навешивать другим ярлыки, а себе ордена?

— Это глупое высказывание, предельно глупое. Известно, что в 1943 году, когда все было очень плохо у нас и когда у германского командования была возможность радоваться, Гиммлер сказал Гитлеру такую фразу: мы, конечно, побеждаем, но только за счет од-

ного, советский солдат — это плохой солдат: он не умеет стрелять в детей. Наши солдаты это действительно не больно сильно умели в отличие от всех остальных. Так что касательно ярлыков и орденов — это уже выяснила история.

А академик я в области телевидения. Меня привезли в Москву, посадили на какой-то ученый совет, заставили говорить речь, выдали какое-то удостоверение, еще чего-то. Ну, ладно, говорю, академик так академик. В принципе я согласен. Это сделано было от чистого сердца в те дни, когда нас закрывали и когда нам нужна была любая помощь.

- Судя по количеству информации о Вас, Вы не очень охотно рассказываете о каких-то своих биографических данных, о своем жизненном пути.

— У меня особенного-то жизненного пути и не было. Была довольно скучная жизнь, я бы сказал, и предельно банальная. Пришлось и грузчиком подрабатывать, был я каскадером довольно долго, был я телевизионным сценаристом, написал около 150 сценариев: «Куранты», «Приглашение в музей», про Моцарта, про Соловьева-Седого, мушкетерский мюзикл, был я... то есть я репортер. До этого еще где-то работал: в музее Пушкина, работал санитаром в приемном покое больницы... Много было всякого. Лошадей каких-то заезжал в совхозе...

- 2

— Серьезно говорю. Заездка — это не значит заезжал насмерть. Существует такой термин: заездка диких лошадей под седло. Где-то, наверное, до сих пор хранится договор по этому поводу. Голов сорок в одном из совхозов Ленинградской области я заездил под седло Диких казахских лошадей породы джабэ.

С точки зрения мамы, говорит Галина Георгиевна Невзорова:

— Саша - единственный ребенок в семье. Все вокруг него ходили на цырлах. Вы представляете, кто вырастает из таких мальчиков? Слава Богу, с ним этого не случилось! Он как-то быстро обособился от родительской опеки: мог быть упрямым, скрытным, но только не бездельником. Братья у нас деньги стыдился. Все время что-то лепил, рисовал, возился с деревяшками. Видимо, за счет этого как-то пробивался. А потом и вовсе пошел работать санитаром.

— *Александр Глебович, у Вас есть какие-то неприятные воспоминания в жизни?*

— **Нет, честно говоря.**

— *А особо приятные?*

— **Особо приятными воспоминаниями я бы делиться не стал.**

— *А Вы когда-нибудь будете писать мемуары?*

— **Если у меня будет время для писания мемуаров, то я лучше займу его чем-нибудь другим.**

— *Издательство «Палея» в серии «Жизнь замечательных россиян» выпустило книжку о Вас...*

— **Это вообще бред. Я был в диком ужасе. Вот типичный вариант, когда человек слышал звон, но не знает, где он. Это нахватанные, маленькие какие-то кусочки полуправд из разных периодов жизни. Я не могу сказать, что я приветствую выход этой книги. Хотя кое-что... там более или менее... приблизительно... правда.**

— *Известно, что вы пели в церковном хоре... В 20 лет собирались принять постриг. Это правда?*

— **В юности я был очень верующим человеком. Сейчас — меньше. У меня солдатская профессия. Состояние веры — состояние сосредоточенности. Сейчас эта роскошь недопустима.**

Псково-Печерский Свято-Успенский монастырь.
Июль 1995 года. Съёмки программы «С нами Бог».

— Свободного времени, конечно, нет?

— Прежде всего давайте уточним: что такое свободное время?

— *Отдых, восстановление сил после работы, когда вы никем и ничем не заняты.*

— Такого у меня нет вообще.

— *Значит, отдыхать вы не любите или нет возможности?*

— Кто не любит отдыхать? А возможности действительно нет. Если же выпадает редкий свободный день, то... патологически хочется бездарно выспаться.

— *Говорят, репортера кормят ноги?*

— Не только ноги, но и руки, сообразительность, настойчивость, если хотите — нахальство, физическая выносливость. Так, был в ранние «секундовские» времена случай, когда прямо из нашей автомашины пришлось прыгать на закрывающиеся ворота предприятия, куда нас не хотели пускать, а мы не хотели терять время, спешили снять нужный сюжет. Думаете, нас везде встречают с распростертыми объятиями? Не-е-т. Чуть промедлишь — и снимать нечего — скроют, спрячут.

— *У вас есть какие-то «фирменные» приемы для получения информации?*

— Ничего, кроме напора. Кавалерийской атаки. Идешь на бой, и будь что будет. Все, пожалуй. Никогда не выдумываю заранее вопросов. Вообще, процесс добывания информации для меня почти физическое удовольствие.

— *Значит, выкраиваете время для занятий физкультурой?*

— Нет, физическое состояние поддерживаю непрерывностью боевого стиля работы: перелезаю через заборы, занимаюсь в студии беготней по лестницам.. Мы же — обычные солдаты своей работы. Карате, дзкен

до, прочими борцовскими искусстваами никогда не занимался.

- Ну а если придется постоять за себя в «просто» бою?

— Просто так и постою, кулаками. А коли пойдут очень серьезные вещи, сделаю это с помощью какого-нибудь оружия. Думаю, я его случайно найду в нужный момент.

- Вижу у вас в студии манекен с будто взрезанным животом. Что такое?

— Бронежилет привезли из Москвы, решили его испытать. Надели на манекен — вот вам результат, пробило.

«В НТК-600 имели место и кое-какие схватки. Месяца два назад прибыл в Питер Анатолий Кашпировский. Не заехал в гостиницу, не пообедал - сразу в «Секунды» со всей командой. Закрылись вдвоем с Невзоровым в его кабинете и два с половиной часа не выходили. Сидевшие в другой комнате коллеги строили самые невероятные догадки о предмете разговора. И никто не угадал: Невзоров и Кашпировский ни о чем не говорили, а молча смотрели друг на друга - был спор, кто кого. Сошлись на ничьей.»
(«Вечерний клуб», 16 мая 1992 г.)

- А все же если выкраивается свободная минута?

— Сразу «рву когти» на конюшню в парк «Челюскинцев». Привык работать с конем с детства. Особенно люблю конные трюки. От них у меня осталось... три сломанных ребра, ключица и поврежденная нога. Три месяца пролежал загипсованным и замотанным бинтами в больнице. Все указания **врачей** выполнял неукоснительно... только наоборот. Еще забинтованный снова сел на лошадь. Сейчас, конечно, стало гораздо сложнее. Стоит сесть в седло, как тут же появляются поклонники: кто охает, кто ахает, молодые **амы** с младенцами в колясках забывают о своих

малышах, бабушки и дедушки норвят чуть ли не стащить меня с лошади...

— Я знаю, что чтение - одно из любимых ваших занятий.

— Книги люблю с детства. Не буду кривить душой, самые любимые — о лошадях. Особенно — князя Урусова.

— Бывает так, что отдых вдруг становится работой?

— Чаще всего. В моей профессии головой работать надо всегда. Думать, искать, находить что-то интересное, новое, чтобы потом об этом рассказать в эфире, приходится везде.

— У некоторых людей сложилось мнение, что «застойно-застольный» период сближал людей, способствовал более тесному общению, отдыху.

— Я совсем не пью. Сближению людей способствуют, очевидно, совсем другие нравственные принципы. А отдых с водкой — это пустое времяпровождение. Никогда ничего из спиртного не пробовал, даже не знаю, что это такое. Уставом запрещено употребление алкоголя и сотрудникам НТК. Даже дома — и то с моего разрешения.

— Но вы позволяете вашим коллегам поднять бокал шампанского в новогоднюю ночь за вас и ваших друзей?

— На здоровье.

— Популярность способствует отдыху или наоборот?

— Наверное, наоборот. Даже в кино, которое я люблю, не чувствуешь себя свободно.

— Массовое искусство — кино, эстрада, театр. Чему из них вы отдаете предпочтение?

— Кино. Театр вообще не люблю. На эстрадном представлении лучше не появляться: вроде не тот артист, кто на эстраде, а я.

— *Как вы считаете, умеют ли в нашей стране люди отдыхать?*

— Умеют те, у кого есть деньги.

— *У вас есть автомобиль?*

— Нет. Водитель из меня не получится. Пробовал. Характер не позволяет. Мне вечно надо всех обогнать и быть первым. А к чему это приводит — сами знаете.

— *Вы телевизионщик. Смотрите ли сами телевизор?*

— Я занимаюсь только своей программой. Телевизор смотрю по времени меньше шестисот секунд, ибо наперед знаю, что покажут и что скажут.

— *Сколько у вас друзей?*

— 70 миллионов семей.

-А *недрузгов? Пресса не жалеет на вас черных красок.*

— Некогда читать голубую муру. Просматриваю «Правду», с нежностью отношусь к «Советской России» и как член редколлегии читаю «Завтра».

— *А чего Вам не хватает на данный момент?*

— Монтажной установки «ВЕТАСАМ». Вот этого мне не хватает. Я даже если бы и затеял какой-то государственный переворот, так только чтобы с 4-го этажа телекомпании «Останкино» свистнуть монтажный «ВЕТАСАМ» под шумок, спокойно перешагнув через все, и даже через тела.

— *Вы хороший психолог?*

— Средний. Но редко ошибаюсь в первом впечатлении от человека. Люблю людей естественных, неважно, прохвост он или академик. В основном люди говорят затверженными понятиями, очень мало своего, беспробудно мало. Но м® никогда не навязываем нашим героям своих слов.

Если вижу бедно одетого человека, думаю, что он необыкновенный. Ведь сейчас такое мужество нужно, чтобы одеваться бедно.

— Говорят, что Петр I, которого вы так уважаете, боялся тараканов. А кого или чего боитесь вы, если вам знакомо чувство страха?

— Сильно боюсь причинить боль. И сильно боюсь оскорбить слабого. Сильного оскорбить можно. Это вызов на бой, это всегда хорошо. А слабые, дети, больные, недоразвитые — эти люди для меня неприкосновенны.

— А Вы боитесь каких-то телесных болей, неудобств? Чувствительны ли Вы к холоду, к жаре?

— Да нет, Вы знаете, я как-то спокоен к этому ко всему: холодно, жарко — без разницы. А насчет боли... У меня всякое было. Меня вот в Югославии ранили, и в Питере в меня стреляли, мальчик один. Еще были всякие неприятные моменты.

— Вы смерти боитесь?

— Нет, не боюсь. А чего бояться-то? Я у себя ни дня не держал бы того, кто отказался бы снимать сюжет из-за страха за свою шкуру.

— Многие ваши недруги прочат вам плохой конец. Они подразумевают нечто определенное. А что означает плохой конец в вашем понимании?

— Буду считать, что жизнь не удалась, если окажусь в кресле министра печати.

— Оставшись без личного оружия, как вы сейчас решаете проблему своей безопасности?

— Легко.

— А если более развернутый ответ?

— Очень легко. Не надеетесь же вы, что я вам все секреты выдам?

— Любите ли вы деньги?

— Я вообще не знаю, что это такое.

— Но вам приходится их тратить?

— Нет, практически нет. Я сам не знаю, каким образом я существую. Знаю только, что я в полседьмого на работе и уезжаю отсюда в полночь. Отдаю деньги

заплатить за квартиру. Завтраки, обеды и ужины мне приносят прямо сюда из столовой.

- *А любимое блюдо есть?*

— Нет, ем, что дадут. В ресторан я никогда не хожу.

- *Но сигареты, смотрите, предпочитаете американские — «Мальборо»?*

— Да нет... Мы тут, честно говоря, даже думали какую-нибудь акцию затеять против сигарет «Мальборо» из протеста, что они своими ларьками испохабили Питер.

- *Если вы сейчас скажете, что у вас и пороков нет...*

— Ну почему? Я недостаточно часто бываю на исповеди и к причастию тоже хожу достаточно редко.

- *А что-то любимое у вас есть?*

— Да, оружие, лошади.

- *А из людей, скажем, актеры, режиссеры?*

— Только Михаил Михайлович Ермолов, главный режиссер «НТК 600».

- *Вы упомянули оружие. Откуда эта страсть? Некоторые склонны объяснять ее тем, что вы не служили в армии и не успели наиграться этими железными, игрушками.*

— Те люди, которые знают истинную причину моей страсти к оружию, точнее сказать, которые знали, остались по другую сторону Кошницкого разъезда.

- *Намек?*

— Нет, сказано достаточно ясно.

- *А с моряками в своей жизни когда-нибудь пришлось сталкиваться?*

— Много раз, в том числе и на военно-морской базе в Таллине — с прекраснейшими людьми, и здесь у нас, в Питере. Да я сам происхожу из семьи моряков. Правда, когда дед мутил воду, то прикидывался, что он из бурлаков, потом выяснилось: у нас в доме есть русские морские палаши, фамильные. Насколько я раз-

нюхал свою родословную, то мои предки — военные моряки.

- *То есть, вы хотите сказать, что они были морскими офицерами?*

— Именно так. И я этого не забываю. А сейчас особенно, когда чувствую, до какой степени армия нуждается в поддержке. Я делаю все, чтобы продемонстрировать лишний раз свое доброе отношение к ней и поддержать ее. Потому что это главное сейчас, армия — основа и надежда государства. И если люди, которые сейчас служат в армии, я имею в виду прежде всего офицерство, не изменят себе, своим принципам, своим позициям, своей гражданственности, своей нормальности, обычной нормальности человеческой, то, может быть, самого страшного у нас не произойдет. Это — единственная сейчас надежда.

КАК НАЧИНАЛИСЬ «СЕКУНДЫ»

- Александр Глебович! Почему возникла необходимость создания новой передачи — «600 секунд»? Какой принцип был положен в ее основу?

— Наши программы теленовостей во все века выглядели так: в кадре диктор бодрым голосом читал официальные сообщения: «состоялось заседание», «завод выполнил план», «в закрома государства засыпаны тонны зерна...» А нам всем хотелось не только новой формы подачи материала, но и другого содержания — честного, прямого, живого разговора с телеаудиторией. Стали искать. Специально выписали из США программы новостей и отправили меня их посмотреть. Так случилось, что на просмотр я не попал и предложил товарищам по работе свою модель программы, которая сразу всем понравилась. Как оказалось, аналогов в практике телевидения она не имела.

Первые выпуски «600 секунд» были без ведущего — шел видеоряд с закадровым комментарием. Потом комментировать сюжеты был приглашен артист. Но до эффи-

ра дело не дошло. Предвосхищая дебют, тот явился под большущей мухой и тут же в студии, перед камерой, заснул. Его сгрузили на пол, а в кресло посадили вашего покорного слугу — никто из «зубров» ленинградского телевидения не хотел ввязываться в эту авантюру.

Ситуация вышла из-под контроля. Вспомнилось, когда работал на киностудии каскадером, приходилось выполнять трюк «подсечка», на полном ходу переворачиваешься с лошадьёю через голову. А как приземлишься — трудно сказать.

Первые три недели выходил в эфир один. Это тяжело: журналист в эфире должен быть и капитаном, и организатором, и диктором. Потом появились помощники.

Главным нашим девизом стало — правда, правда, ничего, кроме правды.

- Легок ли был путь в эфир? Тем более что все сюжеты — более чем острые...

— Мы действительно все время ходили по лезвию ножа. Случается, пользовались мало проверенной информацией. Но за первые полтора года у нас прошла всего одна ошибка, когда Светлана Сорокина объявила рок-группу «Трубный зов» ансамблем баптистов. На следующее утро верующие собрались под окнами редакции и требовали опровержения. Мне пришлось с телеэкрана извиниться за «прокол», а Сорокиной я сказал, что, случись подобное двести лет назад, ее бы публично сожгли на площади.

Второе наше прегрешение — подлог, на который я пошел сознательно. Мы собирались снимать бойню домашних животных. В эфирном варианте дело происходит так: распахиваются ворота и улыбающийся парень приглашает нас войти. На самом деле я перелез через забор, отворил ворота, впустил членов нашей киногруппы и мы начали снимать. В это время прибежал фельдшер, ужаснулся и стал нас выго-

нять. Поскольку мы уже закончили, то и не пытались сопротивляться. В итоге «противоборствующие стороны» полюбовно разошлись: он с сияющей улыбкой захлопнул за нами ворота. Конечно, бедняга фельдшер забыл о безграничных возможностях телевидения, а мы ими воспользовались и в сюжете прокрутили пленку в другую сторону. На экране выходило, что нас не «провожают», а встречают на бойне с распахнутыми объятиями и дружеской улыбкой...

Наш рабочий день начинался в восемь утра. Целый день ездили по городу и снимали. Возвращались в редакцию в восемь вечера, когда начальство уже расходилось по домам. Монтировали, потом я писал текст. После «Времени» выходили в прямой эфир, и тут никто не мог помешать мне сказать, что я считаю нужным. Все разговоры начинались после программы: звонки на телестудию не прекращались до полуночи, ну и потом — в кабинете у начальства.

Январь 1992 года. Съёмки репортажа «Америка».

Для того чтобы добывать информацию, мы имели самые широкие связи и в милиции, и на «скорой», и в пожарной охране, и просто среди наших зрителей.

Свобода выбора тем у нас была относительная. Условно говоря, на первом этаже, где живут обычные люди, пожалуйста — все что угодно. На втором, где обитают чиновники среднего звена, руководители торговли — трудно, но запретить нельзя. А на третий — высший этаж — нам вход был категорически запрещен, да мы и сами не рвались освещать официальные мероприятия. Мы вскрывали поверхностный пласт, и даже на этом уровне мне приходилось оставлять куски собственного мяса в кабинетах у начальников.

— Скажите, какими качествами, на ваш взгляд, должен обладать телевизионный репортер?

— Жесткость. Дерзость. Способность и желание добыть информацию любой ценой, разумеется, не входя, по возможности, в противоречие с законом. Это основное. Перед нами часто вставляли нравственные дилеммы. Этично ли, скажем, лишать пожилого, несчастного человека возможности получать свои сто? Нет, скажете вы. Но если этот человек, к примеру, охранник мясокомбината, где творятся жуткие безобразия, грозящие здоровью целого города, и у меня не было другого способа попасть туда, кроме как обмануть его, я, не раздумывая, шел на обман, на хитрость. Даже прекрасно сознавая, что он в результате моих действий сильно пострадает. Но я никогда не покажу в своих сюжетах изнасилованную, даже по просьбе органов внутренних дел. Никогда, потому что понимаю, какую трагедию пережил этот человек.

- Иногда создается впечатление, что вам нравится «щекотать» нервы телезрителей, подкидывая им «чернуху» в чрезвычайно больших дозах.

- Я был бы рад показывать «белуху». Но у меня есть естественное желание говорить правду и быть при этом искренним. Рекламирывать, допустим, токаря Синеклюева, выточившего фантастическую, но никому не нужную деталь, и вещать при этом: «Вот они, гигантские шаги вперед, к прогрессу!» — я физически никогда не мог. Хотя, возможно, кому-то этого очень хотелось бы. Но у меня не было и нет желания заниматься собственной дискредитацией. Не станем мы показывать и розовый тюльпанчик или праздник в детском саду на месте, где произошло убийство. Все мои коллеги подтвердят: я против крупных планов погибших. Они присутствуют в наших передачах только по настоятельной просьбе органов.

- Много в прессе было различных версий по поводу ухода из «Секунд» Светланы Сорокиной?

- Она ушла не только добровольно, она ушла абсолютно внезапно для меня и я тогда считал это потерей. Потом я понял, что ее уход — это большое наше приобретение. С этим человеком нам было бы не по пути. К тому же, если вы даже сильно напряжетесь, то ни одного значительного или запоминающегося материала Сорокиной не назовете. Она не обладала достаточным профессионализмом, чтобы работать в такой программе.

- Сергей Гуляев... Вы специально подобрали дублером человека, который является как бы ухудшенной копией вашей? Сергей подражал вам в манере говорить, в одежде, это оборачивалось только против него.

~ Вопрос нечестный.

- Почему? Сергей сам признавал, что пальма первенства, бесспорно, у вас, что себя он тоже воспринимает как ослабленный невзоровский вариант.

- Понимаю, но все равно плохо, что вы Сергею об этом сказали, заставили его признаваться. Бго самолюбие надо щадить. Но... Но! По сравнению с этим мальчиком, кстати, майором Советской Армии, афганцем, пробывшим 2 года на войне, все московское телесборище — просто профнепригодно. У этих людей ничего нет за душой, ничего нет в сердце. Завтра придут к власти другие люди, и все они станут говорить противоположное тому, что вещают сейчас. Голову на отсечение даю. А этот мальчик, Сережа, имеет человеческую сущность. То, что он не такой профессионал, как я, не так важно.

- Сюжет, который вам особенно дорог?

- Приехали мы в приемник-распределитель и сняли сюжет, потрясающий по своей аллегоричности и доброте. При всей его уродливости в нем есть великая надежда. Человека 72 лет от роду, у которого никогда не было прописки, 63 из которых он провел в местах лишения свободы, выпускают впервые на свободу. Перед тем как выйти, он попросил букварь И теперь водит пальцем и учится читать, шевеля губами: «В ка-мы-шах сто-ит а-ист». Может быть, и нам еще не поздно взять букварь в руки, поверив, что свобода и перспектива есть, попытаться вникнуть в нормальные человеческие понятия, которыми живет мир?

- А вы, кажется, и пытаетесь их дать...

- Бомжу, который полгода жил в сортире, с перепугу дали квартиру из райсполкомовского фонда... и старушке, у которой на глазах разрушили ее дом, забыв про нее, и многим другим помогли.

- Судя по реакции, страху вы наводите много в округе?

— Одно время у меня в кабинете висел на одной стене портрет Ленина, на другой черный пиратский флаг с черепом и костями. Когда нас не пускали на мясокомбинат, обстреливали — над «рафиком» поднимался этот пиратский флаг, и... Ворота раскрывались.

— *Сами?*

— Наша машина набирает скорость, и мы проскакиваем через проходную. Как правило, вахтеры не успевают поинтересоваться, кто мы такие. Охранники никогда не имеют претензий к въезжающей машине, поскольку они уверены, что въезжающие люди — это еще не те, которые что-то украли из того, что могли украсть они сами.

1988 год.

Съемки сюжета «600 секунд».

Мясокомбинат — это, если хотите, в определенном смысле символ экономики, к которой мы привыкли. Первый сюжет на мясокомбинате был о курочках, превращенных в пузырящуюся грязь. Вместе с нами ездили американские тележурналисты. Увидев, что перед мясокомбинатом мы развили бешеную скорость, они подумали, что так и надо, и так же вслед за нами промчались через проходную. На территории мясокомбината среди горы трупов американскому телерепортеру стало не по себе. К нему подошел его консультант по вопросам экономики и, видя его непонимание, объяснил: социалистическое хозяйство.

— *Правда, что прокуратура предупреждала, что на мясокомбинате вас собираются убить? Но, несмотря на это, вы продолжали делать набег. Верили, что наведете там порядок?*

— Порядок на мясокомбинате может быть тогда, когда он будет наведен в стране. Но мы не имели права молчать.

Угрозы раздавались отовсюду. Как-то за четыре месяца у меня было двенадцать судебных процессов. А один раз — в месяц двадцать четыре. В суд подали катафальщики ленинградского крематория, о которых я сообщил в эфир, что они воруют из гробов цветы и тапочки. Они страшно обиделись, потому что какая-то их категория воровала только цветы, а какая-то тапочки.

— *Какой процесс самый запомнившийся?*

— Я передал информацию, как один пьяный гражданин пытался изнасиловать собственную овчарку. Вследствие чего у него был откушен половой член. Информацию эту передал мне по рации врач «Скорой помощи». Случай был курьезный, и я его сразу передал в эфир, разумеется, не назвав фамилии пострадавшего, но назвав больницу, куда его

отправили. При этом совершенно позабыл, что в больнице тоже смотрят «600 секунд». Когда передача выходила в эфир, испуганного больного ввозили в приемное отделение больницы. Пациенты, до того не встававшие с коек, бросали костыли и толпой шли смотреть на это чудо природы. Больной лежал, закатив глаза, закусив одеяло, и проклиная сволочь Невзорова. Когда он вышел из больницы, то, естественно, подал на меня в суд — место, которое стало для меня почти вторым рабочим кабинетом. Прибыв в здание суда, я увидел там следующую картину. Конвойные рыдали от смеха, прислонившись друг к другу. В самом центре зала стоял потерпевший, держа в руках исковое заявление: «В связи с тем, что комментатором ленинградского телевидения Невзоровым, — говорилось в нем, — был предан гласности факт лишения меня полового органа и в связи с чем сильно затруднена моя половая жизнь в Ленинграде и области, прошу восстановления чести и достоинства». Судья его спрашивает: «У вас есть доказательства неверности информации, которую передал Невзоров?» Он отвечает: «Нет. Но требую восстановления чести и достоинства». Копию его искового заявления корреспонденты Си-би-эн и Эн-би-сй неоднократно предлагали и предлагают мне продать в «Книгу рекордов Гиннеса», поскольку не припомнят ничего подобного...

- *А еще интересные случаи?*

— Иногда приходилось идти на чистый шантаж. Приезжает в Ленинград эротический театр культурного центра, что при ЦК ВЛКСМ, я еду снимать. Пока оператор трясущимися руками пытается навести телекамеру на девушку — в такой ситуации работать не просто, — я иду в кассу и прошу показать мне заявоч^{ки} и на коллективные посещения. И вижу: «Просим содействовать посещению всех эротических спектаклей

Александр Невзоров и режиссер НТК-600
Михаил Ермолов.

Съемка репортажа «Америка». Январь 1992 года.

сотрудников РОВД желательно в первом или втором рядах». И подпись: «Замполит». Бумажечка тут же перефотографируется. Буквально через день — я у начальника управления внутренних дел этого РОВД. Знаю, что он зажимает от меня информацию. Я пришел к нему не как какой-нибудь садист, размахивая документом: вот у меня компромат. Нет! Я пришел к нему, как к умному, хорошему человеку посоветоваться, как подавать информацию в эфир: с музыкой или в полной тишине. Он начинает меняться в лице, негнущимися пальцами тычет в кнопки селектора, и из-под паркета вырастают оперуполномоченные, постовые и прочие. Он им отдает строжайший приказ давать больше информации Александру Глебовичу, а то Александр Глебович обижается на милицию. Я отдал ему фотокопию: Другую положил себе под стекло, на случай осложнения наших отношений.

Студия Ленинградского ТВ,
прямой эфир А.Невзорова. 1993 год.

— А взятки Вам пытались давать? Не обязательно денежные, взятки, они разные бывают...

— Однажды мне предложили 30 тысяч рублей — тогда это были огромные деньги, оклад мой был 170 рублей... Я послал, понятно куда... Один бомж, которого мы хотели снимать для передачи, предложил в качестве взятки мне рубль. А для него это — целое состояние, три кружки пива можно купить. Я был тронут: от рубля отказался, от съемок тоже.

«РЕПОРТЕРСТВО... ЭТО ОБРАЗ ЖИЗНИ»

...Всегда в «секундовские времена» было интересно сделать что-то первым. Никто никогда не показывал место происшествия или преступления до того, как туда прибыла следственная группа, — мы это делали. Мы радовались, как мальчишки, когда прибывали на пожар раньше пожарных. Или раньше «скорой» успевали на ДТП — дорожно-транспортное происшествие. Мы были конъюнктурщиками в лучшем смысле этого слова, действительно изготавливали своего рода «наркотик» для города.

Кто-то сказал: «ТВ — это жевательная резинка для глаз». Правильно сказал, жестоко, беспощадно, но правильно. Телевидение — не духовная сфера, начисто, абсолютно. Оно по природе своей не может производить каких-то изменений во внутреннем мире человека. Для «попадания» в глубинные нервно-психологические, эстетические центры есть «дальнобойные орудия»: литература, кино и т.д. И мы делали то, что

нужно было сию минуту и что пользовалось спросом. Нашу передачу можно было сравнить с разведкой, которая очень далеко оторвалась от армии. Или с ледоколом: задача — взломать новый пласт, а дальше пусть другие корабли двигаются... Повальная глупость хороша. Естественно говорить правду, естественно «перехлестывать» в правде, естественно увлекаться правдой до потери сознания. Но гласность — не стала решающим фактором в спасении страны, мягко говоря, не стала. Все мы находимся в огромной зависимости от рабочего человека Иванова. И пока он не начнет правильно точить гайки, ничего не изменится. А Иванов не начнет правильно точить гайки, потому что его детей в садике кормят гнилым мясом, его жена бежит по базарам за барахлом подешевле, сам Иванов не может купить билет на концерт и жизнь ему не мила. Нужно экономическое уважение к рабочему человеку, на плечах которого стоит страна. Но как добиться этого уважения, мало кто знал раньше, а сейчас и вообще никто не знает.

- *А внутренний цензор — вы в себе его все-таки чувствуете?*

— У русского человека исторически в голове всегда было предостаточно предохранителей. Мы необыкновенно долго находились под гнетом бюрократического аппарата, который начал складываться, наверное, еще при князе Владимире. И с подлинной, высокой человеческой свободой мы еще не познакомились... *Хотя Россия — это квинтэссенция и высочайшей гуманности, и страдания, и понимания всего, что есть на свете...*

Когда к нам приехал корреспондент АПН и попросил сделать фильм о «Памяти», я честно сказал, что делать фильм откровенно против «Памяти» не буду, поскольку это противоречит моим убеждениям. Делать «за» не буду по той же причине. Просто я противник

черно-белых оценок, даже в отношении «Памяти». Я за славянофильство, но не агрессивное. За славу, величие, великолепие России. Но подумать, что ради этого могут бить детей: еврейских, армянских, молдавских... дико!

Могу, так сказать, «административно» понять тех, кто уезжает за границу. Человек должен искать, где лучше. Кто-то не может обойтись без розовой ванны, где в шампанском плавают блондинка — пусть едет, ищет. Я могу обойтись, мне лучше здесь... И весь разговор.

- *Репортерство и интеллигентность - понятия несовместимые?*

- Совершенно. Есть замечательная пословица: «В доме повешенного не говорят о веревке». Человек, избравший профессию репортера, именно о веревке и должен говорить в доме у повешенного. О какой интеллигентности здесь вообще может идти речь? Репортерство — страшно грубая, солдатская профессия. Когда я приезжаю на студию после дня работы в городе, у меня черные руки, потому что приходится браться за тысячи дверных ручек.

- *Но для вас есть что-то святое?*

- Россия. Ее величие.

- *Кто были вашими учителями?*

- Фильм «Чапаев». У меня перелом психологии произошел, когда я впервые в возрасте семи лет посмотрел и увидел психическую атаку каппелевцев. Я влюбился в них и с тех пор ходил специально смотреть именно на эту сцену. Я первый сделал на советском ТВ сюжет в защиту белой гвардии. Вообще, давно пора было перестать играть в эти детские игры — красные, белые. Все одинаково умирали за Россию.

- *Какой вам представляется современная национальная политика?*

— Национальная политика должна целиком пере-
нять опыт политики, которая народилась в страшно
кризисный момент России, политики Петра, полити-
ки гениальной...

— *А не Петр ли разрушил Россию? Именно после
Петра пошел раскол русской жизни?*

— Уже невозможно было не разрушить...

— *Говорят, лучше лапоть, да свай, а Петр принес
иноземный.*

— Петр принес иноземный, конечно, лапоть, но он,
на удивление, впору пришелся по ноге, и теперь вооб-
ще непонятно, чей это лапоть: их или наш?

— *Много шума в свое время вызвала передача, где
транслировалось выступление Ельцина в Балтиморе.
Борис Николаевич был подан, мягко говоря, не в выиг-
рышном свете... Ваше мнение — как специалиста, как
телевизионщика?*

— Я почти уверен, что это было прежде всего жела-
нием скомпрометировать честнейшего человека в гла-
зах народа. Возможно, это были происки определенных
кругов США, да и смонтировать таким образом плен-
ку совсем нетрудно. Но в любом случае — это низость.

— *Александр Глебович, и все же, на профессиональ-
ный взгляд, в ваших передачах немало «чернухи»...*

— Да, я делаю сюжеты о калеках, об условиях, в
которых они существуют, о ветеранах войны, брошен-
ных подыхать под забором, но называть «чернухой»
сюжет о немощном старике, живущем в общественном
сортире, я бы не решился! Так к «чернухе» можно отне-
сти и нашу работу о германских и советских инвалидах
войны. Как живет инвалид-побежденный и как живет
инвалид-победитель. Первый обихожен, имеет громад-
ный дом, передвигается на «мерседесе», специально для
него оборудованном. А наш, победитель, ютится черт-
те где, передвигается на самодельной каталке... Дол-
жен был об этом кто-то говорить? Должен!

Август - сентябрь 1994 года.
Съемки на дамбе.

Кстати сказать, почти всем инвалидам, бомжам и прочим героям, показанным в «600 секундах», в большей или меньшей степени была оказана помощь.

О том же, что сюжеты делались на достаточно высоком профессиональном уровне, свидетельствовало то, что наши репортажи покупались и покупаются западными телекомпаниями. Естественно, после того, как они пройдут наш эфир. Валюту, которую мы выручаем, тратим на свою экипировку. Западу мы оказались интересны и с другой стороны. Из Англии приглашение прислали, из какого-то клуба: дать свое согласие на захоронение в рыцарском склепе. С мечом в руках.

— *У себя на родине, кажется, вы встречались с «заботой» прямо противоположного свойства?.. Небезызвестная комиссия по гласности засылала в прокуратуру целые пачки жалоб на вас... Самих вас не удивляло, что вы еще на свободе?*

— Да, было проведено серьезное расследование и не самое приятное для нас, потому что представители прокуратуры обращались со мной довольно жестко, буквально соблюдая свои полномочия и обязанности. Были проведены экспертизы — филологические, политологические и еще черт знает какие — практически всего того, что я за предыдущие четыре года сделал, на предмет выявления там призывов к войне, разжигания национальной розни и т.п. Надо сказать, что все экспертизы (а проводились они скорее всего не друзьями) не дали для возбуждения уголовного дела никакого повода — нигде состава преступления найдено не было. И возникла официальная бумага о прекращении проверки за отсутствием состава преступления. В прокуратуру были приглашены люди, которые в течение долгого времени писали мне, и выражения типа «красный подонок» или «фашиствующий ублюдок» были самыми мягкими в этих письмах.

Прокуратура предложила мне возбудить уголовное дело в отношении этих людей за оскорбление чести и достоинства, но я, во-первых, не считал для себя возможным занимать по собственной инициативе столь серьезную организацию разными глупостями. А во-вторых, мне было настолько искренне жаль всех этих людей, что я их всех просто простил.

На этом тогда дело и кончилось, до новых доносов на меня.

- *Насколько часто вам приходилось выполнять чьи-то заказы, когда вы делали программу?*

— Мне, как и всем, приходилось выполнять заказы, но я брался за их выполнение, только если это не противоречило моим убеждениям. Меня много раз пытались вернуть как бы на нормальную стезю, на бомбежку того, кого надо бомбить, а не того, кого я хочу. Со мной много работали. Но от своих структур (тех, которые стоят за спиной, потому что так не бывает, чтобы не стоял никто, — иначе не удалось бы, так отчаянно хулиганя, просуществовать в эфире 6 лет) заказов не было практически никогда. Они знали, что я всегда все сделаю сам. И даже были убеждены, что меня скорее надо останавливать. Например, эти структуры всегда возмущались моему снисходительному отношению к Жириновскому и требовали прекратить освещение этой фигуры в эфире. А он был мне тогда симпатичен. Как-то подарил съемочной бригаде бутылку водки со своим портретом на этикетке и талоны на бензин (правда, на московскую заправку).

- *Александр Глебович, улыбка в конце почти каждой, передачи - это было издевательством над кем-то или самодовольством?*

— Мне трудно быть серьезным, я человек улыбочивый. В «Вестях» тоже улыбаются, правда, после слов *в Абхазии убито 20 человек». У меня и самодоволь-

ство иногда присутствует — в зависимости от текста. А вообще улыбка — хорошая точка в передаче.

«Своеобразный "рейтинг популярности" установило среди своих собственных программ новое руководство Санкт-Петербургского телевидения: новые расценки на рекламу в программах питерского телевидения. За 30-секундный рекламный ролик в программе "600 секунд" заказчик должен заплатить 200 тысяч рублей, на втором месте "Адамово яблоко" — 144 тысячи. Замыкает тройку "призеров" информационная программа "Факт".»

(Агентство ИМА-пресс. Декабрь 1990 г.)

«КРАСТЬ ПЛОХО, СВЯТЫЕ СВЯТЫ, А ПОДОНКАМ - БОЙ!..»

- *Вы часто видели чью-то боль или чье-то зло. Не стали холоднее, не очерствели?*

— Наверное, в какой-то мере. Это неизбежно. Иначе нельзя работать. Но я никогда не забуду, что с нами творилось, когда мы снимали того, кто изнасиловал двухлетнюю девочку. Его хотелось удавить своими руками.

Но в сорока случаях из ста преступники вызывали у меня сострадание и даже уважение. Потому что очень многие наши уголовники — это не страшная сицилийская мафия, не «малина» 20-х годов, не прожженные твари в татуировках. Это люди, которых распространенное у нас бытовое скотство довело до такого состояния, когда трудно не убить, не зарезать. Система общественной жизни их руками совершает преступления. Система вынуждает красть сахар, становиться бомжом. Он отсидел, вышел, ему нужно в Двухнедельный срок устроиться на работу. А на рабо-

ту не примут, если у него нет прописки, а прописки не дадут, если нет работы. И идет человек по матушке-России гулять, и навсегда выкидывается из жизни. В одном Питере бомжей, по самым скромным подсчетам, десятки тысяч...

Я не пытаюсь оправдать настоящих преступников. Просто я вижу среди них массу талантливых людей, не сумевших себя реализовать в положительном смысле. А талант такая сила, что он все равно проявится — не во благо, так во зло. Обычный уголовник зарежет одного, талантливый человек, став уголовником, зарежет тридцать. Надо проводить «облавы», что ли, на талантливых людей, надо понимать, что только ими может делаться страна, не давать им скатываться.

Бывает, конечно, соблазн дать микрофоном по голове какому-нибудь негодяю. Но профессия не позволяет. Может быть скажу возвышенно, но, показывая преступления и преступников, мы хотим вызвать к ним ненависть, а кого-то, надеемся, и остановить от злого умысла...

То есть преступников можно оценивать не только по статьям Уголовного кодекса, а можно — и нужно! — видеть за ними печальную реальность общества.

Нас иногда ругали: быстро говорим в кадре, показываем много «чернухи», лезем, куда не надо. Лезть, куда не надо, будем, пока живы. Насчет «чернухи»... Ко мне из другого города специально приехал «король валютчиков» — показать перед камерой, как совершаются фокусы с валютой. И он стопроцентно убежден, что я не приведу с собой милицию. А мне, поверьте, требуется это не ради сенсации. В этом есть еще одна черта жизни. Ее надо зафиксировать сейчас, сегодня. Никто не имеет права ограждать людей от знания, отбирать: что им нужно, что нет.

- Понятно, что в силу специфики профессии у вас была связь и с КГБ тоже?..

— Насколько это необходимо для дела. Как и с ГУВД, пожарными, «скорой помощью», ГАИ. Я работаю с оперативной информацией, причем опасной и сложной — в основном связанной с преступностью, которая проходила и через КГБ тоже. Причем если это не оружие, терроризм, контрабанда и еще несколько подобного рода преступлений, то сведения попадают к ним в третью очередь. Так что иногда мы перепроверяли через КГБ информацию, иногда они давали ее сами — по своей линии. И у меня там действительно были друзья, как есть они и в других службах, с которыми я работаю. И какой бы страшной очерниловкой это ни выглядело, сознаюсь: это бесконечно дорогие для меня люди. Я имею все основания говорить об их исключительной порядочности, благородстве, любви к России...

А если говорить совсем серьезно о моем отношении к КГБ, то люди, намекающие на нашу «связь», совершенно напрасно думают, что они этим меня страшно позорят. Я не балерина из Мариинского театра и не воспитательница детского сада. Я — журналист, и просто обязан быть «связан» профессионально и человечески со всеми, кто работает в сферах моих тем и интересов.

Можно взять в руки нож и произнести речь о том, какое это омерзительное оружие. Можно сказать о том, как нож удобен, и сложить в его честь панегирик. Ведь весь вопрос в том, как им пользоваться, не правда ли? Или — в чьих он руках? Нож — инструмент. И службы безопасности, разведки и контрразведки — инструмент Государственной власти. Для совершения особо сложных и точных операций. Институт, который есть в каждом государстве. Если он оказывается в руках подонка, то и используется соответствующим образом. Если в руках порядочного человека — итог работы инструмента иной.

— Давайте вернемся к еще одному вашему заявлению, вызвавшему шквал вопросов. Что вы имели в виду, заявляя, что у вас есть платные агенты!

— Что они у меня есть. Это люди, которым нельзя в силу служебного положения или общественного, а иногда и в силу личного желания «светиться» в кадре. Они делают реальную работу и получают за это деньги. У вас в газете ведь тоже существует система, когда человек пишет под псевдонимом. Есть и такие люди, кто в силу своего убеждения или, если хотите, пристрастия помогал «Секундам» бесплатно. Думаю, и у вас такие тоже есть.

— То есть это обычные отношения -между редакцией и авторами?

— Не совсем. Если вы имеете в виду, платит им телевидение или лично я, то здесь бывает по-разному. Одной любви к Невзорову иногда недостаточно, и это нормально. Некоторые не хотят проходить по ведомости даже, скажем так, под псевдонимом, и это тоже нормально. А иногда поступает информация такого рода, что ни премии, ни оплаты сюжета для ее материальной оценки недостаточно.

— В НТК у вас сложилась репутация диктатора. Так проще жить?

— Мне сложнее изображать из себя балерину, я такой, какой есть. Это не диктат. Есть твердая дисциплина, без которой невозможно на производстве, а у нас был самый настоящий конвейер. Мы не обычная редакция, мы кончик большой политической силы. Так сложилась ситуация. Поэтому требования у меня к людям очень высокие.

— Но инакомыслящих вы терпите?

— У нас иконописная мастерская, можно так сказать. Большое заблуждение, будто Рублев писал иконы. Существовал Строгановский лицевой подлинник, толстенная книга, где на пятистах листах были нане-

сены контуры всех икон и всех библейских сюжетов. Это было канонизировано. Иконописец брал и только раскрашивал заготовку. Так и у нас, отсебятины не требуется.

— *Сложная аналогия.*

— Простая. Мы пользуемся естественными взглядами, когда не нужно изобретать велосипед. Красть плохо, предавать плохо, святые святы, а подонкам — бой. Вот наши истины. Все.

— *Можно только гадать, сколь трудно и опасно добывать разоблачительную информацию?*

— У меня есть команда, которая работает на меня. Как-то мы сообщили об убийстве человека, решившего работать на нас: он был как раз из той организации, с которой мы воевали. Это не шуточные игры.

— *А были у вас провалы «агентов»?*

— Нет, но рассекречиваться некоторым приходилось. К примеру, наш товарищ Н., в скрупулезности и объективности его я был уверен, передал нам информацию, которую я без проверки на свой страх и риск выдал в эфир. На нас подали в суд, и, поскольку крыть мне было нечем, я уже был готов к тому, чтобы принести свои извинения. Но Н. решил иначе. Он пришел в суд и представил документы в нашу пользу. Суд мы выиграли, но со службы Н. пришлось уйти. Потом он у нас работал на договоре.

— *Есть ли у вас законы, от которых нельзя отступать?*

— Обо мне ходят легенды, что я готов пойти на все ради информации. Что ж, образ разбойника-репортера мне ближе, чем образ розово-голубого героя. То, что некоторое время назад прозвали гласностью, — та область, та земля, которая завоевывается. Земля нам абсолютно неизвестная. И первыми на разведку, на завоевание идут люди с авантюрным характером, с особым психологическим свойством натуры: им очень трудно сохранить белоснежными манжеты. И я, естественно, тоже не совершенство.

— *Передачу «600 секунд» называли «хроникой разложения». А была ли у вас собственная, личная концепция информационного выпуска?*

— Просто хотелось показать правду нашей жизни, жизни без прикрас. Это была попытка бросить беспристрастный и честный взгляд на происходящее в стране. Никаких политических целей мы не преследовали, в нашей редакции не было ни одного партийного сотрудника. Пресса, телевидение, я считаю, должны быть свободны и независимы. Главное условие — честность.

— *А какой ценой достается вам правда? Сведения, которыми вы владеете, достать не так-то просто. Как вам это удается?*

— Я за правду любой ценой. В борьбе со злом, я считаю, все средства хороши, лишь бы ясно высветить это зло. Некоторые коллеги обвиняют меня в неэтичности действий. А что делать? Ради правды приходится идти на все, на самые разные уловки. У меня девиз: информацию — любой ценой, либо силой, либо хитростью. К примеру, весь компромат по Ковалевскому кладбищу пришлось украсть. Папку с документами мы быстренько пересняли, буквально через десять минут она была в городской прокуратуре.

— *Александр, в своих репортажах Вы, как правило, прикасались к «болевым» точкам нашего общества. Достаточно вспомнить острые сюжеты о мясокомбинате, о Ковалевском кладбище, рыночной мафии, протитутках... Не страшно было?*

— Это и было всегда нашей целью — показать эти «болевые» точки. Мы не могли искоренить зло, а потому и не ставили себе такой задачи. Но обнаружить это явление, показать тех, его «творцов», их грязное, замаскированное нутро — к этому мы всегда стремились.

За свою жизнь я никогда не боялся, хотя мне действительно угрожали и даже пытались иногда предпринять кое-какие действия. Правда, один раз, когда столкнулся с рыночной мафией, торгующей черешней, было все-таки страшновато. Но больше не за себя, за своих сотрудников, которых я не имел права подвергать опасности. Как-то летом мы снимали скрытой камерой перекупщиков черешни. И нас засекли. К счастью, мы вовремя заметили, что нашу машину хотят поджечь. Хорошего мало — погибать от огня, да и технику жалко. Выручила рация, мы связались по ней с работниками милиции. Честно говоря, спекулянты тогда меня разочаровали: бегали вокруг нас с горящими тряпками, но так и не смогли поджечь машину. При появлении милиции они разбежались, оставив 500 ящиков черешни, которую мы затем сдали в торговые организации:

г. Стрельна.
1991 год.

— Говорят, Вам поставлен при жизни памятник?

— Если его можно считать памятником, то он действительно поставлен. Я же бывший каскадер. Люблю лошадей, с детства, с семи лет, езжу верхом. Однажды, а было это на съемках фильма «Мир тебе, входящий!», мне пришлось спасти лошадей, которые по вине актера увязли в глине. Чудом удалось. Конюх на следующий день поехал на место происшествия и вылепил из глины нелепую фигуру, подписав: «Невзоров». Она стоит до сих пор. Я даже как-то носил туда цветы.

— *Что же все-таки опаснее: быть каскадером или выходить в эфир с глазу на глаз с десятками миллионов зрителей и нести им. только правду?*

— Каждый выход в эфир, особенно когда подготовлена очередная «бомба», я сравниваю с опасным для каскадера трюком, который называется «подсечка». В этом случае всадник сам «подрывает» у коня передние ноги и в этом миг конь на скаку вместе с седоком переворачивается через голову. Около 300 раз мне удавалось исполнять этот трюк.

— *Если перед вами встанет проблема: получить необходимую информацию, подглядев «в замочную скважину», или остаться без нужных вам сведений, как вы поступите?*

— Процесс «подглядывания в замочную скважину» должен быть выполнен высокопрофессионально. Зрим и силен образ, стоящий за этим словосочетанием. А если по существу, в настоящее время я не испытываю необходимости в подобном способе получения информации: у нас есть разветвленная сеть информационной разведки и большое количество помощников. Подглядывать чьими-то глазами согласен — не вижу в том ничего дурного. Ни за один сюжет «600 секунд» мне не стыдно. Что касается влезания в личную жизнь граждан и «интим» — что ж... Как-то такую попытку осуществила в отношении меня супруга Собчака, по-

ведая в интервью газете «Смена» об обстановке моей квартиры. Выразил ей благодарность за использование любимого мной силового приема. У меня после этого оказались в отношении четы Собчаков руки развязаны. Конечно, в известной степени.

— *Как удавалось проникать за закрытые двери?*

— Самой излюбленной тактикой было — включить фары и на скорости 100-110 километров в час проскочить сквозь ворота проходной. Как правило, спросить документы и куда ты едешь не успевали. Здесь главное оказаться на территории, как выйти — не столь важно. На выходе могут стоять охранники с карабинами, стрелять, делать что угодно. Меня это уже не волновало, потому что кассета вынималась из камеры и пряталась куда-нибудь одним из работающих вместе со мной в съемочной бригаде. Видеоматериал у меня все равно был.

— *Все всегда удавалось?*

— Конечно, нет. Но это не касалось нашего зрителя. Наши неудачи были на оперативном уровне, в случае провалов съемочных или разведывательных операций. Но у нас был настолько мощный информационный аппарат, такие крепкие съемочные бригады, что проколы случались крайне редко.

— *Во время eaii-их передач у многих мурашки пробегали по коже. В частности, во время уголовной хроники. Я понимаю, что это делалось для того, чтобы пощекотать нервы. Но насколько оправдана такая безжалостность?*

— Если мы скажем об убийстве и покажем жизнерадостное лицо следователя, мы не привьем отвращения к тому, что произошло, к факту преступления. Мне приходилось встречаться с преступниками, которые говорили, что если бы они видели, до какой степени страшен бездыханный мертвый человек, то никогда в жизни не совершили бы преступления. Они не

представляли себе, до какой степени глубоко и сильно действует ужас, связанный с внешним антуражем убийства. Поэтому мне кажется, что демонстрируя криминальную хронику предельно безжалостно, мы очень многих людей научили осторожности. То, что в Санкт-Петербурге живут осторожнее, осторожнее знакомятся, осторожнее открывают двери, — это пусть маленькая, но наша заслуга. Я не знаю, сколько жизней таким образом нам удалось сберечь.

Меня очень часто спрашивают, не считаю ли я действия программы при добывании информации безнравственными. Приведу такой пример из одной замечательной книжки. Главный герой ее по ходу сюжета убивает несколько человек, крадет деньги у своего квартирного хозяина, спит по очереди с двумя женщинами и к тому же плетет политические интриги. Его друг, хронический алкоголик, который в наше время был бы помещен в ЛТП, тоже своими руками убивает несколько человек и занимается разного рода махинациями. Второй приятель — сутенер, имеет любовницу, муж которой — парализованный, больной старик. Любовник обирает его, между делом убивает, жлет, хвастает. Четвертый тоже неприглядная личность. Затем эти четверо милых людей объединяются, чтобы убить женщину, которая была женой одного и любовницей другого. И все это — классика мировой детской литературы под названием «Три мушкетера», роман господина Дюма.

Если разложить все это по статьям уголовного кодекса, то каждому из них можно дать лет по пятнадцать строгого режима, и то лишь учитывая принцип поглощения одной статьи другой. Но оказывается, что эта книга может воспитывать и благородство. Поэтому разговор о нравственности и безнравственности имеет свою специфику, если дело касается репортерской работы.

ЛОБОВАЯ АТАКА НА ВЛАСТЬ: ЛЕНСОВЕТ

«...В дворцовых курилках Мариинского клянут «Депутатскую рулетку» Невзорова. По слухам, единственным выходом «счастливым», угодившим в барабан рулетки, видится: захватить Невзорова, вывезти в Прибалтику и сдать его, допустим, прокуратуре Латвии. А там... был бы человек из России, а статья найдется.»

(«То да се», декабрь 1992 года)

- Александр Глебович! Признаться, мне поначалу было непонятно: отчего это наша пресса, причем разных калибров и оттенков, так ополчилась на Невзорова? Но анализ публикаций позволил вроде бы сделать кое-какие выводы. Во всей свистопляске вокруг журналиста есть элемент зависти. Бывший каскадер - и вдруг в рекордное время становится телезвездой первой величины, а его программа из раза в раз

занимает самое верхнее место в рейтинге зрительских симпатий. Это для «профессионалов», пожалуй, обидно. Ну а генеральная причина нападок на вас мне видится вот в чем: Александр Глебович слишком круто переложил руль, отмежевавшись от своих симпатий к новому Ленсовету. Что же произошло?

— Наши депутаты, видимо, полагали, что если «600 секунд» симпатизировали демократам во время избирательной компании, то, казалось бы, сам Бог велел «600 секундам» быть на их стороне, когда они пришли к власти. Но этого не произошло. Мы, как и все питерцы, ждали, что власть сумеет о себе заявить. Ну а символом ее бездеятельности стал флаг Российской Федерации, который висел над зданием Ленсовета вверх ногами. Что мы и показали с соответствующим комментарием! Вот тут-то и состоялся залповый выброс на «600 секунд», затмивший все предыдущие. «600 секунд» и ваш покорный слуга стали притчей во языцех у так называемой демократической печати: мол, Невзоров тешит свои амбиции, наживает политический капитал и прочее...

— Помнится, именно вы в свое время по просьбе депутатов Ленсовета предоставили свое эфирное время, свое место ведущего следователю Николаю Иванову, выступление которого было анонсировано, но в последний момент запрещено руководством Гостелерадио СССР. Депутаты, отметим, ничем не рисковали, а вот Невзоров за самоуправство мог запросто оказаться за воротами. И вот после такой, можно сказать, жертвенной дружбы — и такая конфронтация: депутаты Ленсовета не нашли ничего лучшего, как объявить по телевидению же, что Невзоров подозрительно близок к КГБ.

— Разве это нормально, когда депутаты, положив себе более чем приличные оклады, не выполняют своих обязанностей?! Невозможно собрать кворум, невоз-

можно решать никакие вопросы, а ведь город-то — умирает! И что характерно: стоило задеть Ленсовет, как вдруг заработала его комиссия по гласности, которая начала ходить за мной по пятам. А зачем она нужна вообще? Ведь есть закон о средствах массовой информации, где все четко расписано. Но нет, закона мало! Нужна именно своя команда, которая могла бы в нужный момент придушить неугодного журналиста, программу, газету. Природа власти — одинакова! Никакая власть не терпит критики. Ни коммунисты, ни демократы. Отсюда вывод: журналист должен быть в конфронтации с любой властью, держать ее на прицеле, выявлять ее негативные стороны и информировать общественность, которая в свою очередь должна принимать меры к власти согласно узаконенным процедурам. Иначе толку не будет.

- *Вы всерьез считаете, что это - единственное занятие комиссии по гласности?*

— Ее лозунговые цели мне, естественно, известны. Но в обществе принято оценивать людей не по лозунгам, а по реальным делам. На мой взгляд, произошла подмена понятий, извращение тех функций, которые эта комиссия взяла на себя официально. В конечном итоге мы получили некую разновидность инквизиции в рамках цензуры. То есть у членов этой комиссии верх взяло не высокое чувство ответственности, а мелочное, я бы даже сказал неприличное чувство мести.

Чем мы ценны? Тем, что мы чуть-чуть опережаем события. Мы начали громить Ленсовет, когда главной особенностью прессы, ее основной реакцией на появление Ленсовета еще было либо тихое умиление, либо робкое оскаливание зубов. Мы впервые провели анализ их деятельности, результативности и первые стали доводить до сведения избирателей факты, по сути, обмана народа народными избранниками. И вот

сейчас люди уже на своей шкуре почувствовали, кто есть кто в Мариинском дворце.

С комиссией по гласности — то же самое: мы опять опережаем, вернее стремимся опередить события. Если мы сейчас не успеем этого сделать, то потом и нам, и вам, и всем другим журналистам в других газетах просто закроют рот. Лица, из которых состоит этот «цензурный комитет», не вызывают у меня ни профессионального, ни человеческого доверия. Ни малейшего!

- Даже журналисты?

— Тем более журналисты! Которые с такой замечательной легкостью, в общем-то, порывают со своей профессией ради чиновничье-государственно-комиссионно-депутатского, тусовочного какого-то дела. Тот же Сергей Сергеевич Дегтярев, к примеру... Вот что вы, как журналист, скажете о нем?

- Скажу, что он - человек, который, выбрал свое направление и последовательно идет по нему. И что он имеет на это право, как и каждый из нас.

— Совершенно верно, но если именно такие люди составляют комиссию по гласности, люди с такого рода «направлениями» и понятиями о порядочности, то мне понятно, какого толка цензура будет всем нам обеспечена! Вторая сторона — уровень. Помните робкие намеки на мое отношение «к некоей могущественной организации», понятное дело, к КГБ? Встретил я как-то того депутата. Спрашиваю: почему конкретно организация не названа? Отвечает: я не могу назвать организацию, потому что не могу пойти в КГБ и попросить справку, работаете вы там или нет. То есть я не могу этого доказать... Понимаете разницу? Чтобы журналист заявил гласно о чем-либо, он должен иметь на руках официальный документ. А им достаточно догадок. И, к сожалению, таков у них стиль работы вообще: слежка, домыслы, стремление «укоротить». Ну

какое дело комиссии по гласности до моих встреч с рабочими на предприятиях?!

— *И все же, чего вам бояться, если ваши заявления подтверждены документально? Допустим, есть комиссия по торговле. Если шум поднимут работники этой сферы, реакцию горожан предвидеть нетрудно: там достаточно много воруют и не хотят, чтобы их контролировали, боятся, что воровать не дадут. Почему Невзоров, который все всегда перепроверяет, опасается, что его информацию перепроверит кто-то еще?*

— Дело не в боязни, а в недопустимости и ненужности этой особого рода инквизиции и двойной цензуры. Вспомните, когда я клевал партаппарат, это им нравилось безумно! Всем! И когда я громил старый исполком, и когда жертвой был тот же самый Владимир Яковлевич Ходырев. Но как только сами «демократы» оказались в той же самой роли, тут же воспользовались своими, наверное, более серьезными возможностями, чем были у старого аппарата, чтобы все это подавить. Последней же каплей стал проект телевидения, представленный неким В.Соловьевым и комиссией по гласности поддержанный. Вот тут уж я почувствовал настоящую опасность, после чего и обратился с призывом поддержать программу.

Как сказано в «Смене», комиссия по гласности сочла этот проект «более демократичным». Что значит — более «демократичным»? По этому проекту телевидение дробится и превращается из силы, формирующей общественное мнение, в кучку разрозненных редакций, у которых могут либо взять, либо не взять материал. Кто это решает? Наблюдательная комиссия — один из главных органов будущей структуры телевидения, куда, как скромно сказано, войдут «и народные депутаты». По-моему, здесь все ясно! Все, что не по душе «и народным депутатам», в эфир просто не попадет. Пока же ни один «и народный депутат» из

комиссии по гласности в «Секундах» не появился, пока те же упреки сыпятся в коридорах при случайных встречах. Интерес к программе у них возникает пока лишь в тех случаях, когда задет «свой» и необходимо «сохранить лицо».

— Александр Глебович/ Можно ли сказать, что Ленсовет - тот же инструмент и попал он не в «те» руки?

— Не инструмент, а нечто более смешное, родившееся на гребне нашего смутного времени. Это бутафория. При наличии диктатуры партии Советы не работали, но существовали таким хитрым образом, что их бездеятельность была незаметна. Сейчас, когда партия отступила, их бездеятельность стала очевидна. Все будет рушиться, сгнивать и умирать, а они будут держаться за свои оклады и мандаты, за свою бутафорскую власть, болтать и ничего не делать, пользуясь крохами тех привилегий, которыми располагали их предшественники, столь громко осуждаемые ими раньше... Думаю, вряд ли найдется в их среде охотник сдать мандат и пройти перевыборы...

Дело еще и в том, что, согласно социологическим исследованиям, народ понял — он совершил ошибку, и теперь эти люди, которые называются народными депутатами, не представляют собой никого. Они выступают исключительно от своего имени и несут порой такую ахинею, что слушать их, конечно, страшно.

Они заполонили собой эфир радио, экраны телевизоров, страницы газет. Но это не мнение народа, не мнение города. Это, так сказать, самодеятельно высказанное мнение людей, которые в большинстве своем профессионально не состоялись и решили пойти в депутаты. Помните, когда к нам приезжали американские делегации, им показывали первый компьютеризированный класс? На парте стояли два спаренных компьютера. С одной стороны сидел учитель,

с другой — ученик. Оба бодро тыкали пальцами в клавиши, на экране монитора выскакивали цифры, но пульт ученика был бутофорским. А что было бы, если бы учитель встал и отошел?.. Аналогична и нынешняя ситуация. Взрослый отошел, а ученик остался. И уже понятно: с какими бы помыслами ни тыкал «ученик» в клавиши, результата не будет. Поэтому коммунисты с такой легкостью и отошли от власти. Доведя страну почти до предела, они ушли в сторону, оставив разбираться с последствиями разгрома кучке так называемых демократов.

- Во-первых, вы сами помогли многим пройти в парламентарии различного уровня. Во-вторых, по вашей логике, сегодняшнее наше положение было predetermined, а не явилось результатом злонамеренной воли депутатов. В-третьих, среди них есть очень порядочные и достойные люди. Почему же вы не помогаете «заложникам» старой системы, если таковыми их считаете, что было бы вполне в вашем ключе?! И почему настолько изменилось ваше отношение к демократам вообще?

— Безусловно, там есть порядочные и достойные люди. Но главная их беда — им никогда не договориться между собой! Идет борьба самолюбий, амбиций, фракций и партий, и это для них важнее, чем судьба города. Да будь сделаны хоть какие-то реальные шаги на пользу людям, я, безусловно, поддержал бы их! У нас была мысль сделать программу НТК «Депутаты», то есть дать возможность высказываться нормальным, живым, честным людям с мандатами. Тем, которые ходят по квартирам униженных и оскорбленных, сталкиваются с проблемами коммуналок, грязью, разрухой, нищетой, несчастнейшими нашими стариками. Таких надо поддерживать, потому что они заняты реальным делом, а не болтовней. Но

они — только редкие светлые лучики, не делающие основной погоды.

Мы не выкладываем процентов семьдесят имеющейся информации, потому что в Ленсовете вместе с людьми, которые хотят всего только для себя, хотят только власти, только дестабилизации обстановки, голода, разрухи и собственного сияния на фоне этого, там есть приблизительно сто нормальных людей. Это работники органов, недобитые, прошу прощения, партаппаратчики, которые стали нормальными от испуга, кагэбэшники, военные и просто нормальные люди. Все остальные — 200 человек — это публика тяжелая, это Народный фронт. 100 человек просто никогда не ходят... Перевес в 100 голосов над любым здравым начинанием всегда в Ленсовете будет...

...Как дальше нам жить с этой выбранной вами и нами компанией — я не знаю. И другого выхода, кроме как отзывать Ленсовет и каким-то образом передать власть промышленности, я не знаю. Либо — организовать временное правительство города в лице представителей районных депутатов с призывом облсовета, в котором действительно много нормальных людей.

А что касается моего отношения... Я — не исключение из правил. Я так же, как и вы, как и многие другие, думал, что помогаю прийти к реальной власти настоящим людям. Понадобилось время, чтобы на примере собственной судьбы и судьбы города убедиться в собственной ошибке. Не исключено, что в конце концов они поймут: их благополучие зависит от благополучия города. Вот тогда я и стану помогать всему Ленсовету в целом. Но, честно говоря, надежды все меньше...

ЛОБОВАЯ АТАКА НА ВЛАСТЬ: СОБЧАК

«Это - передача, которая делает лицо нашего телевидения... Наконец, передача", которая дает право Ленинградскому телевидению именоваться действительно независимым.»

Анатолий Собчак
(«Вечерний Ленинград», декабрь 1990 г.)

«Я ни разу не слышала от Александра Глебовича выпадов против Ленсовета вообще. Его критика направлена в адрес конкретных депутатов, которые ведут себя не слишком достойно. Когда тот же Невзоров приводил подобные факты из жизни обкома партии - все были довольны. Почему же он должен молчать о Ленсовете?»

Людмила Нарусова, супруга председателя Ленсовета Анатолия Собчака.

(«Огонек», февраль 1991 года)

- Александр Глебович/ А какие у вас сейчас отношения с Собчаком?

— Я никаких больше отношений с Собчаком не поддерживаю и, честно говоря, поддерживать не буду. Потому что чем больше ценишь человека, тем сильнее разочаровываешься в нем, когда выясняешь, что он не достоин уважения ни как юрист, ни как политик, ни просто как человек. Как юрист Собчак, с моей точки зрения, уважения не заслуживает, поскольку, имея юридически элементарную ситуацию, в ней не разобрался. Есть две стороны — армия и литовские националистические силы, те и другие обвиняются в преступлении ночью в Вильнюсе. Известно, что обе стороны были вооружены. Ни чья вина еще не доказана, нет ни показаний, ни экспертиз, а Собчак позволяет себе априорно выносить приговор армии. Армии, которой это не нужно, которая не способна этого совершить, потому как — я это хорошо знаю — в ней каждый трясется, чтобы не поставить лишнего синяка кому-нибудь при разгоне действительно серьезных формирований, загромаждающих дороги, учиняющих беспорядки. Я знаю, как в армии болезненно это переживают. С другой стороны, мне абсолютно ясно, что трупы кому-то были нужны. Известно, что Гитлер в свое время бомбил собственные города, чтобы иметь прецедент повозмущаться и устроить истерику на весь мир. Поэтому юрист Собчак, который выступил с обвинениями армии, не имея доказательств, конечно, юрист плохой.

Что касается политики, то как я могу воспринимать всерьез политика, однозначно выступающего на стороне сил, стремящихся к раздиранию Союза, то есть к несчастьям, к массовой эмиграции, к гражданской войне, к крови, ко всем тем жутким последствиям, которые последуют вслед за депортацией к нам из этих так называемых республик русскоязычных граждан. Как я могу к нему относиться после этого? Это предательство наших дедов, прадедов, Суворова, Кутузова,

кого угодно, это предательство тех ста тридцати семи тысяч русских солдат, советских солдат, наших, если угодно, кости которых лежат в земле Прибалтики. Как я могу относиться к нему как политику?..

А как к человеку у меня к нему тоже отношение однозначно скверное. Он вслух, в печати долго говорил про то, что самым лучшим моим репортажем является репортаж о событиях в Молдове, где образовалась русскоязычная Приднестровская республика и где люди право жить под красным флагом отстаивают с оружием в руках. И он тогда все это долго превозносил. Но когда я привез из Литвы материал в принципе о том же, что право жить там под красным флагом люди отстаивают с оружием в руках, выяснилось, что это, по мнению Собчака, ужасно и этого он никогда не поймет. То есть это человек, который способен два раза в течение дня поменять свою точку зрения. Уважения к таким людям у меня нет.

Переломной в отношениях с Собчаком стала программа «Власть». Естественно, Анатолий Александрович был в курсе всего, и поэтому, хотя я привык к плевкам в лицо, привык к тому, что меня предают люди очень близкие, люди, которые мне были кое-чем обязаны, но я все-таки вздрогнул, когда узнал о его реакции на программу, к тому же обнаруженной перед широкой публикой. А потом меня позабавила ситуация при презентации фонда телемарафона «Возрождение»... Мне было интересно: поздоровается он со мной или не поздоровается. Выходит... и дальше была сцена, которая меня тогда совершенно потрясла: он оглянулся назад, посмотрел быстренько по сторонам, незаметно сунул руку и побежал дальше — как будто бы даже и не здоровался. Я добродушный человек и довольно легко все прощаю, но когда я вижу откровенную демонстрацию либо трусости, либо слабости...

- Все-таки многим в городе кажется непостижимым, как вдруг те, кого вы не так давно поддерживали на пути к власти, вдруг стали объектом вашей резкой критики¹?

— Дело в первую очередь в Собчаке. Когда я делал первую серию «Власти», где Собчак подан был не просто положительно, а даже героически, это был со стороны «Секунд» жест милосердия: он был один, его травили, травили жестоко, в любую минуту ему мог быть объявлен вотум недоверия со стороны депутатов и он мог оказаться вообще никем. По сути, это он через своего помощника попросил о помощи. И мы ему помогли, как поможем любому, кто окажется в таком же положении.

А теперь я точно знаю, что он — выразитель интересов того класса, в который, например, я и вы никогда не попадем — в те два процента так называемых бизнесменов, а по моему переводу — спекулянтов, которые сейчас, по сути, захватили власть в стране и имеют своих, скажем так» марионеток, через которых и осуществляют все функции государственного властвования.

Я уверенно могу предречь его очень печальную судьбу, потому что прозрение уже наступает. И могу сказать, что, когда ему будет совсем плохо, я ему опять помогу, несмотря ни на что. Почему? Наша профессия такова, что надо быть на стороне униженных и оскорбленных, а он от этого не так уж далек.

- Вы собираетесь помогать А.Собчаку в будущем, но мне, например, известно о приказе В.Югину закрыть «НТК-600», а жесткий контроль за этим возложить на него самого... Как же в такой ситуации вы собираетесь работать дальше¹? Как понимать этот приказ?

— Понимать так, что сейчас, в принципе, могут издаваться любые приказы. Пожалуйста! Если у них

все в порядке с бумагой и лентами для пишущих машинок, они могут даже издать приказ перекрасить земной шар, скажем, в лиловый цвет. Ведь все их приказы ни малейшего отношения к жизни не имеют (кстати, как и речи Собчака). Поэтому, что бы они там ни приказывали, мы выходить в эфир будем, а я, как главный редактор, буду действовать так, как считаю нужным. Что же касается разного рода претензий ко мне, то пусть люди, которые сейчас считают себя руководством телевидения, сделают хотя бы одну приличную передачу, а уж потом говорят со мной на эту тему.

— *А как вы оцениваете высказывание в ваш адрес Собчака в «Аргументах и фактах»? Он выразился в том духе, что Невзоров - это талантливый разбойник...*

— Понимаете, я Собчака-то серьезным человеком вообще не считаю. Полагаю, нельзя всерьез говорить о политическом деятеле Собчаке. Мы сейчас имеем дело с определенным рода политическим шарлатанством, мелким притом, поскольку известно, что значительную часть рейтинга этот человек сделал себе на тбилисской трагедии. Именно с легкой руки этого депутатского расследования пошла версия о том, будто в Тбилиси солдатами были убиты мирные жители. Теперь уже существуют неопровержимые документы — Прокуратурой СССР закончено следствие, закончены экспертизы — и совершенно понятно всем: ни один человек в Тбилиси ни от саперных лопаток, ни от армейского оружия или газов не погиб. Следовательно, мы имеем дело с обманом миллионов.

— *Но все-таки согласитесь: выступая на I Съезде народных депутатов, Собчак сумел заявить о себе как юрист и сумел понравиться многим телезрителям - вот, мол, голова!..*

- Очередной обман. Дело в том, что юрист он — никакой, даже хуже, чем никакой. Представьте: Собчак всю жизнь прозанимался хозяйственным правом, то есть предметом фиктивным, самым болезненным и кошмарным в нашей экономике, чего он и сам не отрицает. Де-факто хозяйственного права как такового у нас не было, и защищать докторскую диссертацию о хозяйственном праве, как о чем-то существующем, мог позволить себе лишь абсолютно безнравственный человек.

- Тут невольно вспоминается и факт вступления Собчака в КПСС с желанием, как он писал, «строить в нашей стране коммунизм». Было это в 1988-м году. А два года спустя профессор Собчак сдал партбилет, громко хлопнув при этом дверью.

- **Что же, все логично, все в духе Собчака, ему надо было стать народным депутатом, обрести необходимый имидж.**

«БЛИЦ-ИНТЕРВЬЮ СЛУЖБЫ ИНФОРМАЦИИ

- Кого вы видите своим преемником на посту мэра?
- Себя.
- Будет ли Александр Невзоров возглавлять Петербургское телевидение?
- Надеюсь, что нет...»

(«А Собчак-то в жизни лучше, чем в телевизоре»./ Интервью с мэром Санкт-Петербурга/ «Час пик», 25 февраля 1995 года)

НОЧЬ НА 13 ДЕКАБРЯ 1990 ГОДА (Выстрел на пустыре)

Телефонный звонок...

Обычная история, ничем не интересная...

Мужчина говорит о документах, которые у него есть и которые разоблачают финансовые злоупотребления. Предлагает встретиться на открытом пустыре.

Минуту спустя звонит снова и объясняет, что сам не сможет подойти, слишком опасно, а придет двенадцатилетнего мальчика, с которым передаст документы, что его легко опознать - он будет с собакой. Попросил одному, чтобы мальчик не боялся.

Нужно ехать. Разумеется, не одному, а с Димой и Михаилом Ермоловым. Без друзей не передвигаюсь. С собой беру только газовый пистолет, полагая и в самом деле встретить маленького мальчика с собакой.

Далее - согласовываем место.

Встречаемся на краю пустыря, рядом с развалинами дома. Ничего не видно. Думаю, что мальчик прячется рядом. Оставляю Диму и Михаила ждать в маши-

не. Следую к дому, прохожу приблизительно сто метров. Из затемненных развалин появляется мужчина. Приятное лицо, миролюбивый взгляд.

Он подошел и протянул руку. В руке - что-то, завернутое в тряпку. Сперва подумалось, что это документы. Затем почуял — оружие. Так много имел дела с ним, что, признаюсь, определяю его, словно по запаху, где угодно.

Как только опустил руку в карман за газовым пистолетом, тряпка в центре вспыхнула. Уже падая, я выстрелил. Мужчина побежал прочь.

Почувствовал, как что-то ударило сквозь куртку. Увидев силуэт стрелявшего, понял, что жив. Как во хмелю дотащился до машины. Не знаю, почему, но там выстрела не слышали. Хотя, возможно, слышать и не могли: пистолет, вероятно, был с глушителем.

Лежа на операционном столе, когда обрабатывали огнестрельную рану, ощущал - будто отщепляли волокно. Это напоминало прядение: хирург пряд спицей с ниткой вокруг. И потом не мог вспомнить - был он смуглый или светлый?

„ Затем опять - затмение.

Вскоре после покушения позвонили в милицейскую часть, и этот разговор записали на магнитофон. Мужской голос доложил: «Первая пуля прошла мимо, но вторая наверняка попадет в цель»...

В клинике оставался недолго, болезнь мешала работать. Да и оказаться там помогла известность тележурналиста, хотя и подстреленного, - а попасть туда ждала и очередь тяжелораненных солдат, в стране по окраинам шла война.

Преступник позже объявился сам. Приходил на студию, на вахту, рассказал, кто и сколько ему заплатил. Я в это время был в Вильнюсе. Его попросили прийти на следующий день к семи часам, но он не появился.

Через некоторое время в скандально известной газете «Смена» появился материал под названием «Золотая пуля». По мнению авторов, никакого покушения не было, а все произошедшее на пустыре вечером 12 декабря 1990 года, было не чем иным как инсценировкой. Вот что тогда по этому поводу сказала в беседе с корреспондентом газеты «Криминальный вестник» литературный редактор телепрограммы «600 секунд» Людмила Щукина:

«Я думаю, что этот материал был заказан «Смене». Невзоров сейчас становится заметной политической фигурой. И именно сейчас, когда наша страна находится накануне социальных потрясений, кое-кому необходимо дискредитировать его в глазах народа. Лги больше — чтонибудь да останется. Так работала геббельсовская пресса, так работает, к сожалению, и наша "постперестроечная... У всей этой компании старые счёты с Невзоровым. Основными авторами являются Андрей Константинов и Алексей Воловиков - в настоящее время корреспондент радиостанции «Свобода». И вот ведь что удивительно. Авторы в своей публикации используют некоторые документы (о квартире Невзорова, и т.п.) из того комплекта, который был изготовлен в свое время, надо полагать, в обкоме КПСС. Но даже аппаратчики отказались тогда использовать компромат против Невзорова. И вот по наследству к новым питерским властям попали эти документы.

Часть данных, опубликованных в «Смене», попала туда прямо из уголовного дела. Но как же тогда понимать тайну следствия?

Что касается роли Борисоглебского - то это был обычный завхоз, который использовал Невзорова, его талант, для того, чтобы упрочить свое благосостояние. Он просто, просим прощения, вор, и его место в тюрьме - это мнение многих. Нашу редакцию он ограбил полностью. Когда Невзоров приехал в Канны во Францию, то выяснилось, что там уже идут наши передачи. Продал их туда Борисоглебский. И в день покушения он вел себя очень странно. У нас все прямо считали его информатором КГБ. Когда я спросила об этом у Невзорова, то тот ответил - не будет этого, так будет другой. Уж лучше знать - кто есть кто.»

По поводу происшедшего дал свой комментарий и врач-патологоанатом Алексей Мусаков:

«Область, в которую был направлен выстрел, обладает некоторыми анатомическими особенностями, из-за которых очень трудно в темноте, через одежду рассчитать с точностью до сантиметра выстрел так, чтобы не задеть не только сердце, но и жизненно важные кровяные артерии. И чтобы действительно обойтись без осложнений... Я абсолютно исключаю версию^ инсценировки.»

Еще одна «версия» принадлежит «специалисту по русскому языку, литературе и демократической (читай - типа «Смены») прессе Ирине Измайловой. Правда, речь в ней идет о другом Александре... Пародия - редкий в наше время жанр. Тем более — пародия на демследователей-изыскателей типа сменовских. Но эта - именно такова. Вот она.

/ .   «ВЫСТРЕЛ НА ПУСТЫРЕ»
(версия непочтительного литературоведа)

- Нет, что ни говори, Саша, а слава твоя идет на убыль!.. Любить тебя любят, конечно, но народ охладевает к тебе. И повторяться ты стал, и в жизни у тебя есть моменты... ну, словом, не всем нравится... Еще немного и ведь могут найтись соперники, которые тебя затмят! Подумай! Надо срочно что-то предпринять.

Петр Андреевич Вяземский закончил свою речь столь решительно, что из чашечки, резко поставленной им на столик, выплеснулся кофе и попал на галстук доктора Даля.

- Я попросил бы!.. - возмутился Владимир Иванович Даль.

- Но Петр прав! - поддержал в это время Вяземского Жуковский: - У тебя, Саша, слишком много врагов. Ты умеешь их наживать. Твои эпиграммы, письма, замечания... Сначала всем нравились, а нынче-то поднадоело... Нет, надо, надо как-то спасти положение - нельзя же допустить, чтобы при жизни тебя постигло забвение и бесславие!

Великий русский поэт Александр Сергеевич Пушкин слушал своих друзей с немалым унынием. Легко сказать: воздвиг себе человек нерукотворный памятник, а ему пророчат забвение! И кто? Свои же... Добро бы завистники...

- Ну и что вы мне посоветуете предпринять да еще срочно? - с грустной иронией спросил он.

- Срочно нужно какое-то событие, которое заставило бы всех о тебе заговорить и притом громко, и притом только о тебе! - сверкая глазами за стеклами очков возопил Вяземский. - Пусть тобой восхищаются, пусть тебе сочувствуют, пусть тебя оплакивают.

И он в волнении хлопнул по плечу доктора Даля.

- Я попросил бы!.. - отпрянул от него Даль.

- То есть... как оплакивают? - изумился Пушкин.

- Да очень просто! Нужен случай... Дуэль, скажем.

- Правильно, - подхватил Жуковский. - Но не просто дуэль, дуэль роковая. И ты должен быть ранен. И притом тяжело.

- А почему не убит? - рассердился Пушкин - Друзья называется!

- Но, Саша, - резонно заметил Василий Андреевич Жуковский, - пойми же, иначе ты падешь в глазах народа, а дуэль и ранение возвысят тебя вновь и враги твои будут посрамлены. Не забудь, милый, что ты еще и в долгах запутался изрядно... А ранение мы устроим. Рассчитаем так, чтобы серьезно, но не смертельно. А? Вот Владимир Иванович считает. Он же доктор!

- Я попросил бы! - испугался Даль.

- А что? - задумчиво улыбаясь проговорил Пушкин. - А в этом что-то есть!.. Даже интересно! В конце концов натура у меня авантюрная, я ведь южных кровей! Ну, ну... И с кем нее мне стреляться? А главное, из-за чего?

- Из-за чего, найдем! - бодро бросил Петр Андреевич. - У тебя жена красавица. Допустим, кто-то станет ее помогать...

- Что?! - взвился Пушкин. - Моя жена - ангел! Во всяком случае, я хочу, чтобы все так думали...

- Так вот и будут думать! - не смутился Вяземский. - Представляешь: какой-то негодяй порочит доброе имя этого самого ангела, ты вступаешься, проливаешь кровь... А?

- И кого мы пригласим на роль негодяя? - чуть-чуть остывая, спросил Александр Сергеевич.

- Да любого из наших приятелей! - пожал плечами Вяземский.

Но Жуковский возразил:

- Нет, нет, господа, это должен быть человек сторонний. И желательно иностранец, чтобы трагедия приобрела политическую окраску и желательно еще послужила правому делу: скажем, борьбе с революционерами. Где у нас сейчас революционная ситуация? Во Франции! Опять брожение, вот-вот грянет! Надо бы француза... И тогда общественное мнение вместе с ним осудит и это их фрондерство!

В это самое время в кондитерскую Вольфа и Беранже, где происходил весь разговор, вошли в обнимку старый приятель Пушкина господин Данзас и блестящий молодой офицер мсье Дантес.

- А вот и француз! - хором возопили Жуковский и Вяземские и ринулись к юноше.

- В чем дело, господа? - не понял Дантес. - Сейчас не двенадцатый год, так чем вам не нравится мое происхождение?

- Мсье, мы хотим вас просить, чтобы вы послужили славе русской поэзии! - закричал пылко Вяземский.

- Я цво французской поэзии мало разбираюсь!.. - смутился Дантес. - Я...

- Тем лучше!

И Жуковский объяснил юному вояке, в чем суть дела. Дантес даже пошатнулся.

- Но послушайте! А... если я его нечаянно убью? Что скажет история?

- История вас не забудет! - пламенно заверил Вяземский.

- Мсье, помогите, прошу вас! - вмешался в разговор Пушкин. - Понимаете, я их всех хочу проучить... И царя - пусть покусает локти, и общество - оно меня травит. Ну, всех, словом. А стреляете вы, слышал, отменно, а место, куда попадать, наш милый доктор Даль высчитает до миллимет-

ра. Если, конечно, - тут же ехидно прибавил Пушкин. - он не желает моей смерти!.. А, Даль?

- Я попросил бы! - чуть не плача, взмолился доктор.

...Вечером 27 января было прохладно и ветренно. На пустыре, у Комендантской дачи, как и ожидали, ни души.

Дантес ходил взад и вперед по притоптанному секундантами снегу», кусал губы, нервничал.

- И зачем ты в это ввязался? — сухо спросил его секундант, мсье дАршиак. - Ты его продырявишь, а русские будут лить грязь на наше отечество. Скажут, что ты не мог ценить их славы, не понимал, на что руку поднимал, и так далее. Не понимаешь?

- Я дал слово! Теперь поздно! - уныло отрезал Дантес.

В это самое время Пушкин скинул шубу, отважно расстегнул фрак, жилет, рубашку и подставил Далю правый бок.

- Вымеряй, друг! Доверяю...

Даль, внутренне содрогаясь, ползал вокруг него на коленях с линейкой и слуховой трубочкой.

- Я попросил бы... Саша, стой прямо! Так... три сантиметра от желудка, два от печени... О, господи, тут ведь еще селезенка! Ага... Пять сантиметров от позвоночника... Тут мочевого пузыря... Саша, а может в ногу, а?

- Раскроют! - возразил Данзас, приглашенный по случаю в секунданты. - Раскроют, Володя! Поймут, в чем дело!..

- Вымеряй, Даль, быстрее! - не выдержал Пушкин, у которого на лбу начала выступать легкая испарина. - Слушай, а больно будет?

- Сначала нет, - успокоил Даль. — Будет шоковое состояние, оно снижает болевой порог. А потом я тебе чего-нибудь дам. Вот! Нашел! Семь миллиметров от почек, два от селезенки! Ставлю кружочек! Мсье Дантес, попадете?

- Постараюсь! - выдохнул Дантес обреченно. Стойте! А... а как же одежда-то?! Нельзя ее застегивать, я же не увижу отметины!

- Одежду продырявим потом! - заверил Данзас. - Саша, держи поля фрака. Стой прямо... Будь умницей. Ради славы Отечества!!! На место, мсье Дантес!

Дантес про себя прочитал «Pater nostra» и на негнущихся ногах отбрел на десять шагов...

Несколько часов спустя, лежа на уютно застеленном диване в своем кабинете, упиваясь негодующим ревом потря-

сенной толпы, доносившимся с набережной Мойки, Пушкин всерьез задумался о будущем.

- Послушай-ка, Вяземский, - заметил он, обращаясь к сидевшему подле него зачинщику всей истории, - а мне, пожалуй, кажется, что дело это можно закончить еще эффективнее...

- Каким образом? - не понял Вяземский.

- А очень просто. Что если мне умереть? А?

- Ты с ума сошел! - испугался Вяземский.

- Да нет же! - улыбнулся Пушкин. - Не по настоящему, разумеется! Смотри-ка: врачей у меня было аж трое! Рану все нашли тяжелой - где ж им знать, как точно Володенька все высчитал! Му, а теперь я денька два поболею, а там и... Сам посуди - таким образом бессмертие мне обеспечено! Долгов нет как нет! Похороните меня для вида, а потом я потихоньку за границу, и... Свободен! Сбрею бакенбарды, сменю имя и начну новую жизнь! А вы тут клеймите позором моих гонителей и убийц! А? И Николай Павлович попляшет у меня! Народ ему нипочем не простит, вот увидите! Жуковский, ты как на это смотришь?

- Дантеса жалко, - резонно заметил Василий Андреевич. - Он будет опорочен навеки. И могут быть дипломатические осложнения с Францией.

- А ты, братец, скажи, то есть уверь народ, что Франция тут не при чем! - не унимался Пушкин. - Допустим, Дантеса подкупили. Скажем, польские революционеры! За то, что я поддерживал русское самодержавие в его борьбе с освободительными движениями! Представляете? И либералам сказать будет нечего! А Дантесу - поделом! Между прочим, за женой моей он принялся ухаживать с самым искренним рвением!

Окончательный план был разработан уже поздним вечером, и вконец успокоенный Пушкин уснул с мыслями о грядущем величии.

За окнами дома на Мойке выла метель. Толпа разного люда стояла перед деревянными воротами и с тоской глядела на слабо освещенные окна. Одураченный народ, в то время еще не имевший прозорливых и искушенных лидеров, сведущих в уловках слуг тоталитарного режима, искренно скорбел... И, как всегда, безмолствовал.

ПРИБАЛТИКА: НАШИ - ЭТО СЕГОДНЯ ВСЕ НОРМАЛЬНЫЕ ЛЮДИ

— *Александр Глебович, несколько слов о работе в Прибалтике.*

— Когда наша съемочная группа прибыла на место событий, телерепортеров, регистрирующих события, там было более чем достаточно. Быть одним из многих? И мы приняли решение — попасть на телебашню, в которой находились омонцовцы. Не без труда, но нам это удалось. То, что там было снято и показано, соответствует действительности. Быть может, в съемке чересчур много экспрессии, но нам удалось обратить внимание общественности на ту часть проблемы, которая могла бы остаться за кадром: это положение нашего служивого люда, попавшего меж двух огней — центром и местным правительством.

— *Признаюсь, у меня сложилось впечатление, что вы намеренно трагедизировали обстановку...*

— Кое-какие художественные элементы в съемке наличествовали и это скрыть невозможно: старик, пьющий огненную чашу гражданской войны, выстрелы в титровую доску... Музыкальное оформление. Все остальное — документализм, и отрицать это невозможно. Во втором репортаже «Наши» по моей просьбе группа русскоязычных граждан поднялась на речной кораблик. Это художественный прием, но я полагаю, что именно благодаря ему мне удалось донести до самых твердолобых всю пиковость положения людей, которые местными законами обращены в граждан второго сорта.

— *Готовя к эфиру свой литовский репортаж, вы понимали, что увидев его, «демократы» будут оплевывать вас с неустойчивой страстью? Или в тот момент вы об этом не думали?*

— Нет, все это я, конечно, предполагал, но тогда меня больше волновало другое. Поверьте, даже моя съемочная бригада, мои товарищи поначалу снимали происходящее в Вильнюсе, не зная, что я об этом буду говорить. Лишь когда съемки были в разгаре, ребята уже что-то поняли. Это был первый испуг, по которому я мог судить, что произойдет после, когда мы покажем свой репортаж из Литвы. Я сам ехал в Вильнюс, не очень представляя себе тогдашнюю ситуацию. И до сих пор не понимаю тех людей, которые позволяют себе рассуждать о событиях в Литве, даже не подозревая о том, что там на самом деле происходило.

Я твердо убежден, что все жертвы в Прибалтике не имеют никакого отношения к действиям армии и что это все — провокация. Чудовищная провокация, которой, как и с Тбилиси, страну в очередной раз удалось одурачить.

Про тбилисскую трагедию знают все, а про результаты следствия не знает никто. Демократы заварива-

ют кашу, уверенные, что результаты следствия будут не скоро, сейчас главное поднять вой, а там — как-нибудь замнем. Главные последствия поездки в Прибалтику связаны со словом «наши», которое удалось произнести в телепрограмме. И очень многие «русскоязычные» люди в Прибалтике поняли, что не все их предали.

В отношении «Наших» — я ничего заранее не планировал. Родилось само собой, когда я увидел мужественных ребят, занявших круговую оборону. Творчество трудно планировать. Что чувствовал Желаквичус, когда снимал «Никто не хотел умирать», по сути один из вариантов «Наших»?

Я выступил в защиту мужиков, которые увидели, что здание, в котором они живут, дало трещину. Они бросились ее заделывать, а в них стали плевать. Вот и вся идеология «Наших».

Когда я все там увидел собственными глазами, у меня уже не осталось никаких сомнений. Конечно, и я бы мог, подобно другим, наснимать там гусениц, солдатских физиономий, прикладов... И я мог бы лить слезы о погибших людях, якобы убитых солдатами. И тогда «демократы» носили бы меня на руках. Но все это было бы жуткой неправдой, потому что армия там никого не убивала.

Поймите, все, что произошло в Литве, — это чистой воды провокация, на которую с легкостью купились те, кто хотел купиться. К примеру, говорится о девочке, будто бы раздавленной танком. И это в январе-то, в городских условиях — то есть либо на жестком мерзлом грунте газона, либо на асфальте. А танк «Т-80» — это 50 тонн, 36 мощных траков с шипами! Что бы там было хоронить, если от человека, попавшего под танк, просто уже ничего не остается? А они хоронят целехонькую девочку и уверяют, что ее раз-

давил танк. И вот даже на такую простую, без особых затей, мистификацию покупаются доверчивые люди.

Как показало наше собственное социологическое исследование, после литовского репортажа примерно половину своих сторонников наша независимая программа потеряла. Тем не менее я буду снова и снова повторять, что мы заинтересованы в сохранении в Прибалтике Советской власти в ее ортодоксальной форме. Увы, только это даст возможность сохранить там жизнь и достоинство русскоязычного населения. Другого пути там нет.

- А что для вас было страшнее - смертный приговор, который вынес вашей съемочной группе «Саюдис», или презрение тех, кто еще недавно верил каждому слову Александра Невзорова?

- Признаться, ни того, ни другого я не боюсь. И ни то, ни другое на меня особого впечатления не произвело. Потому что с разного рода приговорами я давно знаком — это не первый и не последний, надеюсь.

**. В Вильнюсе, когда мы сидели в осаде, были самые тяжкие и самые прекрасные часы в моей жизни — они решили мою судьбу. Среди дорогих для меня вещей висит на стене квартиры автоматный подсумок, на котором стоят 46 подписей. В те минуты, когда мы готовились к смерти, от одного к другому, от бойницы к бойнице ребята передавали подсумок и ставили на брезенте свои автографы — мне на память, если кто-то из них погибнет. Вот в ту ночь я, наверное, понял суть происходящего в Литве. Я мог бы привезти оттуда те репортажи, что привозили другие, и «демократы» носили бы меня на руках. Но я рассказал правду, свидетелем и очевидцем которой был. Сказал то, что должен был сказать как русский человек.

- Вы отдаете себе отчет, с какой страшной силой, совершенно нетерпимой к инакомыслию, вы сталкиваетесь?

- Я прекрасно отдаю себе в этом отчет. Но тут есть один секрет. Я не боюсь смерти, я не боюсь позора, я не боюсь быть презируемым, я не боюсь остаться без работы. Допустим, завтра все газеты, которые находятся в подчинении демократов, получают приказ опубликовать заключение какой-нибудь комиссии о том, что я сумасшедший, опасен для общества и так далее. И ведь все опубликуют, потому что людей порядочных, увы, очень мало, хотя это будет чистой воды выдумка. Но я и этого не боюсь. Я ведь думал, что после материалов из Вильнюса будет гораздо хуже.

Но вы не знаете самого интересного. И никто этого не знает, потому что я решил до поры до времени об этом не говорить. В чем заключается еще дикость моей позиции? Человека приговорили к смерти, его ведут на эшафот, а у него в кармане помилование, и он его никому не показывает, потому что ему противно было бы унизиться и продемонстрировать помилование палачам, которых он, по сути дела, презирует. Съёмки в Литве объявили инсценировкой. Мне ничего бы не стоило взять и запустить в эфир двухчасовой исходный материал, все, что мы там сняли. Это два часа непрерывной съёмки, час в башне и час в Полицейской академии. Ни одного сомневающегося бы не осталось, но я этого не сделал. Я не вытащил наружу документ о помиловании, хотя мы могли бы получить эфир, нам бы предоставили возможность оправдываться. Но оправдываться я не буду.

- Как вас встретили в Эстонии после вашего литовского репортажа?

- Я четыре года был конным каскадером. Мой тренер говорила, что если страшно прыгать под скачущую лошадь — значит, надо прыгать. И я прыгал, а потом месяц ходил с перекошенной шеей. То есть я знаю, что если опасно, то я точно сделаю. Я думал, что прав на 100 процентов. После того, как я съездил

еще раз в Прибалтику, я понял, что прав, на десятки тысяч процентов. Я протягиваю руку капитану третьего ранга, чтобы поздороваться, а он кидается ее целовать.

- Когда вы были в Прибалтике, у вас не сложилось впечатление, что там существует единый координационный центр?

- Нет. Они слишком разные. Но они согласовывают свои действия. До моей поездки в Ригу я слушал «Go\$10С Свободы» о событиях там. Как специалист по стрелковому оружию — а я действительно специалист — могу заключить по звуку, что там была очередь из 20-25 патронов, чего никогда не может быть в реальном бою. Максимально — два-три выстрела. То есть, это — либо холостые, поскольку пустой звук, либо напояк.

- Саша, а сколько офицеров-литовцев сохранили верность союзному правительству?

- Есть такие.

- А есть ли русские офицеры, которые перешли на Сторону литовцев?

- Есть и такие. Там много запуганных. Ситуация сложная, ведь люди вросли корнями.

- На что рассчитывает такая маленькая Литва? Что Президент не подавит их танками?

- Они сделали все, чтобы Президент не подавил танками. На этих 14 трупах. Их же невозможно эксгумировать. Их хоронили в крови — явно стремясь к нагнетанию страстей. По традиции покойников всегда прибирают. Армию обвинили неправильно. Водитель-механик посадил меня в танк, и я могу сказать, что все, что ближе четырех метров от танка — мертвая зона. Человека в ней не видно. Мне же лично рассказывали, что эту девчонку под танк толкнули. Но такие показания не принимаются в расчет. Когда шли события в Латвии, я всю ночь висел на телефоне — разговаривал с комендантом Риги. И он сказал, что

«даже если попросят — мы не пойдем», потому что кого угодно на расстоянии полутора метров берут и пихают под танк, а потом обвиняют армию.

- *Какая пропаганда больше ведется в Литве: антикоммунистическая или антирусская?*

- Про антикоммунистическую там все забыли. Каждая вторая телеграмма нам — о дискриминации русских. В Литве все проходит в более жесткой форме. Там больше опыт экстремизма. Опыт партизанской борьбы. В Эстонии через полгода наши ребята тоже сообразят и поймут, что имеют дело с фашизмом. Сидишь там и так запросто слушаешь по радио призывы на трех языках — русском, литовском и польском — отлавливать русских, а при попытке их освободить — расстреливать с семьями. Ландсбергис выиграл этот январь.

- *Мы в Москве это тоже ощущаем. К нам подходят литовцы и запросто говорят: «Вы - великорусские шовинисты». Причем не сомневаются, что мы должны с этим согласиться...*

- **Бели бы была хотя бы парочка людей с именами, которые бы меня поддержали... Ведь вы следили за ленинградскими газетами. Идет война — и продолжают лупить, чтобы место сровнять с землей. Лупят не по мне, а чтобы другим не повадно было. После этой травли никто не решится поступить, как я. И фашизм расцветет пышным цветом. Средства массовой информации уже обработали общественное мнение.**

- *Вы невероятно популярны. А если бы выступил кто-нибудь другой?*

- **Его бы сровняли с землей. Был ли бы это Иванов, Петров, Невзоров — из его фамилии сделали бы имя прилагательное...**

- *Вам не кажется, что литовские события — неудачная попытка военного путча против конституционной власти?*

— В Литве были две конституционные власти. С самого начала. Одна — союзная, центральная. Другая — местная власть нарождающегося маленького фашистского госдурства. Я неоднократно рассказывал — и тем снова «подставлялся» под удары, — что мой дед возглавлял отдел по борьбе с вредительством и бандитизмом в литовской ЧК сразу после войны, в 1946-1953 годах. Да, я внук своего деда, но и Ландсбергис — сын своего отца. Его отец был министром, кажется финансов — во всяком случае, точно был министром в том правительстве Литвы, которое приветствовало оккупацию. Значит, входил в состав кабинета, который направлял приветствие от имени Литвы Алоизасу Шикльгуберу,,

— *На каком основании, вы утверждаете, что Литва — зародыш, фашистского государства?*

— Наша демократическая пресса стоит теперь таким плотным строем, что я практически нигде не могу напечатать документы, которыми располагаю. Хотя бы директивы Саюдиса. Достаточно послушать, что гов"рят литовские лидеры об армии... Обо мне пишут, что я защищаю ОМОН, десантников, но не желают при этом понять, что ОМОН, десант — такая же часть народа, как и любая другая, только — с оружием. Эти парни выполняли не свою волю. Их предали. Саюдис так нетерпим не только в вопросе об армии, русскоязычное население Литвы тоже чувствует на себе весь гнет нового фашизма.

— *Вы, вероятно, разделяете мнение тех, кто обвиняет Саюдис в шовинизме и нетерпимости...*

— В данном случае, если уж говорить об этике, у меня есть союзник куда более мощный. Это Пушкин, чье стихотворение «Клеветникам России» я уже неоднократно цитировал и всем совету помнить.

— *Зачем вы ввели в обиход слово «наши» и кого вы подразумеваете под ним?*

— Наши — это сегодня все нормальные люди, независимо от национальности: русские, евреи, осетины, грузины... если они не одурачены националистической пропагандой. Я убежден, что ни один эстонец, ни один молдаванин никогда бы не согласился на суверенитет своей республики, если бы знал, ЧЕГО ЭТО БУДЕТ СТОИТЬ другим людям, какого горя, каких слез и крови. Но это ведь не объясняют!

— *Какими сюжетами вы, как профессионал, можете гордиться?*

— Считаю, что сделанное в Вильнюсе, как и весь прибалтийский цикл «Наши», — это, может быть, главное из всего, что я сделал в жизни, и то, для чего я был рожден на этот свет.

— *О каких не хочется вспоминать?*

— Подлости мы не делали никогда.

*

МОМЕНТ ИСТИНЫ

(В передаче Российского телевидения вопросы Александру Невзорову задает Андрей Караулов)

- У нас будет доверительная беседа?

— **Черт знает, как поведете.**

- Ну, попробуем. Что вы за человек, Александр Глебович?

— **Вот этот вопрос бесчестный. Под дых, потому что не может человек характеризовать сам себя...**

- *Добрый он или злой?*

— **Это очень абстрактные представления. Вот Пожарский, с Вашей точки зрения, добрый или злой?**

- *Понятия не имею, не знаю.*

— **Я ради великой цели на все пойду. Особенно в сегодняшней ситуации, когда даже ради мелких целей идут на все, на любое преступление.**

— Нет, я про Вас сейчас говорю. Вы сказали, что пойдете на все. Но есть какая-то черта, которую Вы не перейдете ни при каких обстоятельствах?

— Да, это предательство.

— Но ведь есть вещи более ужасные, чем предательство. Ну убийство, я не знаю...

— Опять-таки, смотря где.

— Вы что, можете убить, что ли?

— На войне могу. А почему нет?

— Ас кем воевать, Александр Глебович?

— Я могу Вам привести простой пример — в Приднестровье. Там это, наверное, необходимо — защищаться и защищать людей вокруг себя. Вообще вести разговор на равных. Это там было достаточно естественно.

— Вы убивали?

— У меня в руках была камера.

— Сейчас я просто по аналогии - я не знаю: под дых или не под дых — вспоминаю, что в Вильнюсе у Вас в руках был карабин.

— Совершенно верно. У меня был не карабин, я держал автомат. Там ситуация заключалась прежде всего в том, что на 52 окна было всего 46 человек защитников.

Когда я твердо для себя понял, в чем там дело и когда я уже на сто процентов знал — кто здесь свои и кто чужие, кто здесь наши — кто здесь не наши, тогда я этот автомат взял. Это было символом. Ведь, в принципе, мы могли и не брать в тот момент оружия. Но, скажем так, я настоял.

— Но вот сейчас прошло время. Вы не жалеете, что тогда у Вас был символический, но автомат, что были эти Ваши репортажи?

— Нет, я не жалею. Я готов, скажем, сделать некоторые поправки в этих репортажах, хотя теперь уже поздно.

Я, например, там много хорошего говорил о взятии телевизионной башни. И совершенно зря говорил, потому что это было предельно глупое взятие. Там надо было брать Верховный Совет, потому что смешно, скажем так, пропалывать рядом с грядкой.

А по сути этих репортажей, несмотря на чудовищные ушаты помоев, несмотря вообще на все то, что я пережил вслед за Вильнюсом, я не только не жалею, но сделал бы все это снова, только более откровенно, более резко.

- *Александр Глебович, но не наша ведь земля?*

- Кто сказал?

- *Литва? Русская земля?*

- Ну, помилуйте, Вы что же Петра I за идиота принимаете? Если он туда шел, пропитывая эту землю на аршин кровью своих гренадеров, то, значит, это ему было зачем-то надо? Не от нечего же делать туда шли полки?

- *Вы говорите откровенно?*

*■ — Я говорю абсолютно откровенно.

- *Я понимаю. Но Вы также понимаете, что, когда генерал Варенников поехал в Вильнюс на танках, он ведь не о Петре I думал, а о чем-то совсем другом?*

- Генерал армии Варенников выполнял священный долг. Мы, конечно, можем сейчас заняться и обеспокоиться судьбами массы других наций, народов, государств и государствшек. Но, скорее всего, делать этого не будем. И начинать обирать свой народ ради этих государств и народов тоже не будем.

Генерал Варенников поступил так, как поступил бы любой из военачальников Петра I. Вот и все. Другое дело, что Петра не было.

- *Но как можно выполнять священный долг, стреляя в безоружных людей? Ведь в Вильнюсе погибли безоружные люди. Это была не война. Это была действительно расправа.*

— Милостивый государь, кто Вам сказал, что эти люди действительно были безоружны?

А генерал Варенников, с моей точки зрения, святой человек. Святой, честный и бесконечно благородный. Он выполнял приказ. Но нашлись подонки, которые, скажем так, открестились от этого приказа. И почему, в конце концов, вы — либеральные, прекрасные и болеющие за кем-то убитых литовцев — с главного виновника не спрашиваете? При чем здесь генерал Варенников-то? А ваш этот, пятнистый парень?

— *Михаил Сергеевич?*

— Да! Президент есть! При чем здесь генерал Варенников?

— *Александр Глебович/ Вы с Горбачевым во всяком случае уж были ближе, чем я. Он даже звонил Вам в больницу или говорил, что выражает всякие соболезнования, когда в Вас стреляли. Так что это скорее уж я должен спросить у Вас: что же Вы в этот момент не спросили у Горбачева...*

— Я с ним ни разу в жизни не виделся, не общался и не разговаривал, даже по телефону.

Со многими из тех, кого теперь называют членами ГКЧП и кто сейчас находится в «Матросской тишине», я был в хороших отношениях, в дружеских и доверительных отношениях. А вот с этим — нет.

— *Понятно. Вы действительно проходите по делу ГКЧП?*

— По крайней мере, тут какой-то очень милый мальчик-следователь долго, тщательно меня допрашивал.

— *Вы их поддержали, когда был путч?*

— Я был счастлив первую половину дня. С этим чувством ничто не может сравниться. Я радовался тому, что возвращается...

— *Что возвращается, что? Порядок? Чему Вы радовались?*

— **У Вас какое зрение?**

— Плохое. Минус два с половиной.

— **Чувствуется. Чувствуется, что плохое** зрение, потому что проглядели самое главное вот в этом документе, который у меня здесь, на сейфе, висит рядом с портретом Георгия Константиновича Жукова: «Обращение к Советскому народу».

По сути дела, в Обращении присутствует отказ от коммунистической идеологии. Не обращали внимания? Нет?

— *Можете процитировать?*

— Там нет вообще ни слова на эту тему! И Вы сами прекрасно знаете это. И тем силен был этот документ. И тем страшен был тем, кто злоумыслил бы на нашу страну.

— *Вы всерьез верите, что Крючков, Лукьянов, тем более Янаев, могли бы отказаться от КПСС?*

— Я не знаю, могли бы В.А.Крючков и А.И.Лукьянов, которых я глубоко уважаю, или Д.Т.Язов, т.е. то самое законное правительство, которое кем-то свергнуто и сейчас сидит в тюрьме и которое я продолжаю считать законным, где бы оно ни находилось, отказаться от нее в политическом смысле, но в смысле всего государственного строительства, в смысле государственного величия нашей страны, это однозначно совершенно.

— *Если бы они получили власть, Горбачев остался бы в Форосе?*

— Ну, Форос — это слишком мягко.

— *Ну хорошо, подождите. Неважно, куда бы они его заточили. Важно, что заточили. КПСС бы распустили? Ваша точка зрения.*

— Я бы мог сказать одно, и Вы тут тоже со мной спорить не будете. КПСС как идеологическая сила и как довлеющая структура в последние два, два с половиной года вела себя просто прилично. Я никогда в

жизни не слышал ни одного звонка ни от одного секретаря обкома партии, что бы я ни говорил.

- Но Вы не работали при Романове...

— При Романове я не работал. Я говорю о естественном процессе отхождения КПСС, отмирания КПСС, отказа от попыток давления на все структуры.

Сейчас гораздо хуже, при демократах. У меня руки до них не дотягиваются, потому что они понимают, что у меня не просто передача, у меня социальная сила. Надо будет двести тысяч вывести — будет 200 тысяч, надо будет триста тысяч — будет 300 тысяч.

И я себя закрыть не дам.

- Ну, руки у Вас дотянутся.

— Совершенно верно. У них руки не дотягиваются. И не дотянутся. Как и в отношении всех тех, кто осмеливается говорить, что страна в беде, что правительство ведет себя не только подлым и предательским образом, но и ведет себя настолько нелогично и похабно, что никаких других мыслей, кроме мыслей о совершении государственной измены в отношении этой власти быть не может.

Попробуйте это сказать. Пусть попробуют это сказать люди с меньшим именем, чем у меня.

- Александр Глебович, я хочу все-таки вернуться к 19-му августа и понять, чему же Вы так радовались? Тому, что имени КПСС больше не будет?

— Во-первых, для меня это был четкий отход от основных ненавистных и тяжелых догм, которые над нами довлели.

Во-вторых, только идиоту было непонятно, что 19 августа — день ГКЧП — прекратил бы убийство женщин и детей в Карабахе, зарождавшуюся уже тогда войну в Приднестровье, перестрелки и расстрелы младенцев где-нибудь в Цхинвали. Вы против этого?

- А Вы знаете, я верю, что прекратил бы.

— Прекратил бы, прекратил. Жестоко, спокойно и сурово.

— Но ведь помимо того, что...

— Ну, пожалуйста, наслаждайтесь свободой, наслаждайтесь своими демократическими идеалами, когда в двух тысячах километров от вас детей расстреливают. Вам это больше нравится, чем ГКЧП? Вам нравится голодать и нищенствовать?

— Во-первых, я этого не сказал. Во-вторых, простите, пожалуйста, я не вижу ничего плохого в свободе.

— Так я тоже ничего плохого в свободе не вижу. И я не увидел здесь посягновений на свободу, хотя у меня обостренное чувство свободы, смею Вас уверить.

— Вы всегда будете в оппозиции?

— Нет. Когда придет реальная власть, я просто уйду, я буду не нужен.

— Нам уже известно, что когда ГКЧП образовывался, был сделан список: кого надо арестовать. Там было 30 фамилий. Павлов кричал: «какие тридцать, какие тридцать? Тысячи». Это документировано, проститр. А потом на Тульский оружейный завод пошла телефонограмма...

— Мне тоже кое-что известно об обсуждении планов ГКЧП...

Разговоры о кандалах, разговоры об арестах — это просто нормальный пропагандистский плод. Смешно говорить о запланированных тысячах арестов, когда не были арестован ни Ельцин, никто вообще.

— Почему? Гдяна арестовали все-таки.

— Так арестовали и тут же выпустили, потому что никто не понял — зачем?

— Но арестовали Горбачева...

— Тут, я думаю, Вы сильно рускуете...

— Если Вам так много известно, то скажите — Горбачев знал о ГКЧП?

— Да.

— Вы отвечаете за свои слова?

— Да.

— Тогда расскажите, пожалуйста, об этом чуточку подробнее, потому что это сенсационное заявление.

— Это не сенсационное заявление. Это то, что реально представляют себе все. У меня документ с подписью Горбачева, который позволял бы мне говорить об этом так вот, стопроцентно открыто. Но у меня были довольно близкие, довольно хорошие отношения с А.И. Лукьяновым. В период так называемого ГКЧП мы созванивались с Анатолием Ивановичем. Как раз по этому поводу приезжал следователь. Лукьянов записывал телефонные звонки. Например: «19-го в 21 час звонил Невзоров, разговаривал со мной крайне резко». Ну вот, я порасшифровывал — что именно я там говорил.

— А Вы действительно говорили крайне резко.

— Да, крайне резко...

— Вы же поддержали, были рады...

— Правильно. Я их корил за нерешительность.

— А Анатолий Иванович что ответил?

— Анатолий Иванович, поскольку не был замешан в деле ГКЧП даже в том варианте наведения порядка в стране законной властью и законным путем, оказался перед откровением. Когда, просто поневоле, ему приходилось общаться с членами ГКЧП, он многое узнал.

Я разговаривал с ним и за 10 минут до ареста, когда ВС СССР отдал его, абсолютно невинного человека, в «Матросскую тишину».

И я ему сказал, что он должен сообщить, что Горбачев знал об этом: «Вы должны это сказать сейчас, тогда спасете миллионы судеб».

Вы знаете манеру Анатолия Ивановича. Он обо-
жал уходить от острых тем. У него была такая партий-

но-политическая привычка — предполагать, что все само собой утрясется.

- *Вы знаете, у меня был разговор с Лукьяновым за ночь до его ареста, и я, пожалуй, здесь с Вами соглашусь.*

- Каково же было мое удивление, когда я совершенно случайно узнал, что в качестве единственного показаний Лукьянова по делу ГКЧП (он не дает показания, т.к. все оставляет до суда) рассматривается вырезка из «Независимой газеты» с моим интервью у Лукьянова, которое он мне визировал, как это видно из предисловия к этой публикации.

Каково же мое изумление, что за все эти месяцы пока шло следствие по делу ГКЧП, никто не взял у меня магнитофонную запись этого разговора. Ведь я мог не вписать что-то, что-то перепутать или вписать в конце концов.

И каково же у них с доказательствами, если газетная вырезка до сих пор рассматривается главным показанием Лукьянова по делу ГКЧП.

- *У них хреново с доказательствами. Я тоже могу это сказать.*

- Что такое Лукьянов, показывающий на Горбачева? Это, говоря мирским языком, закладывающий. Но он не может быть закладывающим. Не тот человек. Равно как... Крючков, который тоже наверняка знал об участии Горбачева во всей этой истории. И не может он его заложить, даже во имя собственного спасения.

- *Александр Глебович, мы с Вами наблюдали Лукьянова в течение трех последних лет. Скажите, пожалуйста, неужели у Вас никогда не возникало ощущение, что он просто манипулирует Горбачевым, съездом, Верховным Советом? И что в этих манипуляциях есть, мягко говоря, что-то очень нехорошее?*

— Дорогой мой. О сидящих в тюрьме либо ничего, либо хорошо.

— Ну, во-первых, сидящий в тюрьме завтра может оказаться на свободе...

— Тогда поговорим.

— Но вот Вы, наверное, допустим в принципе, идеальный руководитель госбезопасности. Честно говоря, раз кругом враги. Вы с этими врагами бы боролись - сажали в ГУЛАГ и т.д., и т.д. Я правильно понимаю?

Или Вы были бы либеральным кагэбешником и действовали бы по тем законам, которые не позволяют устроить новый ГУЛАГ?

— Понимаете, я не знаю насчет ГУЛАГа. Я думаю, это еще один из тех мифов, разоблачение которых нам предстоит.

Я имею в виду не вообще ГУЛАГ. Факты репрессий я никаким сомнениям не подвергаю. Я имею в виду ту численность, которую нам преподносят с легкой руки демократов. Я думаю, что мы не знакомы с действительной статистикой.

У меня комитетская, грубо говоря — кагэбешная кровь. От деда — Георгия Владимировича Невзорова, который был, кстати говоря, в Литве начальником отдела по борьбе с бандитизмом с 1946 года

— Понятно. И он Вам говорил, что миллионов в ГУЛАГе было меньше?

— Нет. Он мне не говорил ничего, потому что он точно так же не был допущен к этой статистике, как не допущены сейчас Вы и не допущен сейчас я.

— Александр Глебович, Вы допускаете хоть на минуту мысль, что коль скоро мы с Вами не допущены, то может быть больше?

— Нет уж. Коль скоро мы с Вами не допущены сейчас, то значит меньше, гораздо меньше. И ведь посмотрите, как этот миф опять-таки потрясающе работает на то, чтобы у нас возникало отвращение при

всякой мысли о действительно славном прошлом страны...

Чтобы, когда ты задумываешься о флаге над Берлином, у тебя подступали черные слезы, что этот флаг был куплен миллионами людей в лагерях и их страданиями.

- *Простите, у меня нет отвращения к флагу.*

— У меня тоже нет отвращения.

- *А к товарищу Сталину у меня есть.*

— Отвращение к товарищу Сталину — это самое простое из чувств, на которое способен советский человек новой формации...

- *А у Вас нет отвращения?*

— У меня есть непонимание Сталина. И незнание — что он на самом деле за фигура...

- *Что Вам мешает узнать? Только ли закрытые цифры КГБ?*

— Нет. Я думаю, что эта возможность упущена, потому что каждый человек все узнает на своем собственном опыте. Если бы мне пришлось жрать солидол с саней из северных лагерей — а со своим характером я был бы там, — то тогда я бы мог говорить на эту тему. Сейчас другое время, другая реальность. И у Вас точно так же мало оснований однозначно назвать его чудовищем, как у меня сомневаться в его чудовищности.

- *Вас ведь избрали теперь академиком? Только поймите, пожалуйста, мой вопрос правильно. Чтобы стать академиком, надо иметь какие-то труды. Вот академик - Невзоров. Вам это не смешно самому? Честно.*

— Когда это прозвучало в первый раз, я все воспринял, в общем, с улыбкой. Люди, которые это сделали, совершили это, подчиняясь прекрасному порыву. Это было в дни закрытия Программы. Точно так же, как общество разделено, разделен и мир ученых...

— Какой же Вы академик, Александр Глебович?

— Скажите это тем, кто меня избирал. Задайте им вопрос — какой же я академик? Наверное, академиком, которые сделали меня академиком, виднее.

— А Вы бы отказались.

— Зачем отказываться от того, что предлагают, во-первых, от чистого сердца, а во-вторых, Вы знаете, я не считаю себя позором Российской академии. Предполагаю, что не худшим ее членом буду.

— Да Илья Сергеевич Глазунов от чистого сердца что угодно может сделать, Вам не кажется?

— Илья Сергеевич Глазунов не в отношении всякого от чистого сердца... И к тому же Илья Сергеевич не был в академическом ученом Совете.

— Мне показывал Гришин такие книжки Глазунова, подписанные Виктору Васильевичу: «Дорогому, лучшему другу от московских коммунистов. Илья Глазунов и т.д.». И он же первый стал говорить на него, когда Гришина не стало.

— Я не понимаю: Вы меня так потихоньку заманиваете к разговору о Глазунове? Я уже сказал, что Глазунова на президиуме Академии и в ученом Совете, который избирал меня академиком, вообще не было.

Смешон разговор, когда приходится доказывать свое, признанное более учеными, чем Вы, академическое достоинство.

— Ваша цель? За что Вы боретесь?

— Я просто борюсь с предложенными мне когда-то для жизни законами. Какие это законы? Возьмите УК РСФСР, возьмите Конституцию СССР. Мою страну решили отменить. Я с этим не согласен.

Если бы это было мнение большинства, то я бы, пусть сложно, но согласился бы на это. Но ведь это не мнение большинства. Это мнение какой-то компании, каких-то неизвестных мне людей, не имеющих для меня никакого авторитета, к которым у меня нет ни

преклонения, ни просто человеческого уважения к их политическим способностям. Они делят мою страну. Да никогда в жизни я с этим не соглашусь!

Я объясняю, что если бы это была воля народа, тогда ладно уж, черт с ним. Сжал бы зубы и...

Я не понимаю: когда отменяют Родину, когда отменяют Гимн, отменяют все то, на чем я воспитан и что мне дорого.

И это, кроме всего прочего, помимо решения общенародного Референдума 17 марта 1991 года, которое доказывает мою правоту, что воля-то народа была сохранить эту державу.

- А.Н.Яковлев, которого Вы не любите, хотя, может быть, я не прав, говорит примерно то же самое - три человека собрались в лесу и отменили Союз ССР.

— Я, думаю, Яковлев это говорит лишь по той простой причине что его забыли пригласить в эту компанию.

! Во всем том, что вы делаете, внесем том, что мы видим, есть именно ясность гражданской позиции. Можете ли Вы это сделать, сформулировать — что такое Ваша позиция, Ваша человеческая гражданская позиция?

— Если бы я задал этот вопрос Вам, поскольку я, как и Вы, — репортер, Вы бы вот так четко и определенно ответить не смогли, или отделались бы фразой, которой сейчас, по сути, отделяюсь и я: формула не выражает и десятой доли того, что я делаю.

Гражданская позиция — это, конечно, восстановление Родины; это, конечно, правительство, которое будет прежде всего думать об этой семье, которая называется наш народ. Вот, пожалуй, в этом моя гражданская позиция. Я не буду повторять про то, что еде-

дали со страной. Это незаконно, подло, нелогично, обидно.

— Александр Глебович, неужели у тех людей, которые стоят на митинге на трибуне, больше правды, чем у тех людей, кто заседает в Российском правительстве? Почему Вы так думаете?

— Так я не думаю, я это знаю. Иначе я был бы в правительстве, а не на митинге. Была такая возможность.

— Ну, наверное. Почему Вы думаете, что правда сейчас на той стороне, а не на этой? Объясните.

— Потому, что эта Ваша сторона крадет, разбазаривает страну, обедняет людей до такого состояния, что Вы себе даже представить не можете. Вводит цензуру худшую, чем вводили коммунисты во время последних лет своего правления. Когда они спохватились и начали. Тут я хорошо на себе это ощутил, когда стали завинчивать гаечки. Но, слава Богу, там слишком уже гнилыми были ключи, которыми... ш

— Ну что, так уж все жулики, Александр Глебович?

— По большвй части, да!

— Вот из тех людей, которых принято называть демократами, есть люди порядочные? Если есть, то кто? Собчак — плохой?

— Да я не говорю, что Собчак плохой. Собчак просто не на своем месте, человек, создавший трагедию.

— Нет, ну если крадет, то плохой.

— Это Вы говорите, что крадет. Я не могу говорить ничего, не подтвердив бумажечкой, протоколом каким... Я страшный бюрократ.

— В сегодняшнем правительстве-, которое Вы называете оккупационным и настаиваете на своих словах...

— И настаиваю на этих своих словах.

— ...и если есть порядочные люди, на Ваш. взгляд, то кто они?

— Может, там и есть порядочные люди, но, по крайней мере, в политической практике Российского правительства я не заметил ни одного порядочного поступка.

— Уж совсем все плохо?

— Если Вы можете мне сразу так кинуть пример и сказать: «А что Вы на это скажете, Александр Глебович?», я буду охотно Вам либо возражать, либо соглашаться;

— Но ведь самое главное — экономическая реформа, самое главное.

— Ох, да господь с Вами. Оставьте. Это — вариант «Интенсификации». Помните, это была затея такая — «Интенсификация-90».

— Но причем здесь «Интенсификация»?

— Да «реформа» — это такая же безжизненная, бессмысленная вещь.

— Экономическая программа правительства Ельцина, Гайдара - действительно переход к рынку. Получается, не получается, ошиблись в прогнозах — вопрос другой.

— Вот мы сейчас очень смешно будем спорить на эту тему, если будем спорить. На самом деле существуют, для меня, например, очень твердые и очень понятные экономико-социологические выкладки — почему этот переход к рынку есть величайшее кощунство. Вот в такой форме, как это делается.

— Почему? Скажите.

— Вы можете объяснить: как можно стать богатым и довольным, став нищим?

— Подождите. Тут самое главное не путать понятия местами.

— Мы не путаем понятия местами. Нам предложили стать нищими, сделали из нас нищих. Вы знае-

те, сколько литр бензина стоит? Да, знаете. А мне нужно редакцию отправлять на выезды ежедневно.

- Подождите, Александр Глебович. Есть Америка. Там есть нищие, там есть бездомные. Там есть не нищие. Там есть богатые и очень богатые.

- Понимаете, я думаю, это бессмысленные рассуждения.

- Так живет весь мир.

- Так живет далеко не весь мир.

- Кроме Кореи...

- Ну, почему, у нас существует еще, скажем так, восемь десятых мира, который живет страшно.

У нас есть Европейское сообщество — тесная компания, очень друг друга любящих и действительно имеющих единые интересы государств. Вы что думаете, им в этой компании еще кто-нибудь нужен? Что они охотно примут колоссального по размерам, потенциально опасного гиганта?

»

- Скажите, пожалуйста, кого русский народ завоевал, кроме, с моей точки зрения, Прибалтики?

- Езжайте в Казахстан. Когда Вы поедете от Усть-Каменогорска на машине, до, положим, Семипалатинска, представьте, что здесь, по этим жарам, по этим пескам, за черт знает сколько тысяч верст, в раскисших кожах, в ржавых бронях шли люди Ермака и ставили через каждые пять тысяч верст российское знамя.

Зачем, кто, куда их вел, почему это происходило?

И даже во времена советской империи ведь каждый «второй» секретарь обкома, где бы то ни было, был русским. И это была, прежде всего, колоссальная русская империя, которая обеспечивала мир. Вы мне скажете, что там ущемлялись права граждан, ущемлялись права наций? Вы так скажете?

- Да нет, я так не скажу.

— Нет. Вы будете правы, если вы это скажете. Но лучше, все-таки, когда права граждан и права нации ущемляются тем, что второй секретарь обкома русский, чем тем, что запузыриваются 50 «алазаней» или кумулятивные гранаты. Наверное, все-таки, империя — это зло. Но то, что есть сейчас, это гораздо страшнее. Это я говорю Вам, побывав на всех международных, межнациональных войнах.

— *Я знаю, что Вы побывали. Я хочу для себя понять, почему Прибалтика — это исконно русская земля?*

— Она не исконно русская земля. В ней Россия имеет, скажем так, как ни горько это звучит, территориальную и государственную потребность, вне зависимости от того, какие племена ее населяют.

Она никогда не была ничьей. То ее брали шведы, то — поляки. И вечно, на протяжении 10 веков, за нее шла какая-то драка.

— *Вы только что сказали, что Прибалтика — это очень-важный для России, для генерала Варенникова и есесэ 'тех, кто стоял за этой подлейшей и гнуснейшей операцией, плацдарм.*

— Одну секундочку. Нет, нет. Не буду я продолжать этот разговор, если Вы будете продолжать называть это гнуснейшей и подлейшей операцией. Так, одну секундочку.

Чего Вы прицепились к Варенникову? Тогда, действительно, начинайте с Ермака, начинайте с генерала Ермолова, которые тоже должны Вам сильно не нравиться.

Тогда все 10 веков истории России Вам должны сильно не нравиться. К тому же, посмотрите, что и с Вами, и с многими-многими миллионами людей произошло в этом веке.

Вы можете себе представить, чтобы на русский гарнизон в Жмуди, как тогда называлась Литва, ко-

торый вышел бы из своей крепости успокоить волнения, обрушились бы летописцы в Москве, клеймя позором этот гарнизон? Вы можете себе представить? Нет! И я не могу.

Вы можете себе представить, что бы сказал об этой ситуации в Прибалтике действительно светлейший человек, в нравственности которого у Вас даже нет никакой возможности сомневаться — Николай Михайлович Карамзин, который писал Историю государства Российского, понимая необходимость, увы, зла в отношениях между народами и в приоритете сильного в отношениях между народами?

— *Необходимость зла. В чем она, как Вам кажется?*

— Вы все клоните к Литве. Вы начните с Америки. Начните там кампанию: белые вон из Америки, всю землю индейцам. Это будет столь же логически обоснованно, как Ваши «волнения» в Прибалтике, спровоцированные и весьма подлым образом разыгранные со стороны Ландсбергиса.

— *Вот, что Вы сделали такого, о чем Вы пожалели задним числом, если честно?*

— Я даже особенно не жалею о том, что сильно помогал «демократам» приходиться к власти. Они все в этой редакции толклись, притаскивая друг на друга компромат во время своей предвыборной компании.

— *А вот как так получилось, что Вы в 1989 году выступали против КПСС, так скажем, против мафии в КПСС, приезжали на вечер «Московских новостей» в Москву, и все те, кто сегодня Вас, мягко говоря, не любит, а в большей своей части откровенно презирает, они аплодировали Вам и я тоже был в зале, я тоже аплодировал? Что произошло с Вами? Сегодня Вы стоите с бывшими членами КПСС...*

— Извините, ребята. Насчет бывших членов КПСС, это, по большей части, ищите среди своих ельциных, среди своих Яковлевых.

- Да. Вы правы, я тоже был членом КПСС.

- Да, совершенно верно. Вот я им никогда не был! И если выбирать: либо за Родину, но с коммунистами, либо против этой Родины — расчленять, дробить, тащить, унижать, насиловать, то все-таки извините...

- Но вот как так получилось, что в 89-90-х годах Вы были против того, за что выступаете сейчас? Или я не прав?

- Нет. Вы сильно не правы, потому что я никогда не был против державы, я никогда не был против единства и нормальности взаимоотношений между людьми. Но когда вот эти, во многом мною доставленные на вершины власти люди, стали делать то, что они стали делать, — извините. Потому что все братоубийственные войны, все международные войны — это искусственно разожженные войны. Там нет ни одной стихийно разгоревшейся войны. И Вы это тоже знаете.

Когда все это стало происходить, когда рядом с Вами убьют двух или трех человек и Вы все это увидите своими глазами, как это было у меня в Югославию... та же самая ситуация. Тот же самый союз славянских государств, с которым сделали то же самое, что сделали с нами... Когда я увидел реальные плоды действий тех, кому я помогал, я ужаснулся и открестился от них.

- Александр Глебович, тем не менее, Ельцин Вам кажется оккупантом. Вы - партизан...

- Действия его мне кажутся оккупационными.

- Хорошо. Действия его оккупационные, Вы стоите в открытой оппозиции и совершаете действия, которые Вы называете оппозиционными. Что же это за действия, конкретно?

- Я делаю то, что делать необходимо — это все-таки попытаться разъяснить: в какой мы беде и что эта беда не случайна.

- Что же сделал Ельцин?

— Он принес интересы своего народа в жертву интересам другого народа.

— *Другого, - какого?*

— Вероятно, какого-то другого народа.

— *Ну, какого, давайте конкретно.*

— Того, которого не устраивала мощь нашей страны.

— *А есть какой-то такой народ?*

— Есть.

— *Так что, Ельцин — агент Антанты, получается?*

— Я не видел этих документов у В.А.Крючкова. И к тому же ироническое высказывание по поводу Антанты, учитывая беду, в которой находится страна, мне тоже непонятно.

— *Александр Глебович, а вот это ощущение, что Вы сидите в окопе, а вокруг Вас враги и Вы отстреливаетесь, оно изначально Вам присуще или только в последние два года?*

— Это, скажем так, присуще после Вильнюса... но тоже не надо упрощать, хотя сходство определенное есть. Ведь в Приднестровье тоже сейчас люди сидят в окопах и они в точно такой же ситуации.

— *Александр Глебович, т.е. врагов много.*

— Безусловно.

— *Александр Глебович, ведь точно так же начался и большой террор в 1930 году.*

— Милостивый государь, сейчас об опасности террора можно говорить только со стороны их. Когда разговор о терроре будет уместен с нашей стороны, мы об этом поговорим отдельно.

— *Александр Глебович, не кажется ли Вам, что все-таки Вашей работой движет сумма неких мнимостей, в которые Вы верите (я в этом не сомневаюсь), тем не менее это мнимости, за которые потом будет стыдно, коль Вы честный человек?*

— Понимаете, я уже долго работаю. Мне стыдно чего-то не было. И если бы я почувствовал такую ситуацию — что я против совести что-то совершил, то, видит Бог, — человек, который поперек всех идет, поперек всего общественного мнения, нашел бы в себе силы сказать, как он это понимает, у этого человека хватило бы сил признать и свою слабость, и свою ложь.

— *Верю. Может, это еще не пришло. Скажите, в какой ситуации Вы были бы готовы взять, я не знаю, топор и пойти на улицу, и бороться уже не с камерой, а с топором в руках? Или не может быть такой ситуации?*

— Может.

— *В какой ситуации, Александр Глебович?*

— В ситуации, когда будет либо какими-то силами их, или какими-то силами, грубо говоря, нашими, развязана гражданская война.

— *А вот ваши силы, это что за силы, скажите.*

— Силы, которые хотят сохранения государственности, хотят установления законности, желают, чтобы прекратили стрелять в детей — в Осетии, в Цхинвали, Азербайджане.

Х А Ваша сила — которая желает, чтобы это продолжалось.

— *Откуда Вы знаете - во-первых. А во-вторых, покажите мне честного человека, который хочет, чтобы убивали ребенка.*

— Они многозначительно уходят от этого, как правило.

Но вам уже предложили рецепт от убийства детей. Что же Вы от него отказались? Вас же он не устроил.

АВГУСТ 1991-ГО: КАРАНДАШИКИ...

Не скрою: я был искренне счастлив в первые часы 19 августа. Но только в первые часы... У меня две версии происшедшего: либо это была инсценировка, либо - попытка законного правительства страны выполнить свои законные обязанности. Выполнение этих обязанностей так страшно затрагивало интересы другой партии власти, что первые решились на переворот. Переворот с примесью инсценировки. По моему мнению, среди крайне симпатичной компании ГКЧП вполне мог быть провокатор. Поясню: допустим, банда из двух человек готовится взять банк. Появляется третий, говорящий, что у него все схвачено: менты не приедут, сигнализация отключена - все в порядке. Банда идет на «дело» и - всех берут. Третьего потом отпускают для последующей работы. Не исключаю - среди ГКЧП был этот «третий». Так вот, я был в полном недоумении к вечеру 19-го... Прежде всего по поводу своей судьбы. Было обидно - все происходит без меня. А программа ГКЧП, между прочим, была прекрасна по содержанию, правда, весьма дурно написана. Ну, а если бы они победили — я не пел бы им «Славу».

Август 1991 год. 19-е число.

Самой забавной фигурой августовских дней в Питере, конечно же, был Виктор Николаевич Самсонов, коренастый и носатый, носивший заказные широчен-

ные погоны, широченные, раза в три шире уставных, лампасы, генеральчик с хорошими, жиловатыми, грубющими ручищами крестьянина-великана, которые ему тоже были забавно велики. Физиономией Виктор Николаевич смахивал на неухоженный бюст кого-то из знаменитых полководцев Великой Отечественной.

Он постоянно где-то удил, что-то там ловил-вытаскивал и с прибаутками об этом повествовал, а также дьявольски остро точил целыми днями карандашики в своем г^нштабовском кабинетике на Дворцовой и пил там чаек, как-то всегда погремывая стаканом в подстаканнике. Словом, правил тогда Ленинградским военным округом.

По нормальным номенклатурным меркам он вообще был хорош, и за все время славного своего начальствования над округом замечен был лишь в одной крупной пакости: на традиционном уженье такому же коренастому и носатому, но с погонцами поуже генералу из Уфы, дико везучему по части этой самой ловли, погубил целую банку червей посредством налития в оную - с генералоуфимскими червяками - крутого кипятка. Насчет ужения р*.1бы командующий вообще строг был невероятно.

Мы с ним были в добрых отношениях еще со времен знаменитого референдума, когда командующий в «Секундах» косноязычно, но убедительно-мрачно что-то плел за Союз.

Повторяю, по номенклатурным меркам он был действительно не так уж и плох, по сути, ничем не выделяясь из гигантского столпотворения в меру краснорожих, в меру запойных - и совершенно неспособных выполнить свой долг советских генералов.

Помню, какой-то подлюга-демократ не поленился - высчитал общую протяженность в километрах... лампасов всех генералов Союза. Цифра вышла уморительная: лампасную ленту можно было протянуть от Кремля до Нижнего Новгорода.

Тогда все мы хихикали над этими «открытиями», не понимая, сколь страшна сама возможность проведения и опубликования подобных расчетцев, не понимая, сколь о многом это говорит, не понимая, что генеральское сословие, на которое столько возлагалось нами надежд, выродилось и сгнило заживо, что обшитые лампасами, увенчанные заказными фуражками, зажившие и номенклатурно-трусливые НАШИ генералы у врагов России ни страха, ни уважения не вызывают.

Это вырождение генеральского сословия, сословия, на котором действительно стояла Советская Армия долгие послевоенные годы, вырождение полное и безнадежное, обошлось нам позже очень дорого. Как помните, во все годы смуты, с 91-го по сей день огромное по размерам советское генеральское стадо покорно и даже, как я подозреваю, с каким-то коровьим удовольствием подставляло бока под любые клейма.

Исключений было так немного, что даже и говорить не стоило бы, но память Рыбалко и Конева, освятивших деяниями своими и именами странное слово «генерал» все же, вероятно, требует вспомнить, что очень немного, безобразно немного, недоспустимо немного - но все же породило гниющее генеральское сословие таких воинов, как... черт, назвать-то некого...

Макашов, Варенников - не в счет - это еще родные дети Отечественной, равно как и Титов и те древние старики-генералы в древних и тусклых мундирчиках, что в октябре стискивали в покрытых стариковскими пигментными пятнами руках автоматы возле бойниц Дома Советов.

Такие, как Лебедь - тоже не в счет, ибо не сделали еще выбора меж светом и тьмой.

19 августа 1991 года Командующий ЛенВО генерал Самсонов, действительно, оказался самым главным в городе Ленинграде человеком, ибо распоряжением ГКЧП ему была отдана вся полнота власти в городе и области.

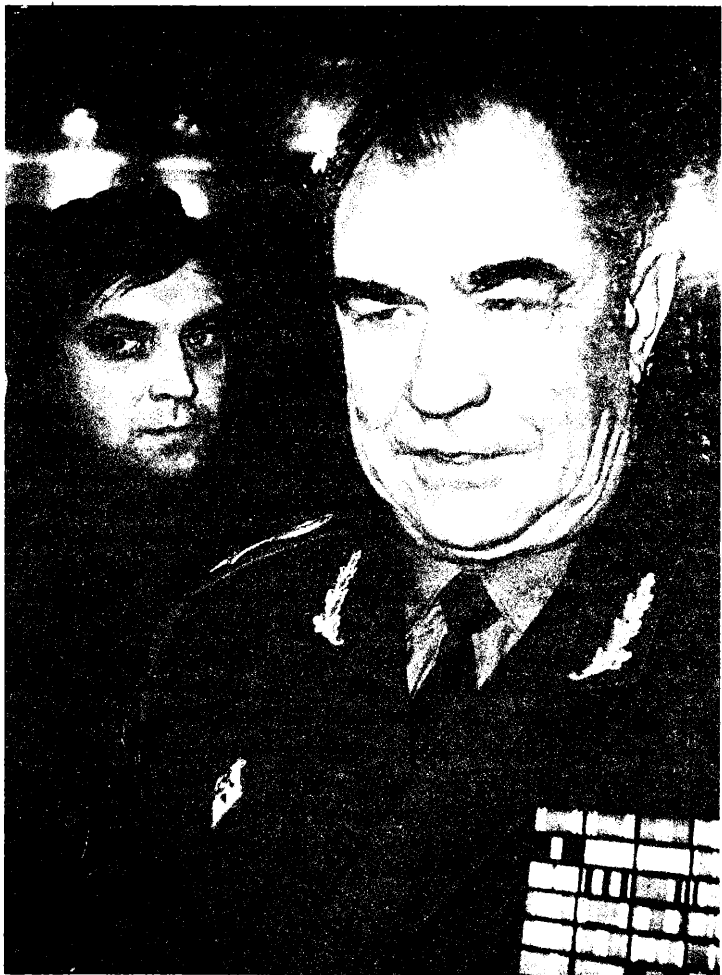
Тогда впервые, по сути, воплотилась в жизнь знаменитая макашовская фраза — «ни мэров, ни пэров, ни херов» - ибо власть Собчака была аннулирована, равно как и власть Ленсовета, и власть всех «демократических» институтов, что, разумеется, в первые часы было колоссальной радостью. Генерал рванул на Чапыгина б, на телевидение, разумеется.

Прибыл, был оперативно напудрен и высажен в эфирную студию, откуда и зачитал строго и важно документы ГКЧП, очень невнятно потусовался в кабинете тогдашнего председателя Телерадиокомитета с притихшими теле-начальниками — и, растерев гигантской крестьянской лапой пудру по маленькому носатому лицу, отбыл в здание Штаба ЛенВО.

Дальнейшее есть пример бездарности настолько чрезвычайной и фантастической, что заслуживает описания отдельного.

Не надо только думать, что бездарность Самсонова была чем-то из ряда вон выходящим, нетрадиционным для советских генералов, которых в мгновения Августа судьба с грохотом сшибла лбами с реальной боевой и политической задачей. По всей стране слышен был треск генеральских черепов от этого удара - как я уже говорил выше - не уцелел практически никто. Не уцелел в смысле человеческом и воинском.

Историкам лет через сто откроется высота того момента - высота сказочная, высота, о которой тосковали действительные герои на протяжении всей истории человечества. Быть может, это был сложный момент для того, кто на ту пору не обладал властью и не повелевал полками, ибо окрашено было 19-е августа в наполеоновские дымные и кровавые великолепные цвета/Для того, у кого под рукой было все это, августовский день мог оказаться днем славы чрезвычайной. Этот день мог стать днем славы практически для любого ГЕНЕРАЛА. В настоящем, жуковско-багратионовском смысле этого слова...

• Дмитрий Язов. 1991 год. Перед путчем.

ГЕНЕРАЛА в России не нашлось.

Мутнейшая река истории, таща на себе и в себе донную нечисть, пошла-покатилась по самому незамысловатому руслу.

Посмотрите сами — этот традиционно-исторический процесс, лишенный управления жесткого и умелого, идет сверхВ'анальнейшим путем: власть берут воры и желающие воровать.

Это-то и произошло в России и было названо августовской революцией и первым шагом реформ.

Очень живенько было поначалу все в кабинете и приемной Самсонова: из угла в угол радостно слонялось какое-то офицерье, квохча и окутываясь сигаретным дымом. Вбегали взопревшие полковники и исчезали за дверями самсоновского кабинета, побросав сырые от пота фуражки на мрамор подоконника приемной. Тусовались знакомые путчисты из Москвы, как тогда казалось - травленные волки, храбрецы и сорвиголовы.

Был и Ермаков — его слава ненавистника разорителей страны, воров и демократов была на тот момент высочайшей пробы...

Командующий же Ленинградским военным округом генерал Самсонов отачивал карандаши, аккуратно сгребая очистки с огромной оперативной карты.

Над ним висели, гудя, какие-то полковнички. Все с подстаканниками.

Ермаков слонялся по приемной и кабинету, заводя дымящих офицериков:

- Да танков этих - как грязи...

- Сертоловские придут...

- Народ ждет танки! Мы что - хуже Москвы? В Москве с утра бронетехника каааа-ак встала!

- Ельцин-то уже в клетке?

Были разговорчики и похлеще, но все такая же дурь.

Хуже было то, что танков-то действительно и не было, и отсутствие их уже мучительно ощущалось.

Дикая, дымящая, матерящаяся и уже празднующая победу офицерская тусовка в приемной этого то ли не ощущала, то ли попросту не задумывалась над этим (в двенадцать дня) тревожненьким фактом.

Я напрямую спросил Самсонова:

- Где танки?

Он как-то отмычался.

Спустя часа три Самсонова посетил Собчак.

Из стенограммы расшифровки оперативного снятия информации.

* 19 августа. Кабинет командующего ЛенВО.

«... - Вам надо понять одно. Никаких войск. Никаких танков. Никаких пушек. Никакого... (неразборчиво три или четыре слова).

- Я бы хотел знать, какая моя судьба... разумеется, все идет цивилизованно и будет идти цивилизованно... Все мы люди, я вообще далек от политики...

- Мы очень на это надеемся.

- Так как бы вот решить, как со мной решат?

- Что с вами решать? Я полномочен передать вам все гарантии.

- И что со мной?

- Что хотите. Москва... Все...»

Ленинград был суперважной стратегической точкой. ГКЧП о нем не то что бы забыло, нет, просто довольствовалось чьим-то, язовским кажется, заверением, что в Ленинграде командующий - «кремень и наш в доску».

Самое смешное, что Самсонов действительно был до определенного момента полностью НАШИМ.

Трусость, робость, невнятица действий, попытка спастись в ту самую минуту, когда именно он был полным хозяином ситуации, вроде бы необъяснимы... Необъяснимо и то, с какой поразительной легкостью он по сути сдал, вопреки приказу министра обороны, город Ленинград.

И кому сдал?

Крикливому, косоватому человечку с установившейся уже на тот день репутацией глупца, ненавидимому в армейских кругах...

Забавна была ситуация - и страшна безмерно.

Оперативная карта с несметенными очистками карандашика.

Побледневший, с последними завитушками не живого уже пара, чаек в генеральском стакане.

Очень большие безжизненные руки в огромных твердых обшлагах с кантиком.

Семь телефонов цвета слоновой кости с бронзовыми гербами Союза.

Собчак - чуть развалясь, скрестив ноги под стулом. Самсонов — обмяклый, с ярко высвеченным от огромного окна правым погоном.

А за окном, отвернувшись, бронзовый имперский ангел Александрийского столпа.

Такой сохранилась картинка этой встречи на одной оперативной фотографии, даже, если быть точным, на трех фотографиях, сделанных разными ведомствами. Уже 23-го числа, когда прошелестело что-то о возможной перетряске оперативных архивов некоторых ведомств, фотографии были уничтожены.

Впрочем, я полагаю, одно из ведомств наверняка сохранило негативы. Звукозапись встречи, разумеется, тоже велась: спустя неделю - когда уже летели головы, а топор демократии не успевали точить и кончали

начальников больших и малых тупо и мучительно - мне довелось эту звукозапись слушать.

Кстати, на одной из фотографий видно было очень хорошо шесть аккуратно разложенных краснополосных шифрограмм Генштаба Минобороны с расшифровочными подклейками на столе командующего — разложенных перед Собчаком.

В сентябре 1993 года все были уже гораздо умнее. Довелось мне беседовать с другим командующим, другого уже округа - старинным моим приятелем, с которым я немало натворил вместе делов на одной из войн. Он, правда, тоже оказался мерзавцем и трусом на поверку, но на момент разговора мы были еще добрыми приятелями. Мы не умолкали ни на секунду, горячо и убедительно обсуждая женитьбу одного из наших друзей, и незаметно подвигали друг другу записочки, которые тут же писали, кстати, также остро отточенными карандашиками... Когда разговор закончился (безрезультатно), командующий честно поделил (делая вид, что ищет для меня на своем столе визитку) записочки: мне - с моим почерком, себе — со своим. Жечь в пепельнице было нельзя - все службы (почти все службы), еще в августе 91-го года работавшие на нас, в сентябре 93-го уже работали против нас.

Живописная фотография Невзорова в кабинете командующего Н-ским военным округом, с небольшим костерчиком на столе в пепельнице, датированная концом сентября 1993 года, могла в одночасье освободить моего приятеля от его галунов.

В августе 1991 года все еще было иначе. Страх, превративший советское офицерство к 93-му году в тихих нелюдей, озабоченных лишь своими судьбами, только просыпался. Еще все было у нас.

Все, кроме... армии (уже обыдиоченного демпропагандой митингового сброда), средств массовой информации, оружия, жестокости и... героев.

Герои, разумеется, были, да не те: по законам жанра требовался герой в погонах - иной просто не был бы воспринят, еще не пришел октябрь 93-го, когда судьба выдавала мандат героя любому.

Достопамятна, безусловно, ненависть. Я помню десятки генералов, сотни офицеров, сотни начальников, 'больших и малых, что бледнели от ярости, видя полосатый флаг демократов или слушая митинговые картавые раскаты их главарей. Люди эти точно знали, были убеждены глубочайшим образом в необходимости очищать страну от этой нечисти, причем очищать любым способом. Более всего, конечно, импонировал способ кровавый: и генералитет, и члены правительства, и руководители всех уровней (от спецназовского старшины до директора завода) аж выпевали тогда словечко «мочить!» при виде любого сборища с полосатыми флагами.

НАШ круг был чрезвычайно силен, обширен, как-то мощно многолюден, достаточно было, как говаривал Достоевский, «поскрести» любого небомжа, любого хозяйственника или вояку, практически любого начальника^тобы обнаружить единомышленника, готового умереть за Родину немедленно и с колоссальным удовольствием.

На тот момент, когда мы в сентябре 1991 года пришли в себя от глупейшего и страшного поражения и подсчитали потери и тех, кто остался, выяснилось, что этих самых НАШИХ в стране не наберется и сотни, включая тех, кто в тот момент проводил время в «Матроской тишине».

Демократы этого, вероятно, не ожидали сами, помня постоянно звучащую, как в митинговой, так и в печатно-телевизионной их бредятине, ноту неподдельного ужаса. Такие слова, как «ОМОН», «ДЕСАНТНИКИ», «КАЛАШНИКОВ», демократа со слабыми нервами доводили до истерики. Их дикторы и ведущие ТВ с неподражаемым выражением всегда выговаривали,

картавя сильнее обычного, самое страшное слово — «Бэ-тэ-эрры».

Все это были слова-заклинания, которыми призывался мерзкий дух тоталитаризма.

Помню забавный случай, очень хорошо показывающий страх демократов до августа 91-го года.

По ТАСС и всем средствам массовой информации пошла паническая весть, подтвержденная большим по тем временам демократом Полтораниным, о том, что советская военщина готовится сбить спутник «Российского телевидения». «Российское телевидение» тогда только образовалось, подмело во всех студий страны всякую телевизионную мелкоту демнаправленности и уже достаточно прочно выходило в эфир, гадя, конечно, со страшной силой и азартом.

Судьбой спутника «Российского телевидения» обеспокоились все - и в средствах массовой информации, и за границей, - и поднялся вой, да такой силы, как будто бы речь шла о второй Хиросиме.

На самом же деле очень недурная по тем временам компания: тогдашний председатель Гостелерадио СССР Кравченко, парочка вэдэвэшных генералов, парочка пэгэушников, и еще кое-кто - ели торт по случаю дня рождения одного из пэгэушников. То ли Кравченко, то ли еще кто-то из телевизионщиков посетовал, что Российское ТВ запускает свой спутник.

Я немедленно (реакция была естественной) предложил его сбить ракетой, благо ракеты пока в наших руках.

Подано мною это было, разумеется, как эдакая шуточка, и веселье вызвало соответственное, хотя понятно было, что шутки-шутками, а мысль, что называется, ОЧЕННО по душе. Один из вэдэвэшных генералов аж закатил глаза и от удовольствия потянулся прямо за столом во всю ширь своих десантных ручищ...

Ну, посмеялись и забыли.

Кто-то из присутствовавших при съедении торта уже вечером рассказал об этом милом казусе своим приятелям. Историю бездарно, по обыкновению, но методично проверило ГРУ, посмеялось и через своих людей в демократических кругах забросило в прессу...

О том, сколь силен был испуг демократической общественности, я говорил выше.

Я жалею о том, что за тем столом тогда не нашлось какого-нибудь генерала КВ, который бы совсем не понимал шуток.

Примеров подобных можно привести много, но тот, кто читал сотни газетных публикаций в демпрессе о «Секундах», помнит звериную, псово-цепную ненависть к моей довольно сдержанной передаче... Это был страх. И страх этот рожал, тужась, лютую ненависть. Всегда и во всем следует искать простое объяснение ненависти (простое медицинское объяснение) - страх.

Этот страх, который сегодняшние властители унаследовали от себя самих, слава Богу, жив и по сей день, да и не просто жив, он приумножился и разросся, и сейчас мое покойно - они нас ПО-ПРЕЖНЕМУ БОЯТСЯ.

Боятся, хотя «омон», «бэтээр», «солдат» — это уже не НАШИ заклинания, а их. Боятся, хотя у них власть, и власть реальная.

Они боятся нас в Государственной Думе и на телевидении, хотя на ТВ немножечко научились этот страх скрывать, они чудовищно трусят каждую секунду — истерикуют, обзываются, обвиняют...

Силен, безобразно силен был страх и в августовские дни, хотя уже с часу дня 19 августа было все понятно и очевидно было наше поражение. Понятна была слабость ГКЧП. Понятно было, что гэкачепистами владеет мелочная интеллигентская боязнь крови, как будто бы когда-нибудь история делалась чем-нибудь иным.

Тот, кто боится крови, не делает истории.

Они взялись делать, собираясь не пролить ни капли крови, и тем самым полностью обрекли на провал то святое и великое очищение страны, за которое столь самоуверенно взялись.

Пощадив сотню выродков, мои милые старики, мои любимые гэкачеписты обрекли на мучительную и долгую смерть десятки тысяч человек по стране. Десятки тысяч - в Бендерах, Кочиерах, Потти, Цхинвали, Гяндже, в полях и на перевалах, в Таджикистане и Карабахе, Приднестровье и Абхазии... И это пока, на сегодняшних день, ибо никому не ведомо, сколько еще крови и гноя, оторванных рук и голов, перерезанных глоток и вспоротых животов принесет нам ближайшее будущее...

Я уж не говорю о полутора тысячах убитых за один день в Москве, не говорю о тысячах убитых в Югославии и Ираке.

Кто скупится на малую кровь, всегда платит большой.

Дорого нам всем - и десяткам моих друзей и близких, polegших под пулями в Доме Советов, на Кошницком разъезде, в карабахских ущельях, - стоило милосердие ГКЧП.

Дорого оно стоило и тем, для кого жизнь превратилась в мешанину гноя, крови, говна и непрерывных унижений, для кого солярочный танковый выхлоп и дегтярная вонь десантных ботинок стали воздухом, как это произошло во всех воюющих республиках.

Кто скупится на малую кровь...

Талант политика в России и заключается прежде всего в умении вовремя отделаться от беды малой кровью. История же учит, настырно, нудно учит нас, русских, что беду не заговоришь, она все равно придет, но крови уже грабанет по собственному усмотрению.

Бендеры.

Приднестровская Молдавская Республика.

Июнь 1992 года.

Зной. С чадно воняющего и ревущего БТРа толпа стаскивает размолоченного в кашу приднестровского гвардейца. Голова, в буром от крови беретике, болтнулась на обрывках шеи я глухонько долбанулась о броню.

Кровавые пальцы заботливо хзатают за затылок.

Из карманцев кровавого броника летят запасные рожки мертвеца — тоже прошитые румынской очередью.

Мухи, молчание и мат.

За домом полу вкопанный в газон труп бабы. Торчат коленки и почему-то дико вывернутый локоть. Торчат из земли. Закопана так скверно оттого, что хоронили дети.

Где-то за домами долбит и долбит пулемет.

Мертвеца, наконец, стащили с брони; толпа мгновенно рассосалась, трое остались и тут же — за оглушительно тарахтящим БТРом - стали копать неглубокую*^ му.

Визг. Чей? Да черт его разберет, и отчего - тоже непонятно.

Пулемет замолк. В неглубокую яму на кровавом брезенте запихали мертвеца, ладонями накидали немного земли. Но тут БТР внезапно дернулся и оглушительно, с длинным желтым хвостом пламени, пошел лупить куда-то по крышам. Могильщики бросили закапывать, залегли возле брезентово-земляного холмика. БТР тронулся и, продолжая поливать чердаки одной сплошной нескончаемой очередью, пошел по изуродованному проспекту. Могильщики, похватав автоматы, побежали куда-то рядом под прикрытием брони.

На мгновение все стихло, вдруг расслышалось, что в разбитом доме рядом кто-то ходит по стеклу.

Приданные мне в охрану «днестровцы» — все из бывших рижских омовцев, — колошматя из автоматов, рванули в дом.

> Дом ожил диким грохотом, в котором стекло стало еще слышнее. Ухнуло и подпернуло под ногами землю - гранаты. Разросся заново рев вернувшегося БТРа.

Кто-то сиганул с брони - пальба пошла атомная, вдруг и со всех сторон. Самым удивительным было то, что в этом аду кто-то дерганул покойника из ямки - и, рассыпая землю, поволок с газона на тротуар, открикиваясь кому-то:

- У морх, у морх надо!

Сказал бы я кого надо было в «морх».

В августе, в несбывшемся генеральском августе 91-го, губищи дикого нашего славянского Бога не мазали волхвы наши кровью малой, и Бог сам отверз пасть.

Пока, кажется, ему все мало.

Нет сомнения, что в случае твердого руководства и владения ситуацией ГКЧП, как он был задуман, как проектировался, не только бы уберег страну от войны, но за несколько месяцев морально раздавил бы внутреннего врага, предотвратил бы остановку производств, прочистил бы мозги офицерству и генералитету.

«Но сдурели волхвы и, стоящие перед идолом своим, не омазали ему губы кровью, как велось всегда, с сотворения мира. Сосуд же с заготовленной кровью пал на землю и был осквернен».

Примерно так все и было. Побесновалась пьяная толпа. Какие-то хулиганы при этом пострадали; причем, учитывая мистическую сущность истории и мира,

невозможно не заметить все же жертвенности этой, пусть и хулиганской, крови. О том, что это было спровоцировано, я не говорю — это и так всем понятно. Случайность этих жертв делала их неким мистическим активом беснующейся стороны, это были жертвы на алтаре хаоса.

Разумеется, разгон пьяной тусовки перед «Белым домом» в августе 1991 года ровным счетом не являлся проблемой.

Осипший и растерянный, оглохший от ста, по меньшей мере, телефонных разговоров с Москвой, уже ночью я предложил последний вариант.

Ввиду того, что ГКЧП не желал принимать никаких адекватных мер, было предложено следующее: в толпу возле «Белого дома» аккуратноненько замешать десяток офицеров-ГБ и ГРУ поразумнее.

Под одеждой у них должны были находиться так называемые, на языке киношников, пулевые подсадки - маленькие дощечки с капсулой КИНОПЕНОЙ «крови» и капсюлем, снабженным электродетонаторчиком...

ЯЭтакие штуки наигрался еще будучи исполнителем тсонкретных конных трюков: в заданный момент нажимаешь на кнопочку маленького пульта, прилепленного скотчем к ладони, — и в нужных местах одежда взрывается и брызжет кровь. В кино все это достаточно часто видели.

Так вот, десяточек офицеров, облепленных подсадками, растворяются в толпе. На толпу пускается рота автоматчиков, открывающая огонь холостыми. Толпа видит падающих, окровавленных людей, видит своими глазами, как под ударами пуль разрывается одежда и хлещет кровь. Взвинченность и дикость толпы должны были скрасить некоторую киношность ран.

Почуввав реальную опасность, увидев «убитых», толпа от «Белого дома» бежала бы так, что остановилась

бы лишь под Волоколамском. Чтобы избежать жертв во время паники, бегства и не дать демократам перетоптать своих же, в определенном месте, клинообразно, ставились четыре подразделения ОМСДОНа, которые бы встретили «гребенкою» толпу и разделили ее на восемь потоков, в которых концентрация и напор были бы ослаблены или вовсе сведены на нет.

Финальная часть плана заключалась в немедленном реагировании телевидения.

Пока спецподразделения производили бы работу с нужными людьми в здании, несколько бригад телевидения снимали бы оживающих «мертвецов». На следующее утро - после того как уже все верные демократам средства массовой информации завыли бы по «сотням покойников» - по всем каналам телевидения была бы продемонстрирована правда о происшедшем.

Помимо победы физической, мы уже на следующее утро имели бы и колоссальную моральную победу, и демократы бы выглядели одураченными, а Русь дураков не любит, как ни верти.

План министру понравился. Начали осуществлять. Выискали уже офицеров, и тут выяснилось, что все киностудии ночью закрыты и «подсадки» нигде не взять...

И это на уровне правительства! На уровне Государственного Комитета по Чрезвычайному Положению...

Министр, узнав о ситуации, тихо матерился, попросил перезвонить и... исчез. Прочие члены ГКЧП отзывались, но, к величайшему моему изумлению, только по телефонам собственных дач...

По причинам, которые я здесь не могу изложить, в ту ночь я не имел возможности выехать из Ленинграда в Москву.

Я могу привести еще пять или шесть примеров подобной же глупости и бездарности — совершенно иден-

тичных бездарности Самсонова, - но, полагаю, что и этого довольно.

Мне трудно сейчас себя понять, но я по-прежнему люблю этих стариков-мечтателей, составлявших ядро ГКЧП. Поверьте, о слабости и непонятной бездарности всех их шагов я знаю очень много, больше, чем все вы вместе взятые, мои уважаемые читатели, равно как и о подоплеке, о подготовке ГКЧП в августе 1991 года.

Разумеется, я не могу рассказать даже десятой части - еще живы практически все, кому мой рассказ мог бы причинить вред непоправимый.

И, несмотря на все, я сохраняю, помимо человеческой, еще и некую политическую нежность к большинству членов ГКЧП. Я даже не говорю об Анатолии Ивановиче Лукьянове, который был, есть и будет для меня авторитетом во многих вопросах.

В истории России - когда все встанет на свои места и все будет оценено - они займут, несмотря на свои ошибки, очень почетное место, где-то рядом с декабристами, которые, решившись выступить, так же бездарно дали себя расстрелять и посадить, хотя их цели, устремления и идеалы диаметрально противоположны.

По счастью, я не президент, не так много от меня зависит, и я могу позволить себе роскошь восхищаться людьми, ошибки которых стоили так дорого моей Родине, моим близким, да и мне самому.

Девятнадцатого августа 1991 года Советская Армия торжественно, с развернутыми знаменами начала свой путь к огромной выгребной яме. Следом за ней и по ее вине - ибо Армия обязалась защищать государство и вести его в тяжелую минуту в ту же выгребную яму, —
^в колыхающиеся бездны дерьма весело устремилась Россия.

ИНТЕРВЬЮ В.А.КРЮЧКОВА А.Г.НЕВЗОРОВУ

А.Г.Невзоров: От нашей разведки практически ничего не осталось, а может, утешать себя мыслью об успехах их разведки?

В.А.Крючков: По оценке западных спецслужб, советская разведка была лучшей в мире, если не лучшей, то одной из лучших. Малыми средствами делали много. В чем это выражалось? Это выражалось в прибыли в миллиарды долларов и рублей, которые мы давали нашей стране. Много делали для обеспечения безопасности государства. Сколько она стоит? Столько, сколько надо. Мы знали, что делается в мире, и я думаю, что наше руководство получало достоверную информацию. Пришел Бакатин в 1991 г., пришел с единственной целью, чтобы все разрушить, он и не скрывает этого, говорит: — «Я пришел с единственной целью, чтобы все разрушить».

А.Г.Невзоров: Министерство безопасности — разведку?

В.А.Крючков: И разведку в том числе. Совершенно верно.

Даже в печати можно найти сообщения относительно сокращения численности нашей разведки, хотя ни одна спецслужба без разведки обойтись не может.

А.Г.Невзоров: А что за фигура Примаков?

В.А.Крючков: Примакова я знал несколько лет, никаких личных контактов у нас с ним не было, он никогда не был разведчиком, и, честно говоря, когда я подумал о том, чтобы уйти на заслуженный отдых и даже ушел с поста начальника разведки, я просматривал несколько претендентов на должность, среди которых фигуры Примакова никогда не было.

А.Г.Невзоров: Меня интересует справедливость или несправедливость в оценке Примакова, как фигуры, ориентированной на окончательную ликвидацию разведки Советского Союза.

В.А.Крючков: Здесь я хотел бы остановиться на одном моменте. Агенты влияния, я думаю, это, в общем, такое ценное, емкое выражение, и, к сожалению, оно принадлежит не мне. Автор — Андропов, еще в 1977 г. он писал по этому поводу. Я считаю, что это емкое и интересное выражение, к сожалению, некоторые тшятся доказать, что это чепуха, будто агентов влияния нет. Это неправда. Все государства имеют агентов влияния в других странах, всех профессий, во всяком случае из наиболее значительных. Они пытаются решать проблемы через таких людей, с помощью каких-то таких организаций и отрешиваться от этого бессмысленно. Я не могу сказать, сколько процентов было таких агентов влияния, потому что процент — это нечто абстрактное, не все можно на проценты пересчитать. Дело в том, что люди меняются, и сегодня занимают одну позицию, завтра другую, и

трудно сказать, до какого беспредела и низости могут доходить отдельные лица. В связи с этим я хотел бы остановиться вот на чем. Я думаю, что для нашего общества характерно одно явление, которое можно назвать эффектом старосты. Во время войны немцы делали на это большую ставку, им это удавалось, они полагались на так называемых старост — в деревнях, поселках каких-то, еще где-то — и находилось немало людей, которые шли им в услужение. Они не только перекрашивались, они переделявались, чтобы показать немцам, что они служат реально новой немецкой власти, и такие старосты приносили неисчислимые беды, это те, которые убивали, грабили, правда, среди них были и те, кто сознательно работал именно против советской власти. Но таких было мало. И вот сейчас многие тоже пытаются перекраситься. Раньше они были на позициях, когда без партии и дня не могли прожить, когда на каждом углу кричали «Да здравствует Советская власть» и т.д., хвалили общественный строй, а сейчас они не только перекрасились, они и переделались, для того, чтобы показать, что они верно служат тем, кто стоит на противоположных позициях.

Я думаю, что этот эффект старост получил какое-то распространение в нашей действительности. И я отношу этот эффект к одному из вреднейших явлений. Есть у нас такие старосты — причем на самых различных постах: и малых, и больших.

А.Г.Невзоров: Я за последнее время почерк разведывательной службы узнал только один раз. Может быть, я, конечно, ошибся. Наверняка, вы мне не ответите, но я думаю, что хорошо меня поймете. Одно очень высокопоставленное лицо государства решило передать черный ящик от известного корейского авиалайнера правительству Кореи. Вручило необыкновенно торжественно, все это было залито шампанским

и посыпано цветами. Когда страна, которой вручали, вскрыла «презент», оказалось, что там ничего нет. [Jo почерку мне это напоминает некие службы и их работу. Как вам? •

В.А.Крючков: Вы знаете, вы вкладываете какой-то свой смысл во все это, но должен сказать, что не думаю, что с ними сыграли злую шутку те, что ему передали этот ящик. Это - лицо другое,

А.М.Невзоров: А кассетка-то исчезла гораздо позже.

В.А.Крючков: Возможно, возможно. Вы знаете, трудно сказать, а может там вообще этой кассеты не было. Я думаю, что разведка не должна проводить игр на таком высоком уровне, это не входит в обычные правила. Есть такой уровень, выше которого разведка не поднимается.

А.Г.Невзоров: Но там же есть компания из нескольких молодых полковников, для которых характерно устраивать вот такие вот фокусы на хорошем высоком уровне, как для десантников характерно заламывали? береты?

В.А.Крючков: Трудно мне ответить на этот вопрос, тем более что в то время я находился в Матросской тишине.

А.Г.Невзоров: Действительно, но я ведь спрашиваю про так называемый дух, хотя, может быть, лучше не углубляться в эту тему. А по поводу «Боинга», в связи с которым было столько дискуссий? Вы ведь наверняка были в курсе, что это был за самолет на самом деле?

В.А.Крючков: Вы знаете, одно ясно было, когда разбирались все соответствующие документы — они тогда были опубликованы. Он сбился с курса, и, думаю, не случайно, грубо нарушил границы нашего воздушного пространства, и это тоже было не случайно. И то, что **наш** летчик его принял за военный само-

лет, я думаю, в этом сомнений тоже никаких нет. Конечно, обернулось это для пассажиров страшной трагедией, погибло несколько сот человек, мирных людей. Надо было придержать, этот тоже верно, но когда речь идет о вине, об ответственности — это уже другая сторона. Отвечать должны были те, кто допустил такое положение... Еще одно хочу сказать. Я немного знаю ЦРУ, американцев и знаю, что пройдет еще какое-то время и правда всплывет неприятностью для них.

А.Г.Невзоров: Владимир Александрович! Похоже, что все, что вы говорили и на закрытых заседаниях, и открыто, и в других ситуациях, все, увы, сбылось...

В.А.Крючков: К сожалению, да.

А.Г.Невзоров: К сожалению, да...

В.А.Крючков: И с большим перебором.

А.Г.Невзоров: И с большим перебором по последствиям и по печали после этих последствий. Вы очень аккуратны и очень осторожны, предельно осторожны, не допускаете ни одного лишнего слова. Вы и для меня, и для всех остаетесь главным хранителем тайн и секретов этого государства, человеком, который посвящен в то, во что практически, и как-то предполагать сложно, может быть посвящен человек.

Я знаю, что вы занимались анализом разведывательных документов по долгу службы, анализом резидентурных донесений о том, что нас ждет в ближайшем будущем, если Россия будет идти тем же губительным путем, каким идет сейчас? Что это будет? Оккупация? Война? Что?

В.А.Крючков: Вы знаете, частично я затрагивал эту тему в своем выступлении на, опять-таки, закрытом заседании Верховного Совета СССР, и кое-что еще не реализовано, но не дай Бог, если оно будет реализовано. Я помню, месяцев за 8 до августовских событий, у меня была встреча с бывшим президентом США

Никсоном, и тогда я решил задать ему один вопрос, что, судя по сообщениям даже печати в США, там считают, что Советский Союз должен находиться в пределах границ, существовавших до 1933 года, то есть когда были установлены дипломатические отношения с Америкой и Советским Союзом. Он сказал, что впервые об этом слышит, один из советников, который сопровождал его, подтвердил это, сказал: да, такие сообщения есть, но это совершенно не значит, что это официальная точка зрения. Лукавили тогда американцы. Это один из пунктов их плана в отношении Советского Союза и, кстати, он уже реализован с лихвой, уже все мы откатились на 300 лет назад по территории. Дальше рот США интересуется наша Якутия, наша Сибирь и даже вынашивались планы относительно того, чтобы попытаться решить это как-то «методом Аляски» — то есть продать-купить.

А.Г.Невзоров: Да, кое-что им удалось сделать. 50 км шельфа, которые мы отдали американцам — это бесплатно было сделано. Это же огромные возможности, богатый район. И сейчас уже трудно будет вернуть его, хотя иногда не поздно попытаться исправить ошибку...

В.А.Крючков: Силой...

А.Г.Невзоров: Сила — это такая категория, к которой надо прибегать после всестороннего обдумывания всех обстоятельств?

В.А.Крючков: ...Еще мое выступление в июне 91-го года относительно того, что США то ли сами, то ли через НАТО, то ли через ООН могут пытаться вводить свои войска на отдельные территории Советского Союза. Уже были такие попытки, более того, они не встречали какого-то противодействия с нашей стороны. Более того, наших не смущает присутствие голубых беретов в местах конфронтации, в местах, где идет

гражданская война. Это значит — Молдавия, Кавказ, Средняя Азия.

А.Г.Невзоров: А в России?

В.А.Крючков: И в России это тоже может быть, я этого не исключаю. Так что, знаете, надо иметь в виду и эту страну. Ведь посмотрите, как они реализуют то, что задумали.

Когда-то был могучий Советский Союз. Я уверен, что он и будет, другое дело, как он будет воссоздан или возрожден — это другая сторона дела. Нас было 300 млн., сейчас осталось 150 млн. Это был спаянный механизм, где все были друг с другом переплетены, все республики, регионы. Сейчас этого уже нет. Мы напоминаем страну, из боков которой торчат кости, сломанные кости. Мы же, Россия нынешняя, не страна, а лишь кусок бывшей державы. И ни Россия без остальной части Советского Союза не проживет, ни та часть не проживет без России. Часто говорили, что Россия была опорой Советского Союза — согласен, но ведь и тот, другой регион, тоже был опорой нашей России. И мы не оправимся в одиночку от той экономической беды, в которую свалились, ни за что не оправимся.

Раньше говорили, что мы были для Запада сырьевым придатком. Не были, а становимся. Мы продавали сырье по приличным ценам, а получали валюту, а за нее то, что нам было нужно. А вот сейчас мы действительно становимся сырьевым придатком некоторых западных стран. Это — страшное дело.

Некоторые полагают, что США будут нам помогать. Чепуха! Во-первых, они не обязаны этого делать. Никто нам не обязан ничего давать, никто, мы должны сами себя выручать. И они этого никогда не будут делать. И есть еще одна вещь, о которой я хочу сказать, и на которую может ополчиться наша пресса. Дело в том, что, объективно, интересы у США и Рос-

сии, Советского Союза полностью не совпадают, они даже противоречат друг другу. Мы получали за счет нашего сотрудничества с Югославией огромные деньги, это было выгодно — и Югославии и нам. Теперь этого нет. Мы получали огромные деньги на Ближнем Востоке, сейчас этого нет. Это было выгодно и тем, и другим. А США теперь обеспечили себе источники энергии, в частности нефть Ближнего Востока, на многие десятки лет. Я читал интересную статью буржуазного экономиста, он полагает, что, где-то до 2050 года США себе обеспечили поставки топлива.

Наши политологи говорят, что мы должны учитывать интересы западных стран на Ближнем Востоке и считаться с ними. Ну, хорону, почему же с нашими интересами не считаются? Сейчас в мире приобрести новый источник поступления сырья или рынок сбыта товара очень трудно, это требует огромных денег. А мы сейчас все разрушаем.

А.Г.Невзоров: Я, честно говоря, пока не услышал ответа, что все-таки нас ждет и насколько возможна оккупация страны?

В.А.Крючков: Я думаю, что если положение нашей страны в ближайшее время не будет радикально исправлено, то нас ждет то, о чем я говорил на закрытом совещании, о чем пишет наша пресса, то, о чем я уже сказал, т.е. дальнейший распад уже самой нашей России. Кстати, он уже начался и никто этого не замечает. Это национальные образования. Но у нас есть и региональные образования, вопрос стоит о их суверенизации, о их самостоятельности в той линии, в которой это непозволительно для такого государства, каким было наше. Я думаю, что и в связи с этим кто-то не исключает возможности появления голубых беретов в районах наших будущих конфликтов.

Л.Г.Невзоров: Вы так много времени провели в тюрьме и так много потеряно в том августе 91-го. За

что вы себя корите сильнее всего? Чего вы себе не прощаете? Чем вы мучаетесь? О чем больше всего думаете и в чем упрекаете себя? В чем?

В.А.Крючков: До декабря 91-го года я бы на этот вопрос ответить затруднился. Мне было бы трудно это сделать. А после я уже точно знал ответ на этот вопрос. Я себя корю в том, что в Горбачеве разобрался только через 2 года совместной работы.

А.Г.Невзоров: Кто же он? Предатель?

В.А.Крючков: Да. И я должен был понять это раньше. Второе, я должен был громко говорить о том, что ожидает нашу страну, зная больше других... Я же получал информацию из самых святых мест, оттуда, из того мира, и уже было видно, что там думают, о чем говорят. Это была точная информация, благодаря силе нашей разведки, мужеству наших ребят, имена которых когда-то станут известны, и их с гордостью будут называть, хотя, может быть, после их смерти. Но сейчас всего можно ожидать, сейчас публикуют буквально все. Поэтому могут подвергнуть их опасности, как и их помощников.

Мне нужно было громко обо всем этом говорить. Выходить на трибуны, выходить на газеты. Я мог бы даже уйти в отставку и с позиции пенсионера об этом трубить, потому что предстоящий развал Союза был очевиден. В первом обвинении, которое мне предъявили, было заявлено, что мы якобы считали, будто есть угроза развала Советского Союза — это было в сентябре 91-го — что якобы мы предрекали крах нашей экономической системы.

А.Г.Невзоров: А за излишнюю мягкость вы не корите себя? Ведь вы же могли...

В.А.Крючков: Я хочу сказать следующее... Почему мы остановились, почему не предприняли решительных действий в 91-м году? Александр Глебович! В наши расчеты не входило кровопролитие. И когда

мы увидели, что противоположная сторона готова пойти на это, мы остановились. Те же три погибших парня — мне их жалко.

А.Г.Невзоров: Хулиганье...

В.А.Крючков: Их же бросили на танки. Не мы их убили. А сейчас прошел год с небольшим — столько вокруг идет войн, столько в них погибших... Несколько миллионов беженцев... Вот во что все это вылилось, вот чем обернулась та трагедия.

А.Е.Невзоров: Владимир Александрович! Такой один из самых прямых вопросов... Думаю, что вы на него напрямую № ответите, а может, и ответите. Горбачев Михаил Сергеевич занял пост генерального секретаря, а позже президента нашей страны, уже будучи предателем или стал таковым после того, как занял эти посты? Когда случилось предательство?

В.А.Крючков: Я думаю, что мы говорим о предательстве не в юридическом, не в правовом звучании этого слова, но имеем в виду корневое, глубинное его значение... Я думаю, что в потенциале у этого человека все было заложено раньше.

У.А.Г. Невзоров: Это не ответ, Владимир Александрович. Вы знаете настоящий ответ.

В.А.Крючков: И Вы знаете.

А.Г.Невзоров: Когда его вербовали?

В.А.Крючков: У этого человека очень хорошие артистические способности, вы их недооцениваете, очень хорошие. Я работал с Андроповым 29 лет, и Андропов мне ни разу не соврал. Он мог чего-то не сказать, что-то скрыть — это другой вопрос. Но он ни разу не соврал за 29 лет. Ни разу. Не **было** такого случая, чтобы он сказал мне какую-то неправду. А вы знаете, это первое качество, которое я узрел у Горбачева, когда стал председателем **комитета**.

А.Г.Невзоров: То есть лживость.

В.А.Крючков: Я сперва даже не поверил себе... Это все легко проверяется, даже если это какая-то вроде бы невинная шутка, но неправдивая. Но я думаю и как ответить на ваш вопрос. Или ответ на него — для ближайшего будущего, потребует времени, выдержки и основательности. Во всяком случае, то, что случилось с нашей страной, я думаю, дает основания каждому советскому человеку задавать такой вопрос.

А.Г.Невзоров: Вас упрекают в депрессе и всюду где можно, как бы забывая про то, что это творится во всех государствах, что это одна из основных обязанностей служб безопасности, в прослушивании каких-то телефонных разговоров каких-то народных депутатов. Ай-яй-яй! Прослушивали и вообще всякое безобразие!

Было?

В.А.Крючков: Было, совершенно верно, было.

Более того, это одно из эффективных средств оперативной деятельности органов безопасности и спецслужб в других странах. А что касается определенных органов для слежения за ними людей, у нас не было ни одного случая, чтобы в данном случае мы пошли на нарушение и сделали это без указания Горбачева.

А.Г.Невзоров: Все было по сути его инициативой?

В.А.Крючков: Это была его инициатива. Были соответствующие указания, и он все это прекрасно знал. Но что касается масштаба этих действий, то надо сказать, объективности ради, что они страшно преувеличены, невероятно преувеличены. Представьте себе, что мы занимаемся одной мафиозной группой, которая совершает серьезные преступления, и вдруг в поле нашего зрения попадает лицо, в отношении которого мы, оказывается, не можем производить различных мероприятий. Конечно, оперативный работник теряется: «Боже мой! Кто там! Чье имя зазвучало!» Он

докладывает мне, я докладываю дальше. Мне представляется, что в данном вопросе наше законодательство должно быть соответствующим сложившейся в стране ситуации. Почему один должен пользоваться индульгенцией, а другой нет? Все равны перед законом.

А.Г.Невзоров: Мне представляется очень достойной фигура нынешнего главы КГБ Баранникова. Каково ваше мнение? Ведь фактически он повторил совсем недавно ваши слова. Почти слово в слово.

В.А.Крючков: А у него не было другого выхода, либо он должен был это заявить, либо кто-то сделал бы это за него. Потому что я уверен: он видит жуткую картину в нашей стране. До этого он контролировал каналы внешние, которые идут на Советский Союз с Запада, и он не может по-другому сказать. Я думаю, что это был поступок со стороны Российской Безопасности.

А.Г.Невзоров: Владимир Александрович, Вы, видимо, знаете, и, как компетентный человек, сможете ответить. Предположим, если все-таки случится восстание, если не выдержит народ, если будущее России и ужас этой ее судьбы станут понятны всем, если окончательно прояснятся методы и способы этой власти - я спрашиваю у вас как у председателя КГБ - как станут давить на этих людей, какие есть возможности уничтожить этих людей? Какие есть способы подавить это восстание?

В.А.Крючков: Вы говорите «если бы», но в таком же плане должен ответить и я. Считаю, что гражданская война в общесоветском масштабе — самый крайний вариант, самый тяжелый... Мне кажется, что нынешним властям остается одно - шельмовать, давить, «влиять». Потому что народ почти прозрел.

А.Г.Невзоров: И все-таки, есть же какие-то секретные, полусекретные, засекреченные методы воздействия на ситуацию?

В.А.Крючков: ...Способные отравить? Огромные массы людей? Я уверен, не было и нет, тем более сейчас. Не думаю, что органы безопасности, президент, армия, способны пойти против своего народа.

А.Г.Невзоров: А с точки зрения вашего ведомства'?

В.А.Крючков: Я думаю, здесь имеет место преувеличение наших возможностей.

А.Г.Невзоров: Психотропное оружие и прочее?..

В.А.Крючков: Я не думаю, чтобы можно было серьезно говорить об этом.

А.Г.Невзоров: То есть это полный бред, то есть никаких особо мерзких сюрпризов нет, и даже в стенах вашего ведомства - нет. То есть все по-старинке.

В.А.Крючков: Нет, не по-старинке, у нас многое сделано по наведению порядка, добились очень хороших законов в органах госбезопасности.

А.Г.Невзоров: Я спрашиваю о «штучках», а не о законах.

В.А.Крючков: Нет, эти «штучки» не должны применяться, хотя и оперативная деятельность имеет много сильных сторон, потому что она часто проводится негласно, без использования технических средств. У нас хорошо был поставлен анализ, не знаю, как сейчас. Он не был безупречен, не был идеален, но все-таки анализ у нас — был. Мы объединяли закрытую и открытую информацию по стране и ту, которая приходила к нам с той стороны.

А.Г.Невзоров: Хочу подвести черту: то есть сил и средств, которые были в вашу эпоху, неостало бы, чтобы подавить восстание, если оно будет всенародным.

В.А.Крючков: Конечно, нет.

А.Г.Невзоров: Владимир Александрович! Возьмем самый болезненный период для нашего государства - январь 91-го года. Прибалтика. До многих так до сих пор и не дошло, что же там все-таки случилось и отчего. До сих пор под воздействием различных газет, газетенки, всей этой бульварщины... живо мнение, что мы вторглись в этот Вильнюс на своих танках. Почему правительство было до такой степени вяло и бессильно в тот момент, почему было так напугано, что даже еще решилось в тот момент что-то объяснить и никто, наверно, до сих пор не знает, какие серьезные агентурные, разведывательные данные были о том, что готовилась там, и как происходила дискриминация всего многоязычного, не литовского населения. Что вы можете рассказать об этом?

В.А.Крючков: Прежде чем начать наш разговор, я хотел бы, пользуясь тем, что даю вам первое интервью, поздравить «600 секунд», сказать несколько слов большой благодарности этой программе за то, что, во-первых, вы есть, а также за то, что вы занимаете принципиальные патриотические позиции, за то, что вы не боитесь слово правды. Я понимаю, что вам это дорого обходится, вы там, где наиболее сложно, где остро, где решается судьба нашего народа. Вы, наверно, даже не представляете, что значит такая ваша деятельность, ваша неутомимая работа для тех, кто стоит на одной линии фронта с вами. Если говорить об узниках Матросской тишины, в частности обо мне, то скажу, что вы были источником, который питал меня, поддерживал, вдохновлял, и без вас мне было бы просто трудно. Дожили бы, наверно, но было бы очень трудно. Поэтому я хотел бы, Александр Глебович, обратиться с большой благодарностью к вам, вашим товарищам, коллегам за одержимость в положительном смысле этого слова, за ваш глубокий патриотизм. Я думаю, что вы вписали немало ярких страниц в историю на-

шего государства и останетесь в доброй памяти наших людей. Я с удовольствием решил встретиться с вами, для того чтобы лично выразить вам нашу благодарность. Поверьте, что для меня наша встреча — событие в жизни.

А.Г.Невзоров: Владимир Александрович! Я задал вопрос по поводу Литвы, потому что это действительно меня беспокоит. Мне хотелось бы, чтобы люди, хоть и прошло много времени, наконец поняли, зачем мы все это сделали, кого мы защищали, проняли, что ставили мы своей целью только - защитить, а не — напасть, не - унизить.

В.А.Крючков: Понимаю... Во-первых, на самом деле к январю 1991 года наша центральная власть, наше правительство были действительно вялыми в своей политике, в своей деятельности, слишком спокойно взирали на то, как готовится развал нашей страны. Мер по предупреждению всех негативов, что потом случились, не предпринимали. Если говорить о Прибалтике, то там начал одерживать верх национализм, я глубоко убежден в этом и последующие события это подтвердили. Там начали твориться беззакония, открытые преследования всего иноязычного населения, и не только его, а и своего, коренного. Надо иметь в виду и такое обстоятельство, немаловажное на мой взгляд: в Литве Ландсбергис пришел к власти благодаря 28% избирателей. Таким образом, 72% избирателей ничего по поводу его кандидатуры не сказали. К тому времени уже открыто преследовались все прогрессивные организации, учреждения, люди. И, конечно, в этих условиях нужно было бы вводить там соответствующий порядок, но, к сожалению, произошло нечто невообразимое, необъяснимое. Это потом стало ясно, что определенные силы и в Литве, Латвии, Эстонии, и в Москве действовали в едином потоке по разрушению нашей страны.

В январе 1991 года была попытка остановить негативный процесс, и она, в общем-то, увенчалась бы окончательным успехом, если бы, конечно, не предательство, которое мы наблюдали здесь, в Москве. Я думаю, что история с Литвой лишней раз подтверждает, в какую пропасть мы упали — не в силу каких-то объективных обстоятельств, а в силу субъективных факторов.

А.Г.Невзоров: Я перебыю вас, потому что удивлен чрезвычайно, и своими глазами видел секретные сводки управления «Z», касающиеся Литвы января 1991 года. Там черным по белому было сказано, буквально кричалось в этих сводках о том, кого из русских собираются уничтожить, как собираются устраивать концентрационные лагеря... Почему вы тогда не сделали эти секретные сводки достоянием гласности? Может быть, кто-то бы Прозрел, кто-то понял, что нас ждет?

В.А.Крючков: Я с вами согласен, что в наших действиях наступательности не было, наша пропаганда была вялой, мы часто оборонялись, часто оправдывались, хотя надо было действовать совершенно в другом ключе. Вы правы совершенно. Но опять-таки хочу указать на общий источник нашей беды. Он СОСТОИТ в том, что определенные силы здесь, в Москве, видимо, имели другие планы. Их интересам отвечало отделение этих республик от Советского Союза, в их интересы входило, чтобы к власти пришли те, кто были против наших и, как я глубоко уверен в этом, против исторических интересов литовского, латвийского и эстонского народов. Я действительно получал достоверные данные о том, что готовится расправа с иноязычным населением и не только с ним, это, кстати, было видно, когда удаляли со всех должностей, постов, позиций тех, кто хоть в чем-то отличался от команды Лансбергиса. Вы правы, нам нужно было тог-

да решительнее поднимать свой голос, но, к сожалению, мы наталкивались на стену непонимания и неподдержки этого. А что касается отдельных актов, провокаций — они имели место, были убийства, преследования, в частности, начался отток иноязычного населения из Литвы. Тут надо вспомнить и о том, что Литва до сорокового года была самым бедным в Прибалтике государством, а в последние годы Советской власти Литва стала самым богатым, самым развитым государством.

А.Г.Невзоров: В связи с тем, что все-таки удалось им эту свою мечту осуществить и отделиться и граница будет передвинута — во что нам это обойдется? Сколько денег это будет стоить?

В.А.Крючков: Знаете, есть несколько таких направлений, которые в силу тех или иных причин (потом скажу подробнее) дорого обойдутся нашему государству. Они обрекают нас на серьезные материальные, экономические лишения. Вы знаете, 70 лет мы оборудовали границы протяженностью 62000 км, они стоили по тем, настоящим, деньгам, для нашей Державы сотни миллиардов рублей. Может, даже никто и не вел подсчет их, а сейчас мы сами это все разрушаем, оставляем там здания, сооружения, казармы и должны будем создать новые десятки тысяч километров новой границы. Это по нынешним деньгам триллионы и триллионы рублей. Даже одно это обрекает наше государство на огромные материальные лишения и наносит невосполнимый ущерб. Я хотел привести еще один пример, ведь таких направлений не одно и не два, их десятки, и все они будут нас разделять, делать нищими. Мы имели прекрасные портовые сооружения в Прибалтике, на Черном море. Сейчас Россия лишается этого. И недаром был брошен клич, что Россия должна иметь свои могучие порты, значит, мы должны их построить. Но это так дорого, так дорого,

что вы себе даже представить не можете, это значит, что на десятки лет одним этим мы обрекаемся на огромные лишения. Я считаю, что это следствие не каких-то абстрактных, объективных факторов, а субъективных и действий таких людей, которые довели нашу страну до такого положения. К сожалению, можно этот перечень продолжить.

А.Г.Невзоров: Еще один вопрос. Было закрытое заседание сессии, где вы впрямую дали понять, что правительство наше и большая часть руководства страны - это по сути дела диверсанты, агенты влияния, люди,- поставившие своей целью разрушение страны, нищету, голод, ликвидацию опасного для Запада конкурента. Почему это было закрытое заседание, почему вы не говорили этого открыто?

В.А.Крючков: Ну, во-первых, к лету 1991 года для меня лично не осталось никаких сомнений относительно того, к чему мы идем, точнее, к чему направляют нашу страну. Я уже догадывался, а кое-что совершенно конкретно знал: кто ведет страну к такому положению и, поверьте, мне было очень тяжело сознавать, ч*б в их числе находился и бывший президент Горбачев, У меня было много с ним бесед, встреч, я имел соответствующую информацию и показывал ему, что вызывало у него одни ухмылки. И тогда — это было совершенно спонтанно — решено было выступить на сессии Верховного Совета СССР и сказать о том, что нас ожидает, какая страшная судьба у нас впереди. Возник вопрос: как эту правду сказать — в открытую или на закрытом совещании. Тут я вижу свою вину, мне нужно было возразить против закрытого заседания, надо было пойти и прилюдно все это сказать. А мы решили, и я согласился с этим, что первое сообщение надо сделать на закрытом заседании Верховного Совета СССР. Конечно, это была большая ошибка.

А.Г.Невзоров: Смотрите, с одной стороны колоссальная империя, колоссальная в своей мощи, сильная талантом народа, богатством лесов, золотом, углем, бог знает чем еще - всем. Огромная служба государственной безопасности, работающая честно, сильно и справляющаяся со всеми сложностями в стране. И, с другой стороны, на другой чаше весов — небольшая группа противников. И тем не менее они одерживают победу над вами, сажают вас в тюрьму, уничтожают страну, стирают ее границы, заставляют людей убивать друг друга в войнах, делают все безумно дорогим и уводят Россию к пропасти беспредельной. Как же Вы проиграли эту войну — Вы, председатель КГБ СССР В.Л.Крючков?

В.А.Крючков: Вы знаете, очень тяжело слышать эти слова, Александр Глебович, потому что проиграли не мы, проиграла страна, проиграл наш народ, народ бывшего Советского Союза. Я хотел бы возразить против одного слова — империя.

А.Г.Невзоров: Я имею в виду не конкретное политическое значение я имею в виду мощь страны, ее образ.

В.А.Крючков: Я так и понял.

А.Г.Невзоров: Нет, почему такое дикое несоответствие сил? Ведь по сути Россию уничтожили 10 или 15 агентов влияния и 30 или 40 продавшихся газетчиков, действовавших против всего Комитета Государственной Безопасности. Трудно объяснить логику развития всех этих событий. •

В.А.Крючков: Мне понятен этот вопрос. Причин тут, конечно, много. Во-первых, когда все уже совершилось и мы поняли, что потерпели поражение, меня обуревали сомнения: а правильно ли мы все рассчитали? правильно все сделали? не ошиблись ли? нет ли ошибки в лицах? Не разошлось ли наше понимание ситуации полностью с тем пониманием, которое

присутствует у здоровых сил общества? И я очень скоро убедился в том, что мы не ошиблись в оценке событий, мы правильно все просчитали, но, видимо, была допущена серьезная ошибка в оценке того, как надо действовать, как надо было себя вести. И второе: когда на посту президента такой державы, каким был Советский Союз, на посту такой партии, какой была КГФС, оказывается предатель, вы знаете, это совершенно необычная ситуация. А когда рядом с этими предателями оказываются еще предатели, это делает ситуацию совершенно уникальной, это требует неординарных действий, на которые мы, конечно, не пошли. Я думаю, это был один из очень серьезных просчетов.

Второе. Я часто думаю над тем: а созрел ли народ до понимания трагедии, которая произошла в августовские дни, и, в особенности, в последующем?

А.Г.Невзоров: Вы верите в самоубийство Пуго?

В.А.Крючков: Я не располагаю в достаточной степени материалами дела ГКЧП, чтобы ответить на этот вопрос со стопроцентной уверенностью. Здесь требуется и глубочайшая проверка...

А.Г.Невзоров: А что вам говорит Ваше сердце - сердце человека, неплохо знавшего Бориса Карловича?

В.А.Крючков: Я его знал отлично, это был замечательный латыш, я знал, что он болел за судьбу Латвии, он говорил, какая тяжелая судьба ждет латвийский народ, если только латышская республика отделится от Советского Союза. Он говорил, что будут преследовать не только русских, которых там больше половины, но и латышей, и какая-то кучка негодяев возьмет там власть и начнет творить там что-то невообразимое. Возможно, что он, предвидя такую трагедию, просто не выдержал.

А.Г.Невзоров: Всем уже известно благодаря публикации в «Советской России» о роли некоего Яковлева, прокурора, кто-то там петушился по ТВ, говоря что

вы почему-то отказались давать разъяснения по этому поводу... Насколько я вас знаю, вы человек очень осторожный и добровольно шею, хоть под заржавевший демократический топор, вы не подставите, т.е., значит, по Яковлеву, у вас есть еще что-то?

В.А.Крючков: Они хотели провести со "мною" неофициальную беседу, чтобы выяснить некоторые детали. От такой неофициальной беседы я отказался, потому что пока во главе прокуратуры стоят Степанков и Лесов, никаких неофициальных бесед быть не может. Это первое. Второе, по поводу той статьи в газете «Известия». У меня есть все основания не доверять Степанкову как человеку необъективному, он уже заранее предрекал, что Яковлев виновен, что, возможно, виновен Горбачев, это он дал указание на то, чтобы провести проверку, говорил, что вообще непонятно, что делал Крючков. Я думаю, что беспристрастной объективной позиции со стороны Степанкова в этой статье нет, как нет и в других его публикациях. Вчерашнее мое выступление еще раз подтвердило это. В том, что я написал, я уверен и, когда речь дойдет до проверки, я смогу предоставить соответствующие дополнительные материалы. И еще: когда будет судебный процесс, мы гласно будем говорить все, что знаем по этому и по другим поводам.

Хотел бы добавить, обращаясь к периоду до августа 1991 года, что разведка получала тогда интересную информацию, заслуживающую внимания — о том, что думают там, за океаном, в других западных столицах о нашем руководстве, о положении дел в нашей стране. Что проходило красной нитью — так это поддержка политики Горбачева, восхищение его деятельностью, полное совпадение его политики с интересами США и других западных стран. Ну очень высоко его чтили. Я думаю, что уже одно это явление должно было его настораживать, более того, должно было

заставить его как-то задуматься над тем, что происходит вокруг него, что творится в нашей стране. Но, к сожалению, это возымело последствия другого рода. Хотя, конечно, какие-то материалы я показывал и ему.

Январь
1992 года

«ВОТ ЕСЛИ БЫ Я БЫЛ ЛЕЧАЩИМ ВРАЧОМ ГОРБАЧЕВА...»

Это интервью - по-своему многострадальное. Сначала оно было заказано, подготовлено и опубликовано безобидной газетой телепрограмм «Семь дней». Правда, попутно и «скорректировано», проще говоря - изуродовано. Но и в таком виде вызвало гнев Егора Яковлева, тогдашнего главы Всесоюзной телерадиовещательной компании, который даже затребовал в духе прежних времен объяснительную, мол, как такое могло появиться... Ниже следует полный, без купюр, текст, опубликованный «Народной правдой».

- Александр Глебович/ Интересно, рассматривали ли вы себя на фестивале в Эдинбурге как, ну, своего рода посланца отсюда?

— Ну, я такой относительный посланец, потому что там было этих посланцев до одури. Там была даже

народная депутатка Старовойтова с сыном Платоном, которая аккредитовалась на телевизионном фестивале с формулировкой, что ее несколько раз показывали по телевизору и поэтому она в общем имеет какое-то отношение к телевизионной профессии. Помилуй бог, мы много кого показываем и в криминальной хронике тоже. И эти люди тоже так сказать «выступают» по телевизору, однако я не думаю, что это может служить основанием для аккредитации и получения суточных в фунтах...

- Александр Глебович, что все же случилось с «Секундами»?

- Ничего не случилось. Закрыли.

- А кто?

- Петров.

- Как это было?

- Нормально было. Вызывает меня Борис Михайлович Петров, председатель Комитета, четырежды снятый, четырежды восстановленный, совершенно непотопляемый, бесстыдный до беспредела человек и заявляет, что мы закрыты якобы из-за какого-то договора, который якобы не подписан. На самом деле существует Положение о телевизионном творческом объединении «600 секунд», которое Петров сам подписал в прошлом году 15 ноября. Но почему сейчас из-за сложностей, скажем так, в мозгу нашего забывчивого председателя мы должны быть закрыты, мне пока неясно. Но я думаю, что это уже вопрос для прокуратуры.

- То есть вы считаете незаконным это действие?

- Не я так считаю, это незаконно по факту.

- А почему же тогда он говорил на страницах печати о каком-то новом варианте договора и ссылался на то, что де меняются в целом порядки на Ленинградском, телевидении?

~ Это его личные трудности...

— Видимо, на сей счет у вас есть свои версии, в духе программы. Вы за этим видите...

— Вижу Егора Яковлева.

— Чье вступление в должность руководителя Всесоюзной телерадиовещательной компании удивительным образом совпало с вашим закрытием.

— Совершенно отчетливо вижу Егора Яковлева за ним и, естественно, тех, кто его ставил. Даже если они нас не хотели закрывать совсем, то, я думаю, им надо было вывести нас из игры на все это время, которое прошло после так называемого путча, потому что мы бы, конечно, им праздник испортили сильно. Это я говорю совершенно откровенно. Они ведь долго кричат и расшаркиваются про то, что они демократы и прочее, про то, что они необыкновенно плюралистичны и, однако, суперсерьезные события, суперхарактерные события этих дней ими абсолютно и окончательно упущены.

— Вы читали его интервью в «Московской правде» за 30 августа, где он утверждает, что «выступления Невзорова уже недопустимы для нашего общества, ибо плюрализм и фашистский переворот — вещи несовместимые»? Хотя, честно признаюсь, видимо Яковлев, сделавший себе имя на писании по заказу ЦК Ленина аны, видимо, внес гораздо больший вклад в коммунистическую идеологию, которая в конечном итоге к путчу и привела...

— Да, мне пересказывали... «Фашист», «пособник» и так далее, и так далее... И вообще — идеолог.

— Таким образом, вы считаете, что ваш «непотопляемый авианосец» Б.Петров просто подстраховался, закрывая программу, решив «потрафить» Анатолию Собчаку и заодно Егору Яковлеву?

— Какой он авианосец, Господь с вами? Он — резиновая прогулочная лодка с барышней и ребенком с сачком и с надписью «Аппаратчик» на борту.

- А не связано закрытие программы с вашей оценкой событий 19—21 августа? Ведь вы одним из первых утверждали в вечернем выпуске «Секунд» 20 августа, что это - инсценировка...

— Да, я думаю, что они поняли, что я пойду по этому пути дальше. И они знают, что оценивают меня люди по-разному, но прислушиваются достаточно сильно, и многие, поэтому праздник бы я власть имущим, конечно, подпортил и не остановился бы это сделать...

-* Так увидим мы все-таки «Секунды» или та передача 21 августа была последней?

— Я думаю, что не последняя, конечно, но когда это произойдет? Никому же ничего непонятно, там идут какие-то пляски всей этой нынешней новой кремлевской «колоды», которая стасована из старых карт, но просто немножко в новом порядке. Не Бакатин — Ельцин — Горбачев, а Ельцин — Горбачев — Бакатин. Вся разница. Но, видимо, когда они там «высидят» какое-нибудь решение, нас, наверное, выпустят...

- А почему вас обвиняют чуть ли не в поддержке ГКЧП?

^ — Нет, я не доктор. И, более того, никакими медицинскими познаниями практически не располагаю. Я не могу определить состояние здоровья Президента. Не могу я отсюда сказать, жив, здоров или что-нибудь другое с Президентом на Форосе, где он отдыхает и загорает. Мне вице-президент говорит: он болен. По конституции вице-президент имеет право заменить Президента на время его болезни. Поэтому Михаил Сергеевич мне не позвонил, как всегда, не доложил. Поэтому с точки зрения первых часов существования АКЧП и даже первого дня, пока не стала известна правда, что настоящий Президент бьется там на Форосе в неволе, стремясь вырваться, до этого деятельность ГКЧП по сути дела была совершенно конституционно оправданна в глазах народа и напрасно все

те, кто сейчас покрываются испариной страха по поводу того, что они в первый день поддержали ГКЧП, это делают. Все это в первый день большинством, скажем так, государственно и не очень государственно мыслящих людей было оценено юридически как Закон. Это сейчас там уже пишут... Посмотрите, чем занята Красная Армия. Они уже даже не распиливают танки, а все исключительно пишут друг на друга доносы. Военная прокуратура ими завалена. Она не в состоянии будет обработать их в течение десяти лет. Кто антисоветски улыбался... кто не антисоветски улыбался... кто позволил себе антиконституционную складочку на лбу, поглядывая на улицу... кто, наоборот, был весел... Вот что происходит. Напрасно беспокоятся люди. Никаких оснований для преследований нет. Мы — не доктора. Вот если бы я был лечащим врачом Горбачева, а мне бы Янаев сказал: «Знаете, ребята, Президент болен», я бы ему тогда ответил: «Не...а, врешь, парень, здоров наш Президент, а вы — заговорщики»... А так — извините...

- Получается, вы опять идете против течения, потому что все журналисты и ваши коллеги, так сказать, заявили о своей лояльности и тут же стали героями.

- Ничего они не заявили. Они — «пришипились». «Пришипились» в этот день, по крайней мере в самые шоковые первые шесть часов, со страшной силой «пришипились». Никаких массовых журналистских подвигов я, клянусь вам, совершенно не наблюдал. Потом, когда уже стало понятно, что это инсценировка с неизбежным плохим концом... запрограммированным, тогда уже все поняли, что возможно тут стать как бы даже и героями.

- Ваша оценка событий 19-21 августа и их последствий для России?

- Да что моя оценка... Оценят учебники... оценит история... Понятно, что мы снова — Древняя Русь, одинокое племя, потерявшее все, что было накоплено за тысячу лет и понятно, что мы, благодаря этому перевороту, имеем в стране торжествующую идеологию, ту самую, что уже привела страну к гибели. Но теперь эта идеология считается главной национальной, государственной и культурной ценностью. И восставать против нее нельзя. Вот и все. Что тут еще объяснять?

- Ну, допустим, «Секунды» опять будут жить на экране, как вы будете один выходить в эфир?

- Нормально буду один выходить в эфир, поскольку других выходов просто нет.

- А вы не боитесь конкуренции? Сейчас появилось много независимых, хотя бы даже по названиям, телекомпаний. Ведь вы раньше были действительно своего рода информационной империей?..

- И были, и останемся империей в смысле разветвленности агентурной сети и всего прочего. Никто нас не предал из наших как явных, так и тайных работников.

- А ваши конкуренты? Набирает обороты молодое российское телевидение, да и другие.

- А вы знаете, я их не смотрю. Не смотрю, потому что меня это по сути дела не интересует.

- Откуда же вы новости узнаете?

- Новости я узнаю исключительно из своих собственных источников. И это проверенные новости, а не прошедшие, скажем помягче, какой-то, из журналистских желудков.

- А вот как вы отнеслись к тому, что Юрий Ростов в «Вестях» выступил по российскому каналу как бы в защиту программы «600 секунд», но при этом заметил, что вы всегда казались ему провинциалом...

~ Это нормальный московский комплекс. Известно, что они все вообще из провинции, у них нынеш-

ний статус без году неделя, поэтому они страшно беспокоятся, что все позабудут, что они столица. Но мы то с вами знаем, какой город является основным в этой стране — Санкт-Петербург. Поэтому когда какие-то лимитчики, да и к тому же, простите меня, из какой-то Москвы, мне говорят про мою провинциальность, это свидетельствует прежде всего о том, что они являются собой на самом деле. Я, между прочим, никогда ни о ком из них, из этих журналистов, ничего не говорил. Я их просто не знаю. Да и знать не хочу.

— *Недавно в демократической печати, с подачи неких М.Шабалина и Ю.Шмидта из ленсоветовского «Невского времени» прокатилась серия публикаций о вас в том смысле, что у вас, простите, «крыша поехала».*

— Замечательно. В принципе я обрадовался этой ситуации. Как говаривал Карнеги, «мертвую собаку не бьют».

— *Кстати говоря, мне довелось услышать такую версию, что вы сами якобы заплатили за эти публикации Шабалину, чтобы поддержать ослабевший интерес публики. Хотя вы человек умный и вряд ли бы стали добровольно записываться в сумасшедшие даже ради того, чтобы оказаться в одном ряду с Чаадаевым.*

— Эту версию я ни подтверждать, ни отрицать не буду. Хотя такое слышал. Я за силовую игру и за силовые приемы. Я считаю, что они поступили правильно, накопили на меня якобы какой-то компромат 16-летней давности, что у меня якобы в призывном возрасте характер был какой-то сильный. И был, и есть сильный. Но теперь я тоже буду пускать в ход компромат медицинского характера. И пусть теперь мне кто-нибудь попробует сказать, что я не имею права этого делать. Я имею и полное моральное, и полное человеческое право. В этом смысле у меня руки совершенно развязаны.

- А чем вы так могли смутить в 1975 году призывную комиссию?

— Да я им стал что-то про Достоевского и Булгакова рассказывать. Они, естественно, сильно удивились.

- Да, такое там не принято... Меня тоже, кстати, «разбирали» в Университете в том же году за найденные в тетрадке по английскому стихи Гумилева и Бродского... Ваша поездка в Эдинбург на международный фестиваль телепрограмм сразу после событий была краткой, но вызвала невероятное количество слухов. И в Шотландии вы якобы остались, опасаясь репрессий и ареста, и обручились с какой-то загадочной графиней, и вообще остались на Западе, получив выгодный контракт и, наконец, собственную студию. Вы можете все это прокомментировать?

— Особенно выгодных контрактов не бывает, для меня — тем более. Я работаю совершенно не за деньги, и существую за счет довольно скромного образа жизни, у меня нет ни автомобиля, ни дачи, меня это все очень мало беспокоит. Поэтому купить-то меня сложно. Предложений много, но это, так сказать, предложения все равно что от хозяина — батраку. А здесь я все-таки сам себе хозяин. Поэтому продаваться не буду. Что касается графини, то это моя личная жизнь... Если вас она интересует, обратитесь к журналистам «Невского времени», они про мою личную жизнь знают гораздо больше, чем я сам. Слухи о том, что я вел с муниципалитетом Эдинбурга переговоры о переводе туда рижского ОМОНа, это тоже, мягко говоря, преувеличение, хотя на страницах прессы я видел уже и эту версию тоже.

- А вы не боитесь упреков в том, что вы вот поехали в Эдинбург, а другие журналисты оставались на баррикадах, продолжали защищать демократию, Белый дом и Маршинский дворец?

~ Ну, во-первых, совершенно мне нечего было защищать в Белом доме. И не от кого. Я совершенно

точно знал, что войска ни на кого нападать не собираются. И поэтому кого-то защищать, честно говоря, не представлялось необходимостью. Во-вторых, у меня несколько другая профессия, нежели заниматься какими-то непонятными делами на баррикадах. Хотя а с искренним уважением отношусь ко всем тем, у кого в этот момент не нашлось другого занятия. Это — прекрасные люди, я не сомневаюсь. У меня вообще другое дело в жизни. Имею профессию репортера. Поэтому на те баррикады не пошел.

— *Но вы же, насколько мне известно, снимали на баррикадах.*

— Да, снимал, как и все, но могу сказать, что ничего особенного там было не снять, особенно здесь, в Питере, когда очень смешно нагнеталась истерика, что, вот, идут танки... идут танки... Никакие танки никуда идти не собирались, что самое интересное. И когда уже потом, ночью, в тяжелом вооружении (это и бронежилеты, и каски, и пулеметы) поднят был по команде ленинградский ОМОН, чтобы от кого-то непонятного защищать Ленсовет, я понял, что, да, дело интересное и что истерия обороны достигла почти рекордного уровня... Когда у нас была реальная, значительно более реальная ситуация в Литве, в Полицейской Академии (с какой яростью, помню, там толпились какие-то кино-режиссеры, малоизвестные, но крикливые, придумывая что-то про инсценировку), то на тех подлинных баррикадах я готов был по сути дела и сражаться, и умереть, потому что я понимал, за что. А здесь — за что? Зачем я пойду на эти баррикады? Чтобы защищать политику и идеологию, которая уничтожила мою страну? Да никогда в жизни. Я не кооператор, у меня нет своего дела, которое указом ГКЧП было бы поставлено под удар. Я не издатель порножурнала и не владелец какой-нибудь видеолавочки. А защищать чуждую мне политику и чуждую мне идеологию, да, помилуй Бог, вы никогда

ОИ от кого этого не добьетесь. Вы можете себе представить Савонаролу, к примеру, известного деятеля римской католической церкви, который сражался бы на стороне буддистов за сохранение в чистоте, скажем так, буддийской веры? Вряд ли...

- Вы и сейчас не откажетесь от слова «Наши»?

- Нет, ни в коем случае. Не только не отказываюсь, но только что направил в прессу обращение «К нашим». Брать и печатать боятся. Но если в народе какая-то¹ сила и какая-то отвага осталась, это напечатают. И не из соображений плюрализма. Но я на эту тему говорить не перестану никогда.

- Б.Петров в своем интервью в газете «Смена» утверждает, что общество найме изменится и передача «600 секунд» умрет, так сказать, естественным образом, за ненадобностью.

У Останкино. 2.11.1991 г.

— Конечно, конечно, мы все когда-нибудь будем жить в роскошной стране солнца, нас с вами уже не будет, а общество изменится начисто, там исчезнут преступления, там не будет кооператоров, там не будет ни коммунистов, ни демократов. Там вообще ничего не будет, там будут сплошные «ангелы во плоти», которые на хороших таких, крупных, перистых облаках будут играть на кифарах. Там мне действительно категорически будет не место...

Программа «600 секунд» вскоре под давлением общественности была открыта.

Обращение «К нашим», опубликованное газетой «День», открывает эту книгу.

«

УБЕЖДЕННЫЙ ГЭКАЧЕПИСТ

Беседа заместителя главного редактора газеты «День» Владимира Бондаренко с шеф-редактором «600 секунд» Александром Невзоровым.

Декабрь 1992 года.

У

В.Бондаренко: Съезд народных депутатов, которого ожидали, начался, но реального ощущения почти у всех, насколько я понимаю даже противников, что съезд даст кому-то что-то, нет. Что вы думаете о парламентской системе в России вообще?

А.Невзоров: Ничего хорошего не думаю. Что касается парламентской системы, то она показала, чего она стоит, 19, 20, 21 августа 1991 года. Как убежденный гэкачепист, сторонник именно того, тогдашнего ГКЧП, который мог бы сохранить страну» я считаю, что эти дни были тем самым супер-пробным камнем для всех людей. Парламент — не исключение; по крайней мере уважительных при-

чин, почему к ним счет надо предъявлять более строгий, чем ко всем остальным, я тоже не вижу. Что касается ожидания съезда, я этого съезда не ждал и даже не знаю, что он уже начался, поскольку, по моему, самое страшное в стране уже произошло. Полностью исчезло ощущение политической борьбы, потому что одинокие выходки как оппозиции, так и оккупационных сил — это не политическая борьба. Может быть, у вас в Москве иллюзия политической борьбы благодаря Анпилову, Бабурину да и Проханову сохраняется. У нас, в Санкт-Петербурге, твердое ощущение, что политическая борьба кончилась, не начавшись. Я себя чувствую так же одиноко, как чувствовал себя 22 августа прошлого года, хотя 22 августа было даже легче, потому что тогда были объединены одним несчастьем, одним потрясением, одной болью многие люди. Я чувствую себя так же одиноко, как чувствовал себя буквально на следующий день после выхода первой «литовской» программы «Наши». Потому я, честно говоря, не вижу политической борьбы, не верю ни в какие съезды, не верю в то, что что-то серьезное может произойти. Все это — «одного поля ягода». В частности, когда спрашивают об отношении к ФНС и о том, почему я «прогулял» заседание комитета, могу совершенно твердо сказать: «Я полностью поддерживаю все документы, которые приняты Фронтом, совершенно единоклубен с Фронтом в большинстве позиций, точек зрения». Но для меня во Фронте слишком много депутатов. Сегодня «депутат» — для меня не то слово, которое я бы мог произнести хотя бы с каким-то благопристойным выражением лица. Для меня это слово однозначно ругательное.

В.Бондаренко: Стоит разобраться, почему тянется уже восьмой год смуты и каждый из нас, очевидно, не один раз выматерился: когда же народ в конце концов поймет все и без нас с вами, без Невзорова, без Проханова, когда начнет возмущаться, начнет бунтовать? Цены растут, голод растет, холод - и по-прежнему молчание народа. Чем это объяснить?

4

Москва. Парламентский центр.
Вечер «600 секунд» и газеты «День».

Май 1992 года.

А ■ Невзоров, писатель В.Бондаренко и полковник
В.Алкнис.

А.Невзоров: Это объясняется прежде всего молчанием оппозиции, полным молчанием настоящей оппозиции. Настоящая оппозиция — это люди дела в армии, в промышленности. Это не депутаты, это не парламентские крикуны — ни в малейшей степени. К этому ядру, к тому концентрату народа, который способен этот народ сдвинуть, могу отнести всего несколько человек в стране. Ни в малейшей степени нардепов. Это — генерал Лебедь, митрополит Иоанн, это Проханов. Все они по существу бездействуют, все они не желают вмешиваться в эту иллюзию политической борьбы, которую нам сейчас предлагают. Я не желаю выматывать свои силы. Я ведь не изменился в убеждениях, а замолчал на политические темы не потому, что вдруг нежно полюбил Ельцина. Но я не вижу союзников рядом, а вижу, что настоящая оппозиция, которая для меня авторитетна, люди дела — молчат, тоже не давая себя втягивать в эту имитацию, иллюзию политической борьбы, будь то парламентский уровень или уровень площадной. К настоящей оппозиции относятся и Чеслав Млынник, и Борислав Макутынович, люди, делами своими прославившиеся. А депутаты эти ваши даже с трибуны графин никогда не кинут, не то что гранату в бою.

В.Бондаренко: У вас есть ощущение, что этой настоящей оппозиции необходима своя партия, свое движение, то есть то, что называется организацией?

А.Невзоров: Я думаю, что нет. Мое участие в Русском национальном сборе, честно говоря, тоже относительное: я не был ни на одном заседании. Участие в ФНС тоже, прямо скажем, относительное. Но меня, честно говоря, насторожила судьба Стерлигова в оппозиции. Мы здесь, в Санкт-Петербурге, чуть посвободнее от магии общего психоза, в том числе и патриотического, и оппозиционного. Здесь мы в состоянии мыслить более здраво, смотреть на вещи, слава Богу,

отдаляясь на расстояние, необходимое, чтобы рассмотреть формы в точности и, скажем так, в геометрической соразмерности. Я вам могу совершенно точно сказать, повторить то, что прислал в Русский национальный собор: я доверяю Стерлигову, доверие мое довольно серьезными путями обретается, я понимаю человека, для которого тоже оказалось слишком много народных депутатов и вчерашних приятелей Марины Салье в организации, призванной спасти Россию от демократов. У Стерлигова явственно читаются и видятся хорошие зародыши лидерства — настоящего, сурового, генеральского (позже, после октябрьских 1993 года событий мне пришлось поменять свое мнение об этом человеке; см. напр. главу «Есть бойцы, но нет еще армии» данной книги — А.Н.).

В.Бондаренко: Не кажется ли вам, что напугало многих в Стерлигове не то, что он, скажем, не принял Фронт (Антилов тоже не принял), а скорее встреча в «Итогах». «Итоги», которые только что оскорбляли того же Стерлигова, показывают, как Киселев и Стерлигов беседуют, как два близких товарища. Мы услышай и увидели попытки сближения с Ельциным.

А.Невзоров: Ельцин для меня фигура загадочная. Я тоже начал было питать какие-то иллюзии на его счет, но сейчас, слава Богу, избавился. Это было в связи со всеми этими полетами, когда он начал производить выкидыши из российского правительства, но этцм, я думаю, не стоит обольщаться. Это простые рокировки, хотя вылет паршивого, грязного, шелудивого пса, человека, занимающегося эротическими играми, — милицейского начальника Мурашева, функционера «Дем. России», доставил мне колоссальное Удовольствие. Я это говорю не скрывая. Не исключен °Ще полный поворот Ельцина к патриотам. Не исключено, что он завтра в жертву ситуации (так как он на ЮО процентов беспринципен) принесет в жертву во-

обще самых близких людей, того же Бурбулиса, не условно, как он это сделал сейчас, а буквально. Потому надо подождать и посмотреть, никакой съезд его не скинет, это понятно.

В.Бондаренко: Так разве можно при этом идти с ним на компромисс?! А Стерлигов, к сожалению, это делает.

А.Невзоров: Я не обсуждаю этого поступка Стерлигова. Я говорю от своего лица то, что знаю. Я Стерлигову доверяю. Это очень серьезная категория — поверьте. Когда-нибудь вы мне скажете, что я был прав. По крайней мере, в вопросе своего личного доверия Александру Николаевичу. То, что в оппозиции началось деление на «чистых» и «нечистых», — катастрофично. Это доказывает только одно: то, что это не настоящая оппозиция.

Оппозиции нужно объединиться. Она может объединиться для какой-то конкретной цели. Для ополчения, может быть, и объединяется. Но опять-таки, когда это настоящая оппозиция, люди, прославившие себя делами, стойкостью либо духовным деянием, такие, как митрополит Иоанн. Для меня, не имеющего авторитетов, он, видимо, единственный человек, которого я послушаюсь. Если он мне предложит чего-то не делать или не благословит какой-то материал — да тут же я его выкину, клянусь вам. Я долго не знал, какое это сильное чувство — способность подчиняться чьему-то авторитету, то есть то, с чего начинается всякое нормальное гражданское общество, то, чем сильна была Россия. Это очень интересно переживать — то, что над тобой появился авторитет, мнение которого для тебя больше, чем собственное мнение. Правда, владыка Иоанн никогда не посягает ни на какие вопросы, не связанные с церковью и православием. Здесь мы абсолютно преданны и слепо идем за ним. Я

полагаю, что этот небесный заступник будет нам лучше любого другого.

В.Бондаренко: А не может ли он стать тем реальным лидером, с которого начнется возрождение России? Аналогии бессмысленны, но все же были Сергей радонежский, патриарх Гермоген?

А.Невзоров: Если говорить о правительстве, которое* меня бы устроило, при котором я мог бы уехать и спокойно открыть свой собственный конезавод (уехать в Самарскую, Пензенскую или другую губернию — это моя мечта. Когда-нибудь я этим займусь — когда мы победим, когда ни одна эта сволочь не будет распоряжаться нашей судьбой), то в составе этого правительства я хотел бы увидеть президентом Лебеда, премьер-министром Стерлигова и колоссальную роль должен играть митрополит Иоанн; еще министр внутренних дел или министр обороны — Млынник, человек колоссальных масштабов. Примерно таким составом правительства я был бы удовлетворен и открыл бы тогда свой конезавод.

В.Бондаренко: А с телевидения ушли бы?

А.Невзоров: Ушел бы. Ушел, потому что полагаю, что при сильном, разумном правительстве телевидение не будет такой проблемой, как сейчас.

В.Бондаренко: Проблемой, я надеюсь, не будет, но телевидение как искусство... не кажется ли вам, что через некоторое время от коней вас потянуло бы к телекамере?

А.Невзоров: Честно говоря, не знаю. Все эти годы «600 секунд» я воспринимал и воспринимаю как служение, как послушание даже. Потому что если иначе это воспринимать, воспринимать как поиск славы, поиск острых ощущений или поиск чего-то еще, я давно Уже был бы уничтожен всей этой грязью.

В.Бондаренко: А поиск творчества?

А.Невзоров: Я, честно говоря, не понимаю до конца, что такое творчество. Я не творческий человек, я человек грубый, прямой. Если у меня что-то получается, так только оттого, что я своим ремеслом владею хорошо. Даже творчество не выдержало бы 5 лет, а особенно двух последних лет безостановочной грязи и безостановочных оскорблений. Ничто не выдержало бы, если не относиться к этому, как к послушанию, как к выполнению общественного долга, поэтому, наверное, я выдерживал и выдержу любую грязь, любую хулу, любую брань. Может, это и не очень нормально, но моя любимая редакция удивляется тому, как равнодушно, даже до неприличия безэмоционально я все это даже не переношу, я об этом узнаю.

В.Бондаренко: Как вы считаете, роль православия в России сегодня достаточна?

А.Невзоров: А ничего другого нет. Не потому, что православие тоталитарно, просто ничего лучше в мире нет, ничего более полного... ничего более светлого, исцеляющего и глобального. Никто не в состоянии конкурировать.

В.Бондаренко: Именно Ельцин и нынешнее правительство, Собчак в Питере и мэры других городов всю потворствуют баптистам, кришнаитам и прочим сектам. Не велика ли опасность?

А.Невзоров: Вы как-то серьезно относитесь к Собчаку и Ельцину, но ведь это совершенно серые ребята. Это сейчас они имеют советников и консультантов, объясняющих им, где баптист, а где православный. Ну что может понимать свердловский секретарь обкома?! Кто — баптист? Кто — не баптист?! Такая же история с абсолютно дремучим невежеством — Собчаком, поэтому они и не могут потворствовать...

В.Бондаренко: Дело не в Собчаках и Ельциных. Дело в том, что, когда я вижу - особенно в новых городах, где, увы, господствовали атеисты - как и сегодня в

эту пустоту идут кришнаиты, баптисты, буддисты, кто угодно, думаю, что если им удастся победить *Q* нынешнем духовном сражении, то и мы перестанем существовать как православный народ. Россия перестанет существовать вообще.

Л.Невзоров: Здесь прямая и естественная связь. Россия — это мистическое тело православия, чье богатство и благосостояние — богатство и благосостояние православия. В Сербии, в Абхазии, против православных осетин — везде войны. Это все удар по православию, а Россия — основной материк, основная часть этого тела. Целостность России — целостность православия. Это вещи такие, как дважды два, их даже не надо пояснять.

В.Бондаренко: Есть ли ощущение в Петербурге, что катастрофа уже осуществилась?

А.Невзоров: Конечно, бомба упала. Если свершится это чудо, что мы обратно получим власть, армию, землю, завоеванные нашими предками, все равно мы никогда не вернем хлеб за 14 копеек, молоко — за 30, в школах не будут, как когда-то, магниево-вешалки, мы же будем первыми летать в космос... Потому что бомба упала, и взрыв произошел, и стекла оплавилась. Это надо понять. В этом надо отдавать себе отчет. Мы не можем сейчас на почерневших, обугленных остовах домов рисовать коричневый ствол с зелеными листочками и делать вид, что ничего не произошло. Обратная дорога к Союзу, видимо, есть, но пойдём ли мы ею? Я не знаю. Это дорога великой крови, которой пришлось бы пролить столько, сколько пролили за последние 300 лет собирания земель Русских. Их господство настолько подло, настолько изощренно, что это похуже любой радиации.

В.Бондаренко: Мы не вернемся ни в 37-й, ни в 14-й, ни в какой другой. Ваше представление: какой будет ⁶се-таки новая реальность России?

А.Невзоров: Я боюсь, что она будет страшная, поскольку преимущество и беда настоящей оппозиции в том, что это люди дела, дела, которому они преданы. И как Лебедь никогда не сможет покинуть свой пост в 14-й армии и заняться политикой, так и Иоанн никогда не сможет подняться с колен, на которых он выставляет в молитве много часов в сутки, как Млынник никогда не бросит своего отряда, как я никогда не оставлю (хотя много говорю о конезаводе — это ведь только мечта) своей камеры и редакции.

Меня тут выставили страшным противником частной собственности на землю. Я не противник, но за любую попытку землю продать или перепродать должен следовать расстрел. Нельзя превращать землю в товар. Единственное, кому мы здесь обрубаем руки, — перекупщикам, спекулянтам и торговцам землей и тем самым открываем дорогу крестьянину. Но нынешние правители хотят ею торговать. Что касается будущего, то оно на 100 процентов авторитарно.

В.Бондаренко: В идеале это монархия?

А.Невзоров: Да, идеально — это монархия. Если будет монарх. Я монарха не вижу, но даже и президентское правление может быть авторитарным. Инфляция и экономическая беда — это вещи, которые остановить можно, но только силовым порядком, только приказным, только внушением в умы и сердца того необходимого для государственного строительства страха, который должен быть в гражданах перед мыслью о необходимости служения всем остальным гражданам. Другим оно не бывает. Никогда русский человек не был свободен в том смысле, когда можно показывать член по телевизору и публиковать в газетах порнообъявления, когда можно откромсывать куски от собственной земли и когда можно плевать в лицо собственному народу и его обирать. Никогда народ не был свободен в этом смысле. И ни один правитель, ни

один царь, иеромонах, купец, воин или крестьянин. Это бредовые, чисто, я бы сказал, ленинские фокусы с разговорами о свободе.

Поэтому государство может быть только авторитарным, только с сохранением того страха, который должен быть. Затем можно довольно легко навести порядок. Как вы знаете, сейчас в стране зарегистрировано несколько миллионов предприятий, банков, СП, МП, которые на государственном сырье, используя государственные (в прошлом или настоящем) станки, оборудование, технологии, помещения, кабинеты — да что угодно — работают на себя. А ведь раньше они были заняты общественно полезным трудом. Сейчас мы, по сути, платим за батон столько же, сколько и платили, — 22 копейки, но приплачиваем еще кругленькую сумму на существование всей этой нечисти. Оплачиваем их длинноногих баб, их шампанское, их кабаки и т.д. и т.д.

Батон ведь не делается из брильянтовой пыльцы и не перемалывается золотыми жерновами. Как он был из муки, так и остался — батон есть батон, литр молока есть литр молока, кусок жилплощади, который стоит безумные деньги, тоже кусок жилплощади. Мы почему-то взяли на себя добровольную обязанность содержать всю эту нечисть. В будущем Россия содержать их не будет.

В.Бондаренко: Скорее всего под государственным контролем будет делаться все, чтоб развивать производительные силы страны?

А.Невзоров: Государство — это колоссальная огромная семья. Все может происходить, все может производиться, но в том случае, когда (я пользуюсь скомпрометированным коммунистическим термином) доказана общественная полезность существования того или иного предприятия, того или иного бизнесмена. Бизнесом (мы ведь не маленькие дети, все прекрасно

понимаем) никто не занимается для того, чтобы жизнь другому сделать легче. Сейчас экологией шумно занимаются — вот опять очередная выдумка демократов. На самом же деле экология никого не интересует. Она интересна тем, кто на ней хочет нажиться. Можно позволить заниматься бизнесом, если он не вреден. А вред, причиняемый нынешним бизнесом, для России слишком велик. Одни торгуют воздухом, другие наживаются на хлебе, а еще нагляднее вспомнить о деятельности «Арт-ателье» по продаже детских трупикиков!

Если бы президентом был Лебедь, я первый присягнул бы ему на верность. Я бы очень дорого дал за возможность любить правительство своей страны, за возможность, которая есть практически у всех людей, но в других странах, значительно худших, чем наша. Эта возможность есть даже в убудочной, отсталой, омерзительной стране США, которая вообще находится на пещерном уровне развития. Степень лакировки капотов их «фордов» и степень благоустройства их сортиров не говорит об их уровне развития. Это народ темный, дремучий и абсолютно не развитый, но даже они имеют возможность испытывать это счастье — счастье быть верными.

Нас обрекли на колоссальный нравственный конфликт, нестерпимый для русского человека, — ненавидеть власть, которая находится над нами в России. Это одно из самых оскорбительных, унижительных психологических глобальных последствий реформ и вообще ельциновского пришествия к власти. Русские любили даже самых тяжелых, самых кошмарных своих царей.

Вот А.С.Пушкин — имперский поэт, величайший человек: «Нет я не льстец, когда царю хвалу свободную слагаю». Человек он был гордый, смелый, верно-подданнические стихи просто так бы на свет не произвел, если бы это не было его искренним чувством. И

Я хочу применения этого искреннего чувства, но мне нужно правительство, которое можно любить. Людей, способных по нравственным своим качествам возглавить эту страну, вижу и убежден, что в ФНС, даже в правительстве России сейчас можно найти людей, которые достойны уважения и любви. Не буду называть фамилий, потому что боюсь, что это может заклеить людей в глазах их приятелей-ебелдосов, и они их истребят.

В.Бондаренко: По вашей модели авторитарного государства какой должна стать Россия, какова роль писателей, телевидения?

А.Невзоров: В настоящей культуре России нет места ни порнухе, ни эротике в любых ее формах и проявлениях. Это девальвация очень высокого таинства, очень серьезных моментов жизни, потому что это постоянное напоминание человеку о его животной сути, что напрямую противоречит учениям отцов церкви, которые не случайно уводили нас от этого. Совершен колоссальный духовный труд наших предков всех поколений, всех старцев, всех иеромонахов, святых отцов, постников, молитвенников, заточников, создавших это духовное произведение под названием «Человеческая жизнь». Они показали, какой она должна быть. Да кому нужны эти брошюры про секс? Помилуй Бог. Если б нужны были, их написали бы старцы. Они ведь ничего для себя лично не хотели. Я бы голову дал на отсечение, чтобы снимать не всякую мерзость, а то, что у меня вызывает восхищение. Я же лишен такой возможности, лишен какой-то компанией идиотов. Почему? Если после этого ядерного удара нам удастся все-таки вылезти из-под развалин, из нашей культуры вся эта мерзость вышелушится...

В.Бондаренко: Исполняется 5 лет работы «600 секунд». Ваше представление о том, как будет разви-

ваться программа. На наших совместных вечерах часто говорили: «Превратим «600 секунд» в «20 часов»...

А.Невзоров: Упаси Господи, нет, я не хочу. Я хочу заниматься тем, что умею, что люблю. Программа будет модернизирована, улучшена, усилена более мощным набором информации, но останется совершенно такая же по тональности. И политическую, и нравственную, и гражданскую тональность будем сохранять такую же — она единственно возможная. Мы ведь никакого особенного изобретения не сделали, мы не сидели и не думали, как сделать что-нибудь патриотическое. Это просто то, что чувствует сердце: что воровать плохо, что перекрашиваться нельзя, что презирать и ненавидеть собственную Родину — постыдно и позорно. Ведь вещи довольно простые нами исповедуются. А что касается меня, то, слава Богу, за последнее время мы стали делать большие авторские репортажи и думаем и дальше идти по этому пути. По крайней мере я — мне это интересней, чем делать программу.

В.Бондаренко: Сегодня вы помните, что вы думали 5 лет назад?

А.Невзоров: Я вообще ничего не думал. Мне кажется, что я занимался какой-то другой передачей.

В.Бондаренко: Но все-таки эволюция отношения к «600 секундам» у вас происходила?

А.Невзоров: Как иноческое служение я их осознал не так давно. Осознал, наверное, в ту вильнюсскую ночь: это та мука, которую мне суждено претерпеть, это тот долг, который мне суждено выполнить, это то иноческое служение. Я ведь всю жизнь мечтал уйти в монастырь и быть иеромонахом, то есть монахом, который имеет сан священника, совершает литургии.

Я задумывался о том, что этому всегда предшествует послушничество — делать то, что я делаю, и

принять на себя то, что принял, в том числе и эту великую хулу, и выдержать это.

В.Бондаренко: Если потребуется возглавить правительственное телевидение, принесете ли вы этому в жертву мечту о конезаводе?

А.Невзоров: Конечно, если есть что-то достойное любви, почему бы не любить; если есть достойное верности, почему не быть этому верным? Если предположить невероятный вариант: президентом становится митрополит Иоанн... Что же, я — из вредности, из желания пофрондерствовать немедленно уйду в оппозицию? Нет, нет я не пойду против совести. Как не пошел тогда в Вильнюсе. Вот и все.

ОКТАБРЬ 1993-ГО

— Александр Глебович, по Питеру, да и по всей России распространяются самые невероятные слухи о вашем участии в октябрьских событиях в Москве, об аресте. Что же было на самом деле?

— Я ехал из Питера в Москву, и задержали меня под Зеленоградом по распоряжению какого-то коменданта района.

— Если бы 3 октября вы попали в Белый дом, то были бы там с оружием?

— Конечно. Меня ведь сцапали 4-го утром еще только на подъезде к Москве. В Белом доме у меня в руках было бы оружие.

— Для чего?

— Не — для чего, а — почему. По одной простой причине. Для меня, как для тех, кто был там — для всего этого странного братства, для рижского ОМО-На, для баркашовцев — это не была защита Руцкого или Хасбулатова, или Верховного Совета. Это было наше Поле Чести. Нам бросили вызов. Бросили грубо,

бросили вызов силой. Мужчинам. И вне зависимости от убеждений, вне зависимости от какой-либо политики, я был бы не я, если бы не поехал туда. Я ехал, точно зная, что еду участвовать в проигранном восстании и ничего, кроме тюремной камеры или пули, меня не ждет. И тем не менее мы твердо знали — это наше Поле Чести, мы обязаны быть там. Потому что иначе все наши слова и все наши убеждения ничего не стоят и никому не нужны.

-* *И все же как вас задержали?*

— Хватали меня чуть ли не 30 автоматчиков, в касках, в масках, с автоматами на изготовку. Меня засадили в камеру, сняли ремень, выдернули шнурки из ботинок, обыскали... Но из-за того, что меня забрали в тюрьму, я не попал в Белый дом...

Я обязан был снимать! Хотя я располагаю пленками, записями, которые были сделаны в субботу, в воскресенье, в понедельник и которые абсолютно зримо доказывают, что огонь был открыт по народу. Стреляли в народ. Об этом, кстати, говорили и перепуганные средства массовой информации, у них был мигмент истины, когда они не знали — чья возьмет и поэтому остерегались лгать в своей обычной манере.

— *Кто зачинщик - это понятно. Накануне событий, в пятницу кажется, вы показали документ, где приводились слова Полторанина, что пресса, мол, должна спокойно принять события, которые произойдут 1 октября. То есть все было запланировано, все к этому готовились.*

— Да, все эти разговоры о том, что обстрел людей из танков на виду всей Москвы и всего мира являлся ответной мерой, вынужденной — все это басни. Единственное, чего я не могу себе простить, так это того, что я ошибся в Руцком. Этот человек не имел права остаться в живых. О том, как должен был вести себя Руцкой, мы все можем сказать много слов, а как не

должен был — он именно это и избрал, обманув и предав лучших мальчиков этой страны, которые спасали и дрались за людей во всех горячих точках этой страны, не прося ни копейки. И этими лучшими мальчиками России мы расплатились за предательство Руцкого, за провокацию правительства, за глупость оппозиции. Вот это чудовищно! В остальном, я думаю, и так все понятно.

Мы-то знаем: в Москве 3-4 октября произошло то, что на русском языке называется священным и высоким словом — восстание. У восстания основной инструмент всегда страшный — это тупой нож огромной толпы. Так было и при Спартаке, и при Уоте Тайлере, и при всех бунтарях, мятежниках, при всех восстающих в истории человечества. И восстание это всегда страшно, всегда грубо. Оно не делается кордебалетом балерин, которые скользят в белоснежных пачках по чисто вымытым мостовым. И все восстания выглядели жутко и производили шоковое впечатление на современников.

Потом либо подключались армейские части, либо не подключались, и в зависимости от этого восстание заканчивалось либо победой, либо поражением.

Что такое восстание? Восстание, это когда 100, 200 или 300 тысяч человек сумели подавить в себе неподавляемое — инстинкт самосохранения, сумели преодолеть притяжение жизни, быта, семьи, карьеры, всех тех милых мелочей, из которых состоит жизнь. И это самый страшный для режима знак, потому что даже если эти люди, которые у нас безмерно трусливы (это только легенда о храбром народе, наш народ — трусливый народ, что доказали события августа 1991-го, сентября-октября 1993-го, но — то ли он стал трусом, то ли его сделали трусом всякие Старовойтовы и бурбулисы). Но если 200, 300, 400 тысяч человек — а в московском восстании участвовало не меньше лю-

дей — сумели преодолеть себя, значит, сила ненависти к угнетающему их правительству, скажем так, перестала быть уделом оппозиции, уделом интеллектуалов, видящих трагедию страны, впиталась в плоть и кровь народа. Это, по сути, заранее вынесенный приговор режиму.

Но кто может ответить: во имя чего были убиты люди? Во имя продолжения реформ!? Ответ чудовищный и вместе с тем очень точный: во имя того, чтобы над страной и над людьми можно было издеваться дальше. Во имя того, чтобы бедные стали еще беднее, богатые еще богаче, чтобы беспросветица была полной, И во имя этого власть убивала людей. Так на что же ей надеяться-то осталось?!

...Мы вели с ними войну идеологическую и абсолютно цивилизованными методами, благородными и честными. Да, мы отстаивали иную точку зрения, ко-
■мфя является одновременно точкой зрения 40, 50, 60, а сейчас, возможно, и большего количества миллионов, точку зрения неприятия правительства и всего, что оно делает. Мы с ними вели себя по-честному. Они применили силу. Возможно, пока они оказались сильнее.

ж Гражданская война — штука очень жестокая, и большинство из тех, кто о ней разглагольствует, никогда не видел ее своими глазами. А реальность такова, что девяносто процентов «крутых» вояк, упакованных в камуфляж и обвешанных оружием, бегут подальше из окопов, когда чуть прижмет.

Мне же стыдно за то, что я не оказался в штабелях трупов, складываемых на первом этаже Дома Советов. Не смог — по не зависящим от меня причи-

нам... 80% мальчишек, сражавшихся на стороне «бунтовщиков», я знал лично, по войнам, которые шли в Абхазии, в Приднестровье. Там были бесконечно романтические, пожалуй, самые чистые в стране люди.

4

«НЕ СОГЛАСЕН. НЕВЗОРОВ»

«Вчера в адрес председателя ГТРК «Петербург — 5-й канал» из Министерства печати и информации Российской Федерации поступило предписание N ОЮ-3195/90, полный текст которого приводится ниже.

^ «В связи с введением Указом Президента Российской Федерации N 1578 от 4 октября с.г. чрезвычайного положения в городе Москве Министерству печати и информации РФ поручено обеспечить с 4.10.93 г. выполнение пункта «б» статьи 23 Закона «О чрезвычайном положении». Поскольку транслируемая на Москву программа «600 секунд» ТВ «Петербург - 5-й канал» разжигает национальную, классовую, социальную, религиозную нетерпимость и рознь, рекомендуем прекратить ее вещание на Москву до отмены чрезвычайного положения. Если Вы не в состоянии выполнить эту задачу технически, обязуем Вас приостановить выпуск в эфир телепрограммы «600 секунд» До особого нашего распоряжения».

Документ подписан заместителем министра О.Юсицковым и начальником Государственной инспекции по защите свободы печати и массовой информации Ю.Лучинским.

Вчера же Б.Куркова подписала приказ N 320-п:

«Во исполнение распоряжения Министерства печати и информации РФ от 5.10.93 г. за N ОЮ-3195/90 приостановить выпуск в эфир телепрограммы «600 секунд» до особого распоряжения Министерства печати и информации РФ».

На подлиннике этого документа имеется приписка: «НЕ СОГЛАСЕН. НЕВЗОРОВ».

«Санкт-Петербургские ведомости»,
6 октября 1993 года.

«Я считаю, что закрытие телепередачи «600 секунд» - это полная блокада мнения оппозиционных сил.»

(Рэйчел Дендер, сотрудница крупнейшей в мире американской правозащитной организации «Хельсинки уотч»)

На 12 декабря 1993 года были назначены выборы в Государственную Думу...

Из ответов на вопросы анкеты для газеты «Невское время»:

...НЕВЗОРОВ Александр Глебович, 1958 г.р., тележурналист, главный редактор НТК «600».

Баллотируюсь в Государственную Думу, чтобы мешать бандитским реформам.

Предполагаю заниматься в Думе конкретными вопросами.

Мои профессиональные знания помогут мне в работе парламентария лучшим образом. Обязательно считаю, что профессионалы должны быть в парламенте.

Симпатизирую людям, а не блокам или движениям.

Указ Президента РФ от 21.09.1993 № 1400 оцениваю как преступный.

На референдуме по Конституции 12.12.1993 буду голосовать против, хотя для Гонолулу это отличная Конституция.

Вручение депутатского мандата 210 округ. СПб.

Мое благосостояние за последние два года изменилось мало.

Платную рекламу в средствах массовой информации использовать собираюсь, но денег нет.

«БЕССОННАЯ НОЧЬ В МАРИИНСКОМ

...Пожалуй, наиболее драматично складывалась ситуация в Центральном округе. Основываясь на данных социологического опроса и первых сообщений с участков, в штабе «Выбора России» уже поздним вечером 12-го уверенно ГОВОРИЛИ о победе Юрия Вдовина, однако ночью в Мариинском мы узнали: если в Куйбышевском районе Вдовин действительно переиграл Александра Невзорова, то в Октябрьском итоги оказались противоположными... За ходом голосования

внимательно следили наблюдатели, в том числе около 70 иностранных. Сообщений о серьезных нарушениях не поступало...»

«Невское время», 14 декабря 1993 года

«В ближайшее время на заседании окружной комиссии 210-го (Центрального) округа по выборам в Государственную Думу будет вручено временное удостоверение депутата победившему на выборах Александру Невзорову...»

«Смена», 24 декабря 1993 года,

ДОКАТИТСЯ ЛИ ПЯТОЕ КОЛЕСО ДО КОЛЫМЫ?

«ПРИКАЗ N 386

Учитывая недопустимые выпады со стороны штатных сотрудников ГТРК «Петербург - 5 канал» в адрес руководства ГТРК, ссылки на различные законодательные акты РФ и указы Президента РФ, дискредитирующие руководство телерадиокомпании,

ПРИКАЗЫВАЮ:

1. С 9 декабря 1994 г. изъять из библиотеки ГТРК следующую литературу: Конституцию РФ, указы РФ, КЗоТ, УК РФ.

Указанные книги запретить к выдаче и обращению на ГТРК.

2. На постах охраны ГТРК принять строгие меры к недопущению проноса данной литературы на территорию ГТРК...»

Б.Куркова

«ЧИСТКА НА ЧАПЫГИНА, 6

В шоковое состояние поверг многих сотрудников ГТРК «Петербург - 5-й канал» приказ о сокращении штатов. Этот документ, подписанный первым замом Бэллы Курковой Виктором Правдкжом еще 22 сентября, почему-то был вывешен на доску официальных объявлений только вчера, 3 сентября. К приказу имеется и приложение - список фамилий сокращаемых.

Как утверждают некоторые работники ГТРК, сокращение происходило по принципу «ликвидации негодных персоналий, а не должностей, как это указано в приказе»... В длинном списке на «вылет» оказались люди, определявшие последние годы лицо «5-го канала». Например: Станислав Мелейко (ведущий программы «Человек и закон»), Ольга Березкина (ведущая программы «13-й вопрос»), Мария Николаева (ведущая программы «Скорая помощь»), Михаил Быков, Людмила Жулай и Людмила Нилова (дикторы), Сергей Дегтярев (ведущий программы «Реформа и власть»), Александр Невзоров (ведущий программы «600 секунд») и другие.

Многие связывают появление этого приказа с приближающимся акционированием ГТРК. При этом кое-кто из телечиновников, успокаивая сокращаемых, сказал: «Вы должны быть благодарны, что вас увольняют именно сейчас, так как те, кого мы уволим на следующих этапах, могут даже и компенсации не получить». По студии ходят слухи, что к новому году на Чапыгина из 2,5 тысячи человек останутся работать только 500.

Негативно относящиеся к действиям телечиновников работники ГТРК уже образовали инициативную группу по разработке альтернативного варианта акционирования и планируют очень скоро провести конференцию трудового коллектива.»

«Смена», 4 октября 1994 года

«УВОЛЬНЕНИЕ АЛЕКСАНДРА НЕВЗОРОВА БЫЛО НЕЗАКОННЫМ.

Еще 18 марта текущего года Мандатная комиссия Государственной Думы по поручению зампреда Госдумы М.А-Митюкова известила руководство ГТРК «Петербург - 5 канал», что избрание руководителя «НТК 600 секунд» А.Г.Невзорова депутатом не может служить препятствием для продолжения им работы на телевидении. Прошло уже более полугода, но никто на Петербургском телевидении и не собирается восстановить автора и ведущего популярной телепередачи на работе.

26 октября Мандатная комиссия Госдумы вновь была вынуждена вернуться к этому вопросу и обратилась с письмом, подписанным Председателем Комиссии В.И.Севастьяновым, к и.о. Председателя ГТРК «Петербург - 5 канал» В.С.Правдюку, в котором еще раз разъясняет, что закон не запрещает депутатам заниматься научной, творческой деятельностью, а также в определенных случаях находиться на государственной службе. Администрация ГТРК «Петербург - 5 канал» также не в праве заниматься толкованием Конституции РФ и по собственной инициативе создавать новые, не предусмотренные законом основания для увольнения сотрудников, избранных депутатами Государственной Думы.

Решение администрации государственной телекомпании об увольнении депутата Невзорова А.Г. по указанному основанию ^ говорится в письме, - является грубым нарушением Конституции РФ, законодательства о труде, полностью игнорирует решение Мандатной комиссии, являющееся официальным разъяснением положений Конституции РФ и действующего законодательства по данному конкретному случаю, в связи с чем приказ N 890-к от 04 октября 1994 года об увольнении Невзорова А.Г. является незаконным и должен быть отменен, а депутат Невзоров А.Г. восстановлен на работе.

Стоит ли говорить, что всевозможные журналистские союзы и фонды защиты гласности, придерживающиеся, по^видимому, двойного стандарта в отношении к «своим» и «чужим» журналистам, предпочли в данном конкретном случае промолчать? Молчит и целый сонм «правозащитников», любящих порассуждать об угрозе, нависшей над гласностью.

•••Так когда же мы вновь увидим в эфире Александра Нев^{вз}нова, несущего телезрителям слово правды, г-н Правдюк?»

«Дума» N13(62) 1994г.

/Из выступления в зале суда 21 ноября 1994 года/

- Понятно, что разность идеологий, разность ценностей, разность характеров, разность отношения к власти породила конфликт, исход которого решается сегодня здесь. Были заявления о том, что я физически не мог бы совмещать должность депутата Государственной Думы с работой репортера. Уверяю вас, что только глубокое незнание редакционного процесса породило эту версию. Дело в том, что это по сути дела съемочная площадка - превосходное и прекрасное место для сбора материала. Я, в отличие от массы других репортеров, имею возможность снимать работу Государственной Думы изнутри, имею доступ туда, куда не имеет доступа никто другой. Многое уже отснято, многое уже сделано в расчете на то, что когда-нибудь все же восторжествует справедливость и я выйду в эфир.

У меня за все время работы на телевидении не было ни одного прогула, мы продолжали работать, у нас не было ни одного простоя в прямом смысле этого слова. Просто мне не надо зарплаты, мне не надо никаких «подстежек» в лице какой-то цензуры, чтобы заставить меня работать.

«НЕВЗОРОВА ВОССТАНОВИЛИ НА РАБОТЕ НА ПЕТЕРБУРГСКОМ ТЕЛЕВИДЕНИИ.

- Вчера Куйбышевский народный суд Петербурга удовлетворил иск Александра Невзорова к руководству ГТРК «Петербург - 5-й канал». Невзоров добивался своего восстановления на работе в телекомпании, откуда он был уволен приказом исполняющего обязанности председателя ГТРК Виктора Правдюка от 4 октября. Основанием для увольнения явился

депутатский статус Невзорова, предполагающий работу в Думе на профессиональной основе. В то же время думцам не запрещено заниматься творческой деятельностью, на что указывал истец.

По мнению прокурора Воробьевой, выступившей вчера в суде, вопрос о том, творческой или нетворческой была работа Невзорова на телевидении, не имеет принципиального значения. Руководство ГТРК, принимая решение об увольнении, в первую очередь должно было истребовать согласие самого депутата. Если бы такое не было получено, то следовало обратиться в мандатную комиссию Думы. Последняя могла предложить Невзорову уволиться с телевидения, если бы сочла работу там не творческой, а в случае отказа - вынести на обсуждение Думы вопрос о прекращении полномочий депутата. (Кстати, мандатная комиссия еще несколько месяцев назад заявила, что не считает депутатские полномочия Невзорова помехой работе в ГТРК.) Иной путь увольнения незаконен, и иск подлежит удовлетворению по формальным основаниям.

Суд постановил немедленно восстановить на работе Невзорова, но отклонил иск в части выплаты зарплаты за период незаконного увольнения. Впрочем, для Александра Глебовича это не является главным, поскольку от получения зарплаты на ГТРК он отказался еще 16 декабря прошлого года.

«Это не Берлин, это еще только Сталинград», - прокомментировал Невзоров решение суда. По его словам, он не претендует на должность руководителя питерского телевидения (о чем так беспокоятся его оппоненты) или, по крайней мере, пока не думает об этом.

Невзоров пообещал в ближайшее время порадовать общественность еще одним «телевизионным» процессом: он будет добиваться упразднения худсовета, введенного на телевидении Бэллой Курковой вразрез с законом о СМИ. Прокурор ДР^а Рода уже внесла по поводу этих действий руководства соответствующий протест.

Восстановление Невзорова на работе не означает, что его телепрограммы в ближайшее время выйдут в эфир»

«СМЕНА» 23 ноября!993года.

«Я считаю большим достижением 5-го канала то, что с политической точки зрения мы не шарахаемся ни вправо, ни влево. Это в хорошем смысле слова консервативный канал. Я горжусь тем, что уже 15 месяцев на страну не льется пропаганда насилия из передачи Александра Невзорова. И Петербург сейчас - один из самых спокойных городов в стране... Идет наступление на средства массовой информации, в первую очередь на ТВ. Если нас снимут, кто-то получит управляемый канал с большой сетью распространения. Можно будет выдавать в эфир все, что заблагорассудится, тем, кто останется в тени. Поэтому мы можем предположить, что нас вообще могут убрать. Мы лее не собираемся сдаваться. Мы больше всего ценим нашу независимость и доброе имя. А само кресло для нас с моим заместителем Виктором Правдюком не имеет большого значения.

Бэлла Куркова. «Известия», 9 декабря 1994 года.

«16 регионов России отказываются платить за скучные трансляции из города на Неве...»

«Петербург-экспресс», N 10, 1995г.

«По договору с компанией «Видео интернэшнл» в период с 1 марта 1994 года было использовано рекламное время в объеме 354 минут на сумму 500 миллионов рублей. Деньги на расчетный счет ГТРК, по данным бухгалтерского учета, не поступали. По данным акта, на основании расценок, определяемых приказами по ГТРК, компания «5-й канал» за первое полугодие 1994 года могла получить доход от рекламной деятельности 9 116 048 800 рублей, в то время как фактически получено 4 132 164 200 рублей... На ремонты квартир близкого окружения Курковой из фонда социального развития ГТРК было перечислено в 1993-1994 годах 6 млн. 900 тыс. рублей...»

«Смена», 17 ноября 1994 года-

федеральное собрание - Парламент Российской Федерации

ДЕПУТАТ

Государственной Думы

1993-1995

Руководству ГТРК «Петербург - 5 канал»

Курковой и Правдкжу.

Открытое письмо.

Будучи не слишком удивлен хамством и клеветой в свой адрес и даже не слишком беспокоясь по этому поводу, ^{тем не} менее, я полагаю неправильным оставлять своих избиратели наедине лишь с вашей точкой зрения на события последних дней. Сейчас вы хозяйничаете в эфире Пятого канала, обвиняя меня чуть ли не в организации покушения на бедную Бэлла Куркову.

По сводкам уголовной хроники - в день, по меньшей мере, пятьдесят старушек бьют по головам и отбирают у них сумочки. Одной из этих старушек в полностью криминализованном городе оказалась и Бэлла Куркоза.

Да, я мечтаю о том дне, когда прекрасное некогда ^и родное мне телевидение Санкт-Петербурга освободится от разрушителей эфира, превративших в смрад и обломки лучшее телевидение страны. Но я слишком хорошо знаю, как именно это должно произойти и как это произойдет. С моей точки зрения, никак уж не дубина бандита, а самые банальные милицейские наручники положат конец творящемуся на ТВ - и, поверьте, скоро. Вы, вероятно, в курсе, что я официально курирую от Комитета Безопасности Государственной Думы прокурорскую проверку ^{вашей} деятельности. То, что я знаю на сегодняшний День, поверьте, позволяет мне не сомневаться в исходе-■. Да, у нас вялая и нерешительная прокуратура, Д^а» У вас обломки былых связей в Кремле - но две-

надцать-то миллионов супруг Бэллы Курковой полу, чил... В известной ситуации и договорчик-то-Вы под писали... И никуда от этого не денешься. Все это факты. Не говоря уже обо всем прочем.

Депутаты Государственной Думы поставили вопрос о возбуждении в отношении вас уголовного дела - за взяточничество, и, заметьте, ваших связей хватило лишь на то, чтобы «подзямать» это дело - отказа в возбуждении дела от прокуратуры не последовало до сих пор... Прокуратура не ответила, что вы свободны от обвинений. Ответит - тогда те сто депутатов Государственной Думы, что направили Президенту Ельцину ходатайство о снятии Вас с должности, затребуют у прокуратуры основания отказа. А оснований — нет, ибо есть факты, миллионы, ваши подписи... И все будет по справедливости.

Нюансы всего этого мне очень хорошо известны - и нет у меня сомнений - чем все это кончится...

Так зачем же мне, Бэлла Алексеевна, организовывать битье вас по голове? Мое дело — подождать приезда оперов с наручниками в ваш кабинет.

Вы связываете удар по голове с моим увольнением. Смешно. По закону за мной на все время моих депутатских полномочий сохраняется моя должность, и указы ваши по части увольнения - просто забавны.

Да, я избирателям своим дал честное слово - освободить от вашего дикого ига телевидение Санкт-Петербурга. А слово я свое, как вам хорошо известно - держу крепко. И я подтверждаю свое слово своим избирателям, и добьюсь своего. И вновь будет свободное и сильное телевидение. Мне некогда и незачем бить вас по голове, я оставляю это дело Господу Богу.

Я дождусь, недолго осталось, особенно страшного для ^{^иС>} законного, разрешения ситуации. То бишь, оперативника с наручниками в вашем кабинете.

И обязательно буду снимать эту драматическую сцену- Для эфира Санкт-Петербургского телевидения.

А.Г.Невзоров

06.10.94

«Вчера вечером, выступая по телевидению, руководители ГТРК, «Петербург-5-й канал» Бэлла Куркова и Виктор Правдюк объявили о своей отставке.»

«Невское время», 6 июня 1995 года.

«ЕСТЬ БОЙЦЫ, НО НЕТ ЕЩЕ АРМИИ...»

Диалог Александра Проханова и Александра Невзорова.
Февраль, 1994 года

А.Проханов: В последнее время ты, Глебыч, совсем исчез с экрана. Это заметили все. Причем исчез настолько, что возникает ощущение какой-то «черной дыры». Она постепенно начинает зарастать паутиной, начинает рубцеваться. Но все-таки дыра, как бы от пулевого проникающего ранения, существует в эфире. Публике очень важно знать, что с «Секундами», с тобой. Расскажи обо всех этих детективах, что происходят сейчас с твоей программой, ибо вокруг этого версии, слухи...

Одним словом, публика потеряла тебя с того самого дня, когда ты, прорывающийся к Дому Советов, был взят здесь, в Москве, где-то на Садовом кольце, 0 потом отпущен властями. Потом ты еще раз мельк'

ыл на экране во время своей предвыборной борьбы и, наконец, возник в странной, загадочной, какой-то мистической роли думского человека.

А что с программой? Расскажи...

А.Невзоров: Рассказываю. Мы были закрыты — официально, неофициально и вообще по-всякому — на следующий же день после расстрела «Белого дома». Там слилось все: и шумейкины указы, и какой-то марш уже наших, местных руководителей. И как бы на этом наша эфирная жизнь должна была прекратиться насовсем. Мне долго морочили голову, предлагая организовать какую-то авторскую программу. Программу, которая как бы не будет касаться политики или будет делать вид, что ее не касается. Велели переименовать. Октябрь был месяцем прощания, похорон надежд, похорон друзей — вообще месяцем отчаяния. И не то чтобы я на это пошел. Такова была ситуация.

В общем, я предложил «нейтральное» название для новой редакции — «Группа Север». Они-то не знали, что так назывался блок из нескольких подразделений, защищавших «Белый дом». Но по серости своей они согласились. Теперь я как бы фактически считаюсь начальником творческого объединения «Север», но это примерно как у Проханова нынешняя газета «Завтра» вместо нормальной «День». И понятно, что это вынужденный псевдоним, что он со временем исчезнет!

Что самое поразительное: у меня уцелела редакция. Она не была разгромлена, а сама не развалилась. Из нее не ушло, не исчезло ни одного человека, ^{3а} исключением, пожалуй, Сергея Гуляева.

Проблемы с Сергеем есть, но они давно уже не самые волнующие. Он несколько раз очень некрасиво ^{се}я повел, причем в ситуации предельно сложной. И ^{по}скольку у нас в редакции суд чести и суд, скажем

так, мой — а это почти одно и то же — определяют все, мы решили, что Сергею делать здесь больше нечего. Причем мы — это Б в данном случае не только я. Никогда не буду этого грязного белья выносить на публику, перетряхивать, но могу сказать, что у меня были дд, таких решительных действий серьезные основания. Повторяю, в тяжелую минуту и в тяжелой ситуации человек повел себя плохо. Мягко говоря.

У меня уцелел и весь комсостав редакции, и, самое удивительное, все мальчишки — операторы, осветители, администраторы, водители — остались, ни один не ушел. Они прекрасно понимают, что нынешнее положение — очень временное.

Что касается Курковой... Я не знаю, будет ли к выходу газеты актуален разговор на эту тему, потому что как глава Санкт-Петербургского телевидения она должна пасть, причем в самое приближайшее время. Дело в том, что у нее такой нормальный вроде бы ельцинский фанатизм, но только образца августа 91-го. Сейчас такое уже не носят. Поэтому когда Куркова появляется в балах в рюшечках этого августовского фанатизма, она, конечно, выглядит смешно и отвратительно даже для тех, кто ее на эти балы приглашает. Думаю, Бэлла Алексеевна — уже не вопрос, по крайней мере надеюсь. Знаю: правительство тоже с этим согласно. Она уже их дискредитирует. Когда с ней будет решено, механически решится вопрос и с моим эфиром. Она была мощной плотиной, не пускавшей передачу. Все, что произошло, — на ее совести, и только на ее. И наше пятимесячное отсутствие, наш простой — тоже.

Я, конечно, хочу восстанавливать «Секунды» * только ради этого пошел в Думу. Вряд ли уже буду * них комментатором. Но не потому, что это, мол, «Як царское дело». Начал я свою думскую деятельность ^с нескрываемым отвращением. Сейчас во мне это от*

«ращение еще более усугубилось, но, тем не менее, мяе здесь надо быть. Какие-то детонационные моменты в ней зависят, наверное, от 3-4 человек. Поэтому бросить сейчас ее — такое же предательство, как бросить «Секунды». Буду это совмещать. Эфир мы восстановим, и все, что сделали за это время — а это почти четыре фильма — в эфир выйдет.

А.Проханов: Для меня «Секунды» и «День» - это...

А.Невзоров: ... абсолютно братья-близнецы...

А.Проханов: Не только. Это эмблема трехлетнего периода, прошедшего от беды августовской 91-го до октябрьской 93-го. И вот эти программы, и газета - как два дротика или гарпуна, летевшие сквозь время со свистом, иногда пересекаясь, но всегда в одну сторону. Их рождение, их взлет и свистящий полет, их сожжение и исчезновение в октябре знаменовали собой завершение всего этого периода.

Оглядываясь, вижу, что это был удивительный, уникальный, очень важный период, в котором, как ты помнишь, чего только не было! И ужас, тоска от крушения СССР, и абсолютное одиночество, ощущение, что в этой рывинке остались два-три полуголушенных пехотинца, стреляющих из мосинской винтовки по целой армаде танков. И потом это воскрешение... Сначала медленное, потом грандиозное - с шествиями по Москве, с огромным вече, над которым ты витал со своей камерой в этих сумерках - скользких, мартовских... Там были поездки в Югославию, Карабах, Приднестровье. Победа Приднестровья - там же! Там было столько отчаянного и восхитительного одновременно.¹⁰⁻² И, конечно, это была история общественного самопознания.

Сгорели наши с тобой две редакции и погибли найми
^с ^тобой товарищи, были погребения, но началась но-
^{вая} Жюха. Какие у тебя от нее ощущения? Какие зве-

риные ощущения от эпохи, в которой ты сам вертелся, как зверь, как волчище?

А.Невзоров: Это все равно как спросить об опыте, о сущности от всей прожитой жизни, потому что для меня основное время жизни как раз приходится на эти три года. И все, что было до этого, — только подготовка к ним. Честно скажу: первый настоящий поступок в своей жизни я совершил в январе 91-го. И многие согласятся с этим, потому что трудно даже представить себе, чтобы человек мог бросить на растерзание демсволочи, бросить под ноги неизвестно кому такую журнальную, стскую славу, какой не было вообще ни у одного человека в этой стране... Я имею в виду репортаж из Вильнюса, сделанный мной совершенно сознательно.

Все остальное было для меня уже только продолжением Вильнюса. Там мне стало все в жизни окончательно понятным. И для меня эта новая эпоха началась с той осады в школе милиции, где я был вместе с вильнюсским ОМОНОм, чуть позже продолжилась штурмом МВД и осадой рижского ОМОНа.

И вот это ощущение осады — главное, его можно было бы распространить на все три года. По сути дела, моя редакция жила в состоянии войны и все время висела на волоске от смерти, от тюрьмы.

Это только сейчас становится понятным, что мы вытворяли и какими мы были безумно дерзкими! Причем, думаю, именно этой дерзостью мы обезоруживали врага, только дерзостью и ничем другим. Им в голову не могло прийти, что за нами никого и ничего нет: ни партийного золота, ни анпиловских толп.

Ведь когда мы начинали, ни за «Секундами», ни за «Днем» не было ничего, Только безграничная храбрость, только дерзость — и эти, на Старой площади и в Кремле, садились и начинали себе до крови драть на затылке: что это такое на самом деле? Какие это организации действуют в России? Какая же сила держи*

на своем хребте эти «Секунды», этот чертов «День» и вообще всех этих, если они осмеливаются говорить с вами так?

И этой дерзостью была порождена настоящая русская оппозиция, этой дерзостью по сути дела воскрешен ДУ^х что был до 91-го. Этой дерзостью были воодушевлены десятки, сотни, а потом тысячи людей, вышедших на площади. Мы имитировали наличие силы в России, наличие светлой, государственной, всепобеждающей силы, которая может даже из своего полужасыпанного окопа диктовать условия, из своего полуразрушенного окопа с текущей из ушей кровью, как любит образно выражаться мой друг Проханов, требовать от бросившихся на нее в атаку десятков батальонов выстроиться для расстрела и выкопать себе ямы. Вот этим мы занимались. И это действовало!

Сейчас они, возможно, разгадали этот обман, но уже поздно, потому что — может, это мое заблуждение, но я-то считаю, что это так, — оппозицию в России породили и давали ей каждую минуту жизни именно мы.

А. Проханов: Давай посмотрим, что же в конце концов произошло. Часть наших друзей опять сидит в тюрьме, другая - погребена или бесследно исчезла в крематории, развеяна в пепел. Однако все политические силы, все тенденции, все те тысячи и миллионы, которых ты своими «Секундами» растревожил, пробудил и поднял, есть. И в сегодняшнем русском политическом контексте все мы присутствуем, но в какой-то новой, до сих пор еще загадочной комбинации...

После танкового расстрела произошла смена периодов, как будто танк снес, расщепил верстовой столб, и все двинулось, устремилось с дороги в какую-то пыльную, снежную, дымную загадочную русскую степь. Причем вовсе не потому, что уничтожили пар-

ламент, построили Шумейко, и он в кровавых ризах сидит там, в Федеральном собрании, в Совете Федерации. Повторяю: просто возникла какая-то загадочная* перемена в общественном сознании, заставившая все силы — как наши, так и наших противников — свисать в некий фантазмагорический, мучительный, босхский уродливый клубок.

Вот та поляризация, та очевидная, прямо-таки кристаллическая поляризация: мы и они, «наши» и не наши, что так великолепно было тобой придумано... — все это смешалось, все срослось с какими-то жировиками, пуповинами, буграми, клыками в странный ансамбль. Например, что может быть фантастичнее, чудовищнее объявленной уже мэром Лужковым своей предвыборной кампании? Лужков становится президентом России!.. Стремление к нему вчерашних центристов типа Владислава... И этот огромный «накопленный» Лужковым мешок с деньгами, который будет брошен на президентскую кампанию! Будут брошены купленные «МОСТом» и Гусинским телеканалы и газеты. Что может быть чудовищнее и страшнее после, казалось бы, чудовищно страшного Ельцина, если не приход к власти Лужкова?

Но все это уже началось, машина уже крутится, под все это уже есть политическая стратегия, есть огромные ресурсы. Может, действительно мы через полгода—год проснемся в России Лужкова?

Вторая фантазмагорическая тема, которая быМ бы просто смешной, если бы уже не вышла из политических салонов, не стала разгуливать по кулуаров Москвы. Президент Ельцин, оказывается, намерф стать регентом, возвести на престол наследники! которого перед нами в течение этих двух лет водили, — этого милого, очаровательного, смешного тО& стячка, на наших глазах учившегося креститься Л* ред православными иконами...

И вот, оказывается, еще немного — и Россия опять ^{ста?}дет долгожданной монархией с реентом Ельциным, секретарем обкома, и с молодым упитанным монархом не троне. Повторяю: это могло бы быть предметом курьезов, шуток, если бы уже не стало политической практикой. Есть проект, есть деньги, есть высшее одобрение...

Или, например, русский проект Черномырдина, квазирусский проект, когда автор его, освободившись от чикагских толстячков, вдруг обнаружил свою национальную природность, такую уральскую коренную русскость, прагматизм, связь с индустриальным строительством СССР, с прежними элитами. И вот мы имеем русский кабинет, и под него будет провозглашен русский курс. И русские писатели придут к Черномырдину и создадут новый план восстановления разрушенного демократами народного хозяйства. И мы клеиваемся опять в этот черномырдинский русский план...

Брошены какие-то фантомы политического сознания, абсолютно ломающие привычный мировоззренческий контекст. Вот как ты это наступившее новое время чувствуешь?. Что оно для тебя? Как ты сам в него клеиваешься?

А.Невзоров: Я в него клеиваюсь одиноко. Хотя не исключаю, что мне придется сотрудничать и как-то взаимодействовать даже с теми людьми, которые, проснувшись, выяснили, что у них выросло что-то Русское. Такое ведь тоже бывает... И, черт его знает, ^все равно по-прежнему одиноко...

То, что никогда не будет по-нашему, в этом я не сомневаюсь. Но вариант с Лужковым не пройдет. С ^ним нельзя, потому что на нем кровь и грязь. Это как ^в ^голливудских фильмах ужасов, когда масса какой-^{то} ^{во}сстают. Это исключено.

Что же касается чернявенького, сильно грассирующего, сильно картавого, сильно не такого, как надо, абсолютно, смертельно чужого, как вшитый, не знаю, кусок синтетики в ситцевую ткань, — этого так называемого наследничка, не имеющего ни капли крови Романовых и происходящего от незаконного и мало имеющего к Романовым отношения дяденьки, то это настолько бредово, что даже у нас не сбудется.

Чердномырдин — это реальность, и по моей информации большая и глубокая. Но все их карты спутает и расшвыряет Владимир Вольфович. Дело в том, что в России никогда по разумности к власти не приходят. В России приходят к власти либо по игре случая — а сейчас случай исключен, поскольку слишком место доходное, — либо по причине фатальности фигуры...

Мы сейчас имеем только две абсолютно фатальные фигуры, в чьем отношении любой компромат бессилен. Неважно какой: фотографии с голыми девками или с мальчиками в бане. Все, что угодно, даже фотография поедания детей за завтраком, не подействует. Как не действовали любые подкопы под Ельцина, ведь масса уязвимых мест у него как политика была, а весь компромат работал на него. То же самое происходит сегодня в отношении Жириновского.

И вообще, будущий президент определяется по количеству всей этой шушеры, этой грязной орды вокруг него. Я имею в виду журналистов, потому что нет омерзительнее людей и нет омерзительнее профессии. Я благодарен Думе, позволившей мне в совершенно ином качестве взглянуть на людей моей профессии. Любая проститутка по сравнению с ними — белый лебедь, само совершенство и достоинство.

Вся эта мерзость под названием «пресса», когда уже появился Черномырдин, от него лавиной, опрокидывая вешалки, безошибочно кинулась к Жиринов-

гкому* Эти твари запах будущей власти чуют сильнее, чем^{всё} аналитические структуры контрразведки и Кремля. Это - их профессия. Это - стервятники, потому^м что от власти всегда отдает гнильцой.

И, конечно, такого президента, как Владимир Вольфович, пожелать России было бы великим кошуномством. Но вне зависимости от того, будем мы его желать или нет, он, кажется, будет. У нас с ним дружеские отношения, сложные, но дружеские. Если он придет к власти — это не значит, что это по-моему. Это опять не по-моему!⁴ Но мы уже подняли волну, мы израсходовали, кажется, то, для чего были на свет рождены.

Как это ни странно, я себя чувствую самолетом с полными баками. И с грустью смотрю на Гайдара: по нему видно, что он — такой уже издающий неприятный, воющий звук самолет, садящийся с неработающими двигателями. У них-то действительно горючки нет, им лететь не на чем.

Думаю, что я себя как мыслил одиноко, так и буду. Моя редакция — основное мое отечество, потому что трудно ощущать все, что происходит вокруг, отечеством.

(^Проханов: В своих «Секундах» ты создавал могучие, непрерывно действующие поля, работая на огромных площадях. И на них вспыхивали то театр военных действий, то наши московские непрерывные восстания, то этот последний грозный гобелен осажденного Дома Советов. Помимо этих массивных ударов, ты стрелял и по мишеням, очень тонко, точно. У тебя была лаборатория, создающая образы, репутации или разрушающая. Ты формировал социальные маски или же их сдирал - в этом тоже была определенная технология твоих передач.

Во многом тебе, именно тебе, положительной ре-
Щтацией в патриотической среде были обязаны та-
Кие люди, как генерал Макашов - помню твои сюжес-

ты с ним, когда он шел к выборам, генерал Лебедь - помню, как ты примчался к нему в трагические для Приднестровья дни, беседовал с ним, и тот сказал крепкие, военные, мощные слова. Своей репутацией в патриотическом движении он обязан тебе, никому другому...

Жириновский, которого ты упомянул только что. Ведь вся патриотическая пресса относилась к нему крайне настороженно, и он по существу был как бы фигурой умолчания. Даже «День» только однажды или два раза дал небольшие интервью с ним и как бы избегал упоминания его имени в патриотическом контексте. Хотя я никогда Жириновского особенно и не бранил. Ты обращался к нему в самые мучительные для него периоды, ты его сделал вот таким, как бы патриотом...

Генерал Стерлигов - это был твой любимец, ты его непрерывно илифовал, ты ему ставил голос, походку, репутацию, лицо. И многое другое...

Теперь, после того как сгорел Дом Советов, как закончился этот период, эти вот люди, эти портреты, эти репутации продолжают существовать и жить. Мне бы хотелось от тебя услышать, как теперь ты относишься к эмблемам, символам, созданным тобой. Например, генерал Макашов...

А.Невзоров: Что касается генерала Макашова — я землю целую, по которой он ходит. Из всей этой компании, пожалуй, за исключением великой политической реальности под названием Жириновский, это единственный абсолютно достойный человек. Он был полностью последователен, не занимался интеллигентщиной, рассуждениями, понимал, что перед ним его Поле Чести, как прекрасно выразился другой замечательный и восхищающий меня русский патриот - "Александр Петрович Баркашов. И он выбрал свой путь без колебаний — знал, что жизнь его и судьба буду?

строиться по таким законам, что пенять на кого-то, если арестуют или убьют, смешно. Он воин и воинский долг выполнил перед Россией на тысячу процентов.

Жириновский? О нем я уже сказал. Я к нему испытываю слабость вполне понятного свойства — очень уважаю храбрых людей. Он действительно храбрый человек, потому что ни тебе, Александр Андреевич, ни мне некогда бы и в голову не пришло явиться на тусовку демократов, на самую злобную тусовку, где они собирались источать слюну в тесной компании, и там устраивать скандалы. Для этого храбрость нужна!

Что касается большой моей ошибки под названием Стерлигов, к сожалению, я сейчас не могу о нем что-либо сказать. Ничего, кроме чисто внешнего факта предательства, мы пока не имеем. И предъявить ему Русское патриотическое движение тоже не может ничего, кроме того, что называется по-русски «здригнул» — в октябре 93-го. И то потому, что он был основную пропагандистом идеи, что «все хорошо — от Перми до Тавриды... от пламенной Колхиды, стальной щетиною сверкая, встают какие-то полки». Стальных полков мы не увидели. Все обещания Стерлигова оказались либо легкомысленными заявлениями, либо ложью.

Но л этой вины с себя, кстати, не снимаю. Да, так мне тогда казалось: идея побеждающей, диктующей оппозиции, не боящейся никого — это то, что было надо. *!» как !ш странно, возможно, я прав. По большому счету не раскаиваюсь, потому что все равно он был Пугалом! И замечательно, что мы его поставили на своем огороде! Ну, пугало, ну, упало... А тот же самый огород, на котором оно стояло? Его тоже отволкло в ту же канаву порывом страшного ветра. В ту

же канаву падали и перепуганные им вороны — о» разрыва сердца...

Стерлигов, в его экранном, мифологическом воплощении, был нам на тот день нужен. А оказалось на одного предателя больше или меньше — это в ОР, тябре особой роли не играло. Мы все равно вышли бы на эту битву, вне зависимости от того, обещал наш Стерлигов полки или нет. Поэтому нужно просто, как говорится в замечательной оптимистической трагедии, наплевать и забыть.

Пугало поработало — пугало грохнулось. Вечная ему память...

Лебедь? О нем я своего мнения не изменил. Что хотите со мной делайте, пытайте меня огнем — непонятный он для меня человек. Но то, что он воин, великий воин, солдат этой страны — безусловно.

К сожалению, он властолюбив. Вероятно, больше, чем Ельцин, больше, чем Жириновский, чем все, кого мы знаем. Но это властолюбие заперто в бутылку с завинчивающейся пробкой, поэтому периодически все это вырывается. Он просто сметает преграды на пути своего властолюбия. Для него нет моего друга Вадика Шевцова, нет моего друга президента Приднестровья Смирнова, для него нет моего друга Гончаренко — для него есть объекты, стоящие, как ему кажется, у него на пути. Вопрос: на каком пути?..

Лебедь — это великая русская стихия. С точки зрения художника-исследователя — а мы обязаны оставаться еще и такими, помимо поднимателей политической волны, — это, конечно, одна из самых содержательных фигур...

Макашов, так сказать, менее рельефен: там на так глубоко залегают тени и нет таких крупны* каверн времени, нет кракелюров. А Лебедь — это же сплошные каверны и кракелюры, но выглядя-

щие сегодня в Приднестровье так же дико, как роуль в холодильнике...

А.Проханов: Просто столкнулись как бы две наши креатуры. Мы «создавали» Приднестровье как государство, это любимое наше детище. И одновременно создавали на его фоне Лебеда. Лебедь важен ведь не тем, что он так «блестяще» себя повел у «Белого дома» в 1991 году, встав рядом с Грачевым на защиту этого прелестного здания.

А.Невзоров: Он делает вид, что никуда не вставал. Он же хитрый, разный с собеседниками, несмотря на такую солдафонскую внешность. Он смертельно хитрый, может, умнее и хитрее даже Бурбулиса...

А.Проханов: ... И Лебедь вовсе нам как бы не важен, не дорог и тем, что в разговорах с Руцким здесь, в октябре 93-го, послал всех защитников «Белого дома» в этот костер и сказал: мол, сами заварили, сами и расхлебывайте, пропадите'вы все пропадом... А он нам важен и дорог тем, что в трагический для Приднестровья час...

А.Невзоров: ...оказался тем, кем надо...

А.Проханов: ...Сменил этого мерзавца Неткачева, возглавил 14-ю армию. Они проделали там несколько прекрасных операций, выбили румын со всех плацдармов, и, по существу, Лебедь спас Приднестровье. Для нас драма - в столкновении одного любимого детища с другим: Приднестровья в целом с Лебедем...

А.Невзоров: Да, так, согласен...

А.Проханов: Теперь следующий вопрос. Вот ты оказался в Думе. В общем-то это нелепо для тебя, абсолютно нелепо...

А.Невзоров: Вот именно... Сижу в кабинете, в Москве, в мэрии, мать их... которую наши брали, штурмовали...,,

Л.Проханов: ...Они посадили эту Думу сюда как бы ⁶ наказание, понимаешь? В этом есть еще и какая-то

пытка. В роскошный «Белый дом» вселить этого Черномырдина, который только что его сжег... Это какая-то страшная ритуалистика. А сюда, в этот отвратительный стакан, в эту пепсикольную бутылку, загнать крамольную, потенциально крамольную Думу...

А.Невзоров: Чем это она крамольная? Да никакая она не крамольная...

А.Проханов: ...Приходят сюда депутаты, я тебя вижу среди них, рассаживаются аккуратно. Все это напоминает какую-то огромную баню или тюрьму. Вы сидите даже не в пиджаках, а в каких-то покрывалах, туниках, простынях. Потеете, смотрите друг на друга. Почему-то зрелище какое-то нелепое, если не говорить - чудовищное. Расскажи, как ты крутишься во всем этом? Что для тебя Дума? Что чувствуешь ты в этом новом для себя качестве?

А.Невзоров: Я бы не сказал, что это напоминает мне баню, потому что в бане никогда такого количества грязи я не видел. Баня — это все-таки помещение с предусмотренными стоками, куда стекает грязь. Здесь их нет. Никуда она не стекает, просто нормально копится...

Дума робкая, Дума застенчивая, Дума — красна девица. Дума — какая-то, как это ни странно, политическая девственница, что в ней, наверное, самое непонятное. Несмотря на вроде бы такое количество бойцов, такое количество «пробитых» людей, прокомпостированных и теми, и другими компостерами — и нашими, и не нашими...

В том, что она до сих пор ничего не приняла, ничего удивительного нет, потому что демократические силы в ней велики — не надо их преуменьшать. Наши силы столь же велики. И по индивидуальным поединкам, скажем так, мы всегда выходим победителями. Бойцы-то у нас какие золотые! Говорухин чего стоит!

Власов чего стоит! Зюганов чего стоит, я чего стою, Севастьянов чего стоит — орел на орле!

У них — такое усредненное болотце гайдаровского уровня. Сам Гайдар оказался никаким оратором, в нем отсутствуют какой бы то ни было магнетизм, даже элементарное человеческое обаяние. Просто какой-то карлик. Карлик из сказки, знающий какое-то заклинание. И те, перед кем он произносит это тайное заклинание, вдруг видят в нем нечто сиятельное, принцевское. Наверное, перед тем, как войти в кабинет Ельцина, он куда-нибудь, под полу пиджака или под воротник, быстро нашептывал это заклинание, и бедному нашему Борису Николаевичу представлялся гениальным экономистом. На самом деле, по-моему, у него просто познания в экономике не глубже моих, а у меня их практически нет.

У них бойцов нет. К тому же в основном они «опущенные», я имею в виду их временное ощущение. Это страшнее, чем быть «опущенным» в зоне. И они так и сидят, как эти «опущенные».

И тем не менее Дума ничего долгожданного не творит, не производит. Потому что она — девственница. Она не умеет вести никаких политических баталий. Это не согласованная армия, антипрезидентская, ведущая законодательные бои. Повторяю: там есть несколько сорвиголов, несколько отчаянных рубакбойцов, увешанных орденами и медалями, но только знающих, как драться персонально, и совершенно не знающих, как надо загибать фланги или как надо выкатывать куда-нибудь артиллерию. Единственные, кто владеет тактикой по большому счету, — это Исаков и, наверное, Зюганов.

Про Думу сейчас говорить очень сложно. Что в ней действительно происходит, так это медленное угасание оппозиции, размывание границ между оппозицией и правительством. У всех появляются какие-то

интересы, интересики, включая вашего покорного слугу. Интересы и интересики, что побуждают подавать руку людям, которым мы в октябре не то что руки, а даже приклада автомата, если бы они тонули, не протянули бы. Я тут как-то даже вхожу в состав комитета по безопасности и курирую контрразведку и внешнюю разведку, как бы даже что-то делаю.

Хотя в основном я занят диким количеством закулисных интриг, на всех уровнях. И мне это нравится, потому что это абсолютно новое для меня качество. Опять-таки с одной целью — полностью восстановить жизнедеятельность редакции и «Секунд». Другой задачи у меня нет. Для себя лично я ничего не ищу, и в общем-то мне ничего и не надо.

А.Проханов: Последнее. Грядущее смутно. Контуры его абсолютно размыты. И мне мое сердце, а также рассудок подсказывают, что главная катастрофа еще впереди. Главная русская катастрофа, связанная как с выключением из жизни огромных пространств, регионов, с остановкой великолепных заводов, распадом властей, со смутой, - впереди. Сегодняшнее — это лишь преамбула. Все, что мы называли «кризис в разгаре», «на грани катастрофы», «перед бездной», - это все так и есть.

Но грядущее сулит России, возможно, еще большее количество бед, причем огромных, апокалипсических. И мною движет не понимание будущего, не знание о будущем, а два стойких чувства. С одной стороны, любовь — любовь к Родине, земле: это любовь к пространствам, рекам, эху, запахам, природе и ко всему тому, что наполняет меня, как человека, рожденного и обреченного умереть здесь, такая мучительная и сладостная, почти религиозная любовь. А с другой - такая же мистическая ненависть - бесконечная, беспощадная, слепая, неосознанная, делающая меня бес-

срашным в любой безнадежной схватке и даже в за-сгпенке.

Ты человек мистический. Помню нашу первую встречу, когда я приехал к тебе в Питер, был у тебя в редакции — вы собирались куда-то на свои утренние охоты, с камерами. Там была какая-то буза, ходили люди в галифе, грохотали солдаты, не знаю, по-моему, маркитантки какие-то на барабанах сидели, пьяниц тольк» не было...

А.Невзоров: Не было. Пьяниц у меня не могло быть.

А.Проханов: ...И тогда ты сказал мне несколько удивительных слов о чудодейственном слове, о ключи-ке золотом, о некоей таинственной, не знаю, музыкальной фразе, которая должна разбудить весь огромный русский оркестр...

Что тебе твое мистическое чувство подсказывает сегодня? Как ты глядишь в грядущее Родины, через головы, конечно, думских своих партнеров и через всю такую понятную сиюминутную политическую интригу?

У А.Невзоров: Смотрю с интересом и совершенно спокойно. С интересом смотрю на всю эту мерзость, персонифицированную для меня в Гайдаре, в Чубайсах и многих других. Потому что они в, общем-то, на протяжении этих лет создавали тот перекрестный огонь, в котором я калился и воспитался в бойца так, чтд мне теперь никакой бой не страшен. И это, наверное, чувство хорошего солдата — не думать о боях впереди. Пусть думают новобранцы. Пусть думает о том, что ждет Россию, новобранец, я к любой драке готов. И поэтому, так сказать, нормальный, «длинный ус «Усая...» Как там?

Л.Проханов: «...Кусая длинный ус... Кто кивер чис-тил весь избитый...»

А.Невзоров: Да, «кивер весь избитый...». Совершенно точно. Вот такое у меня состояние.

«НАС ВЫБИРАЛ НАРОД И СДЕЛАЛ ЭТО СОВЕРШЕННО ОСОЗНАННО»

- Александр Глебович, скажите, как чувствуете себя в качестве депутата?

— Нормально чувствую. В принципе, это — единственное, что мне было не совсем знакомо до этой минуты, но, как видите, я быстро втянулся в эту деятельность. Конечно, Дума — это нечто вроде такого питомника для немецких овчарок, где выращивается будущая власть и где эта власть учится грызть друг другу глотки и, с другой стороны, вилять хвостом перед кем надо. В этом смысле Парламент — это действительно питомник овчарок, но я, поскольку во власть не собираюсь, сохраняю здесь абсолютно независимое положение, и даже **фракция**, к которой я формально принадлежу, как-то не «охватывает» меня и не посягает на мою свободу. И вместе с тем искусство вгрызаться в глотку **на очень высоком уровне** — это искусство ценное, ко-

тому можно учиться только в парламенте, что я и делаю с большим удовольствием.

- *А как вы считаете, вот с точки зрения политического веса, где он у вас был больше - как у руководителя программы «600 секунд» или как у депутата Государственной Думы?*

- Пока трудно сказать, потому что депутатство только началось, но я думаю, что те два года, которые отпущены Думе, если их не будет больше — это политически колоссальный срок. Это просто... Я бы сказал, политик, который переживает два года — это долгожитель. Поэтому, что будет за эти два года, трудно предположить, но я думаю, что меня не случайно судьба сюда швырнула, я думаю, что те же навыки, которыми я добился столь многого на телевидении, я употреблю и здесь.

- *Вы говорите, не случайно судьба сюда вас швырнула, вы подразумеваете некую фатальность в судьбе каждого человека или что-то другое?*

- Я вижу стройный ряд событий. Я вижу и октябрь, и закрытие программы... Я никогда бы не стал никуда избираться, я понимал, что это тот питомник, где учат перегрызать глотки на очень высоком уровне. У меня много счетов скопилось, и мне, скажем так, необходимо стало пройти это обучение. Я вижу целую цепь событий. Одно звено, как известно, не может существовать без другого в этой цепи. И вижу себя тоже не случайно здесь оказавшимся, а вследствие всей этой цепи событий. Судьбы - и своей и страны.

- *Вот вы говорите: питомник, где учат друг друга перегрызать глотки...*

~ И хвостом вилять!

1710 ~ *И хвостом вилять. А вот вы могли бы какие-то примеры привести? Вы в Думе видели, что там*

грызут глотки кому-то или приходится кому-то перед кем-то вилять хвостом?

— Конечно. Но процесс перегрызания глоток — это процесс интрижный, это процесс глубинный. И поэтому, я надеюсь, вы же не рассчитываете, что я расскажу, какой дипломатией я тут на самом деле занимаюсь? Занимаюсь, и очень даже серьезно. И как раз вот не хвостовилятельными, а глоткоперегрызательными интригами.

— *Понятно. Но тем не менее можно сказать, что Александр Невзоров здесь перегрызает кому-то глотку?*

— Можно, вполне можно сказать. Сейчас все друг другу глотки перегрызают, что особенного-то?

— *Так все страшно в Думе?*

— Нет, по-моему, у нас масса смешного. У нас есть такие смешные вещи, как бюджет. Есть такие персонажи, как г-н Марычев и г-н Митюков — люди с талантами комиков. А вот г-н Жириновский несколько потух, и меня это огорчает — он перестал быть таким непредсказуемым и скандальным.

— *Александр Глебович, вот как бы вы могли оценить, будучи сам профессионалом, профессиональную подготовку нынешних работников телевидения?*

— Да вообще никак. Нет, мне нравится НТВ. Мне нравится НТВ потому, что они, в общем, не просто отмывают пропаганду под видом информации, они при этом действительно дают какую-то информацию. В полном упадке «Российские вести», в полном упадке, естественно, «Останкино», но **НТВ**, которое наследовало лучшие принципы «Секунд», в общем неплохо работает. В частности, у меня нет никаких претензий по освещению здешним парламентским корреспондентом деятельности Государственной Думы. Оно, это освещение, в общем куцое, очень куцое, но доброжелательное и грамотное.

- Как вы считаете, какие сейчас тенденции происходят на телевидении и, в частности, назначение Яковлева руководителем «Останкино», что об этом значило, по-вашему?

- Это — гитлерюгенд. Вы знаете, когда у немцев не оставалось солдат, они стали вербовать мальчишек по 18 лет от роду. Яковлев такой же председатель комиссии, как я балерина. И если Яковлев, с могучей корневой системой человек, очень влиятельный, очеь опасный, очень правительственный тоже зашвыривается на такой, в общем, мелкий пост, причем в структуре и сущности которого он ничего не понимает, это значит, что у них никто ничего не понимает, это значит, что у них и кадров то уже нет, им уже некого сажать на это «Останкино», кроме таких вот остервенелых уже, облысевших «псов демократии» с выпавшими зубами. Но все равно даже деснами он может ухватить сильней, чем иной молодой пес клыками. Я вижу отсутствие каких бы то ни было кадров у них. Либо часть кадров скомпрометирована, часть вообще должна сесть Б^юрьюму в ближайшее время, часть перешла в другой стан. У них нет своих людей.

- Понятно. Как вы думаете, можно ли рассматривать средства массовой информации как некое информационное оружие?

- Я об этом давно говорил, только оружием они и является, и ничем другим. Ничем другим.

~ Я кто управляет этим оружием?

Вест ~ Да разные... Сейчас у нас в стране, как из-
Власть но, несколько группировок, которые воюют за
открытое столкновение... Это группировка «Моста»

Группировка Лужкова, это группировка Черномырдина, это группировка Ельцина... И каждая из них имеет, в основном свои средства массовой информации.

- А вы могли бы примерно так вот назвать, %_а кая группировка...

- Нет, не буду этого делать, это совершенно э_тично по отношению к тем людям, которые р_итают, и которые, в общем, вынуждены работать ца кого-то, пусть даже того и не желая.

- А вот каков, скажем так, механизм подщ_иния тех или иных средств массовой информации?

- Элементарный совершенно: власть и деньги, никаких других механизмов нет. А деньги — власть, власть — это те же самые деньги. В общем — все щ_е же самое. Власть, которая деньги... деньги, которые власть... У всех трех группировок это есть.

- Деньги - товар - деньги, да?

- Да.

- Ну, а как вы считаете, какими-то концепци_и ми они располагают, вот эти самые информаци_и ные средства? То есть я что хочу сказать, там про_сто как бы огульная ложь или все-таки это имеем некую такую определенную программу, что ли?

- Нет. Нет программы, потому что нет програм_мы у хозяев. Нет программы у хозяев, они даже как в отношении Госдумы себя вести еще не договори_лись. Даже внутри своих группировок, не только ме_жду группировками. Поэтому у них нет ни концел_лции, ни толковой политики, ничего нет.

- Понятно. Александр Глебович, чего бы вы хо_тели для России, и чего бы хотели лично для себя. Как бы вы хотели, чтобы ваша жизнь сложилась ваше желание?

- Да вы знаете, я не могу сказать на эту тему ничего определенного, во-первых, потому, что я *^e раскрываю своих планов в отношении себя ник^oгда, а что касается России, то, вы понима_ете, сто^д*^тко мечтателей, которые чего-то для нее хотят. В*^т

Гайдар «хочет», и от этого его хотения дети мрут. В «беревпях. Сейчас другой «хочет», и беда не меньшая. Тут очень мало — «хотеть», это только, к сожалению, история может проверить, бредовые у вас идеи или нет. А когда эти бредовые идеи начинают применяться на практике и причиняется страшное зло людям... Не знаю. Я опять-таки объясняю: Я ВО ВЛАСТЬ НЕ СОБИРАЮСЬ!

- *Во власть вы не собираетесь, но вот вы же занимаетесь политической деятельностью? То есть вы, значит, имеете какие-то политические идеалы: там, монархия, республика, коммунизм...?*

- Нет, монархия — хорошо, когда монарх есть. Когда есть монарх, замечательно совершенно. Но монарха не вижу. И не вижу никого, кто мог бы занять его место. Даже близко никого нет, к сожалению. Что касается любого другого общественного устройства, мне совершенно все равно, как оно будет называться. Я настолько человек сложный и с непонятной, неординарной судьбой, что на мне доень легко можно проверять демократичность или недемократичность тех или иных процессов в обществе. Если меня душат, при том, что я не нарушаю никаких законов; лишают меня слова или каким-то образом еще на меня воздействуют... При том я беру как базу свое законопослушание, то, значит, это устройство бесчестно и недемократично. «ЛЮ, в общем, легко проверить. Потому что все остальные обслуживают, а я как бы делаю то, что хочу». И если существует система власти, которую устраивает человек, делающий то, что хочет, при условии честности и соблюдения законов — значит, ^{ЭТ*} ^{КОЙ} власть нормальная. Пока, честно говоря, я такой власти не встречал, не видел.

- *Как вы чувствуете себя в Думе?*

— Оттуда открыты двери на все уровни, куда я не мог выйти, даже будучи самым популярным репортером Союза. Я ощущаю себя как в дамках: тут есть могу ходить по любым полям, делать все, мне хочется, и меня довольно сложно остановить,

— *Теперь у вас расширились возможности в получении информации?*

— Сузились. Я взял ручку и поставил четыре своих подписи в документах по секретности и особым допускам, поскольку оказался в комитете по безопасности, курирующем внешнюю разведку и ФСК.

— *Так что продолжения «депутатской рулетки» вам уже не сделать?*

— Нет, потому что долг чести обязывал бы меня первый сюжет сделать про себя самого, а надо мной уже достаточно издевалась пресса, чтобы я добавлял еще что-то от себя.

— *Александр Глебович, как можно оценить работу Государственной Думы за полгода?*

— Сам механизм работы Госдумы чрезвычайно уязвим и глупо придуман. Несмотря на богатство политической жизни, лидеры политических фракций, на мой взгляд, очень редко высказываются от имени своих фракций. Наиболее яркие, талантливые люди, люди, имеющие громкие имена (Говорухин, Бабурин, Власов, Лукьянов и другие) почти вообще не выступают. Самые талантливые оказались в тени, так как «средняя» масса завладела всеми командными высотами.

Не могу сказать, что удовлетворен работой Думы. И не могу быть удовлетворен тем, что законы принимают безликую литературную форму. Из текстов законов выхолащивается живое слово. Действует неверный стереотип: чем закон неинтереснее**'

т^ем он понятнее. Закон должен быть интересным, влекательным чтением.

у. Председатель Госдумы Иван Рыбкин, несомненно, играет положительную роль. И на самом деле благополучие Думы зависит от того, какую роль ей предложит Рыбкин. Это очень умный и спокойный человек. Он талантливо и хорошо выполняет свои обязанности.

Это, может быть, смешно, но идеал политика для меня — мой полнейший антипод, Иван Петрович Рыбкин. Будь мы с вами тремя учеными мужами и запишись в ученой лаборатории, чтобы вырастить в пробирке идеального для России политика, мы бы с удивлением обнаружили, что вырастили Рыбкина. Нам абсолютно необходима сегодня именно эта степень порядочности, взвешенности, отстраненности, холодности и удивительного умения не мешать никому — то, что наиболее буйные у нас в Думе называют приспособленчеством. А ведь за ним — еще и глубоченная человеческая история, он же тоже был мишенью в «Белом доме». Все это именно то, что политике и нужно. Потому что избави нас Господь сегодня от всяких выдающихся личностей.

- А то, что Рыбкин подписал выгодный Президенту «Договор о согласии», не повлияло на ваше к нему отношение?

из - Нет! Думаю, сделал он этот дурной поступок лучших побуждений. Ведь ему по-своему пришлось спасти Думу и от возможного разгона, и от объявления ее самой реакционной и неконструктивной силой в стране.

- Ваше мнение по поводу депутатской неприкосновенности?.. ответственности депутатов?

~ Я и мои единомышленники давно уже предлагали принять закон об уголовной ответственности

сти депутатов за последствия своей деятельности. А выглядеть это должно так: завершается срок полномочий очередного состава Государственной Думы и на всенародный референдум выносится вопрос - что делать с заседавшими там депутатами? Стала ли лучше жизнь народа за время их деятельности? Если стала лучше — значит надо переизбирать этих людей на второй срок. Если ничего не изменилось - ну, что ж, распустить всех с миром по домам, избрать новых. Ну, а если жить нар*оду стало хуже - депутатский корпус в полном составе отправляется в тюрьму. И непременно с конфискацией имущества. Только когда будет такой закон, в депутаты перестанут рваться воры и карьеристы, демагоги и взяточники — все те, кто сейчас мешает нам, депутатам, работать, а вам, простым гражданам, нормально жить в своей стране.

/Из Бюллетеня № 27 заседания Государственной Думы 21 апреля 1994 года. В повестке дня - Договор об общественном согласии./

Председательствующий. Слово предоставляется депутату Невзорову Александру Глебовичу... Прошу вас.

Невзоров А. Г., Центральный избирательный округ, г. Санкт-Петербург.

«Это пока не хорошо и не плохо. Это просто в высшей степени несерьезно. И потом мне, честно говоря, непонятно, за каких же мерзавцев нас с вмяй здесь держат, если предлагают Договор об* общественном согласии и уже в средствах массовой информации перечисляют различные варианты политического летального исхода для тех партий и движений» которые откажутся это подписать по соображениям»

возможно, глубоко этическим. По этим соображениям люди гибли в Приднестровье, стояли под пулями 4 октября. Многие из них не смогут и не станут это подписывать, а нам предлагают подписать, испугавшись прекращения нашей общественной политической карьеры, и тем самым отдать товарищей на заклание. Не знаю, как вы, я же этого не буду делать ни в коем случае.

Ко всему прочему, это вообще договор, так сказать, мимо основной проблемы, договор, полностью маскирующий основную трагедию России сейчас. Ну что толку от того, что Ельцин будет подписывать договоры со своими губернаторами? Ни он с ними, ни они с ним не ссорились. Проблема заключается в том, что с 1991 года в стране существуют как бы две страны, существуют дети 1991 года, люди, у которых в 1991 году была отнята Родина, в которой они родились. И если «Выбор России», который призывает подписывать документ, относится к нам, ко всем возможным подписантам, действительно как к людям, а не как к бешеным собакам, которых надо перестрелять в случае, если мы это подписывать откажемся, если они действительно болеют за эту страну, то, я полагаю, они нас поймут.

Да, существует оппозиция. Да, это люди высокой чести, люди, действующие по своим убеждениям, нравятся они вам или нет, и вы это должны учитывать. Не все лее мы здесь куплены, не все же мы живем здесь на золото партии в конце концов. И любой Р&Жданский мир может начаться только с того, что ^бУДУТ хотя бы приблизительно, хотя бы на малую ^{то}Лику учтены интересы оппозиции и признано ее ^зионное право быть таковой. Здесь даже намек на ^{это} Не содержится. Здесь не содержится намек на ^{то} > что существует в стране много-много миллионов ^{лю}Дей с убеждениями диаметрально противополож-

ными. Ведь проблема действительно не в том, чтобы привести общество к согласию. Не будет согласия между обобранной старушкой и президентом коммерческого общества. Никогда не будет. Равно как и не будет согласия в этом зале. Но мир возможен, и этот мир мог бы быть возможен в том случае, если бы этот документ учел основную и наиболее, скажем так, серьезную трагедию сегодняшнего момента — наличие оппозиции.

Да, мы действительно в 1991 году практически лишились Родины. К 1994 году мы оказались гораздо более сильны, чем это предполагалось, с нами даже подписывают какие-то договоры, осчастливливают договорами, в которых нет ничего. В таком виде это действительно не плохо и не хорошо — это просто несерьезно. Если с учетом мнения оппозиции этот договор может быть расширен и дополнен ее требованиями, ее интересами, тогда о его подписании молено подумать. А пока это просто бумага.»

/Из Бюллетеня № 34 заседания Государственной Думы 20 мая 1994 года. Предметом дискуссии стали высказывания комментатора Российского телевидения Н. Сванидзе в адрес некоторых депутатов/

Невзоров А. Г. «Я хочу вас уверить, что та ложь, которая раздражает три четверти этого зала,— ложь безостановочная, ложь искусная, ложь, которая делается путем умелого (научились уже, слава Богу, за годы перестройки) смещения вроде бы невидимых акцентиков, будет продолжаться. И гарантия того, что эта ложь будет продолжаться,— даже, скажем так, та определенная порядочность тех людей, которые эту ложь распространяют. Да, они сделали себе СВОЙ. скажем так, идеологические лица, они сделали свой

идеологические накопления в страшнейшие для нашего Отечества последние три года. Мы помним, что они проповедовали, поэтому для них теперь идти на попятную невозможно. А вы для них - живой раздражитель, живое зло, и, как вы сами понимаете прекрасно, три четверти этого зала всегда будут ненавидимы телевидением с определенной идеологией. Что там Жириновский, что там обвинения в каких-то взятках?! Буквально на днях некто Сторожилов, по моему, который ведет «Момент истины», или, извините, Караулов, — он употребил слово «мразь» по отношению к мальчишкам, у которых вся грудь в орденах, мальчишкам-добровольцам из Приднестровья, мальчишкам-добровольцам из батальона «Днестр» и других добровольческих и регулярных формирований Приднестровья, мальчишкам, которые действительно своей грудью закрыли родную нам с вами русскую и русскоязычную республику. И это слово «мразь» там - норма, это слово «мразь» не обсуждается и не осуждается. Я был великим хулиганом в эфире, но слово «мразь» я себе не позволял никогда. Равно как и вот так вот, с кондачка (кому-то не понравилось это выражение) просто подкинуть идею о каких-то взятках.

Это ненависть! Это ненависть, и вы должны себе очень хорошо отдавать в этом отчет. И ненависть говорит устами так называемого российского телевидения. И это гарантия того, что эта ложь будет. Леуш^кин, замечательный Леушкин предложил до решения суда не лишать российское телевидение аккредитации здесь, в Государственной Думе. Но я могу вам сказать, что пока мы будем ждать решения суда, у нас возникнет необходимость ждать решений еще пяти^{ти} судов! Потому что подобные ситуации будут повторяться и, скажем так, мягко говоря, нелюбовь

практически ко всей этой Государственной Думе... Вы же для них все равно... ведь они улыбаются, мило говорят... Приходит с моржовыми усами Лысенко и что-то объясняет про часы в эфире... Но мы же прекрасно знаем, как много они могут сделать в деле «разжигания национального согласия», что мы для них все равно «красно-коричневые псы», что мы для них все равно нечто, безумно мешающее этой стране на ее пути к «светлому будущему», что мы все равно фашисты и нелюди. И они это знают твердо, и в решительные минуты у них всегда это проскальзывало - и 19 августа, и в марте 1993 года, и в октябре 1993 года. Поэтому они будут лгать, поверьте мне. Исходя из этого считаю необходимым поддержать

Анатолий Лукьянов и Александр Невзоров.
Государственная Дума. Январь 1995 года

В кабинете депутата А. Невзорова.
Государственная Дума 1994 год

проект, представленный Леушкиным, о создании собственного телевидения. Плохое оно будет, хорошее, но это будет по крайней мере свободное от этой безумной и агрессивной лжи телевидение.

И о второй мере. Вы напрасно переоцениваете корпоративность журналистов и их храбрость. Это редкостно трусливая братия ни на какую корпоративность вообще не способна. Иногда по идеологическим признакам. Поэтому жестокое, совершенно справедливое и спокойное наказание для российского телевидения - лишение аккредитации и возможности снимать в Думе - абсолютно правомерно. Врешь - ври за порогом. Это наш дом, они приходят сюда, а потом, выйдя за порог, обируют нас. Такого, конечно, допускать нельзя, и надо спокойно и без всяких эмоций, без эксцессов пойти на это волевое решение о лишении российского телевидения аккредитации здесь на какое-то время. Вы посмотрите, насколько сразу уменьшится процент вранья в останкинских и других телепередачах! Я хорошо знаю этот корпус и знаю его исключительную трусость. И, конечно, необходимо принять высказанный, прочтенный и доложенный нам товарищем Леушкиным законопроект о собственном парламентском телевидении.

/Из Бюллетеня № 40 заседания Государственной Думы 15 июня 1994 года. Идет обсуждение порядка работы./

Невзоров А. Г. Уважаемый Иван Петрович, уважаемое Собрание! Не знаю, как Москва и Россия, но то, что Санкт-Петербург, представителями "которого мы здесь являемся, втянут в весьма скверно пахнущую авантюру, это совершенно точно. Я имею в виде так называемые Игры доброй воли. Вы знаете, вероятно, что по плану в 1993 году должно быть выпол-

нено 70 процентов работ по подготовке к Играм доброй воли. На данный момент выполнено 42 процента. Причем не забывайте, что приедут люди, которые привыкли к тому, что спорт - это очень дорогое и очень комфортное дело. Назревает скандал. В Санкт-Петербурге, в гребном канале, где должны проходить соревнования по гребле, как лежал КамАЗ, так и лежит. На стадионе имени Ленина каток пытается ездить и раздалбливать какие-то засохшие островки асфальта. И все в таком же кошмарном состоянии, как и было.

Посему я предлагаю соответствующему комитету Государственной Думы рассмотреть этот вопрос в оперативном порядке и рекомендовать Правительству отмежеваться от позора, который неминуемо будет. Неминуемо и непременно, потому что не приглашают на пепелище гостей, а Петербург сейчас, увы, пепелище. Поэтому я и предлагаю поручить комитету Государственной Думы организовать туда, так сказать, оперативный выезд и осмотр места с соответствующим заключением и соответствующей рекомендацией Правительству, чтобы возложить персональную ответственность на весьма легкомысленных устроителей этих Игр Доброй Воли.

И второе. Близится 22 июня - трагический и священный для всех день борьбы с нацизмом. Поэтому странно все-таки, что мы с нацизмом никак не боремся. Когда на русской земле, где стоят памятники Минину и Пожарскому, Кутузову, возникает движение, к примеру, Баркашова - «Русское национальное Движение», - то об этом орет вся пресса, это показывает телевидение, об этом кричит радио, и богородичные звезды, которые являются символами этой организации, почему-то выдаются за свастику. Но когда ^{На} русской земле возникают сионистские боевые организации типа «Бейтара», все почему-то молчат. Не-

давно председатель ФСК Степашин туманно и уклончиво сказал, что да, ему известно о «Бейтаре», как и о других организациях. Я предлагаю в рамках программы борьбы с нацизмом поручить Комитету по безопасности во взаимодействии с ФСК внести наконец ясность, что же это такое — боевая сионистская организация «Бейтар».

Выступлений было много... Почти на каждом заседании...

ЧЕЧНЯ: «ЭТО - ЕДИНСТВЕННЫЙ ВАРИАНТ...»

— *Почему вы поддержали операцию в Чечне?*

— Я за закон. Российские войска пришли задавить несколько тысяч бандитов в Чеченской республике Российской Федерации, и закон на стороне столь нелюбимого мною правительства. Потому я и поддерживаю эту акцию, как поддерживал бы хирургическую операцию без наркоза. И меня не волнует, сколько там положили бандитов. Пусть хоть всех убьют. Если медик нормален, операция всегда бывает оправданной...

— *Нынешний «чеченский сценарий» вы считаете ошибочным?*

— Он абсолютно реален. И это единственный вариант, который вообще остается у России, если говорить серьезно. Конечно, деятели типа Юшенкова совершили колоссальную ошибку. Да освобождай ты Пленных, да делай ты все, что подсказывает тебе со-

весть! Но не смей устраивать из секретов государственного значения — шоу!

- *Об этих «секретах» чирикали все воробьи на петербургских и московских крышах...*

— Поэтому и надо снять Степашина, что и произойдет в ближайшее время. И снимут его исключительно по старому спартанскому принципу: бить не за то, что украл, а за то, что попался. Все то, что он делал, надо было делать, но секретить надо было надежно!

- *Удержать Кавказ при помощи, по вашему же признанию, профнепригодных силовых структур - не утопия ли это? Не проще ли предоставить горцев их собственной судьбе?*

— Секундочку! Вы за Конституцию голосовали? А ведь Чечня признается составной частью Российской Федерации, а попытка нарушить целостность последней рассматривается как одно из тягчайших преступлений!

- *Артобстрелы и бомбежки собственных городов, по-вашему, более «конституционные»?*

— Есть огромное богатство — земля с домами, коровами, строениями, людьми. Почему мы должны это кому-то отдавать или передавать? Почему то, за что заплачено кровью, мы должны отдавать даром или почти даром?

- *Что же это за «огромное богатство», которое вместо прибыли и процветания приносит одни убытки и разорение, не говоря уже о человеческих жертвах?*

— Ну, милый мой, если так рассуждать, то можно вообще все потерять!

- *Вы утверждаете приоритет Великой Державы над всем?*

— Совершенно верно. Поскольку это единственный выход для этой страны. Иначе — «война всех против всех». Я просто чувствую сильнее, чем все остальные,

логику развития этой колоссальной части суши и знаю, к чему приводит здесь свобода. Я просто много книжек читал и к тому же был очевидцем событий настолько страшных, что они даже присниться не могут. Демократы толкуют о свободе, а я своими глазами видел расстрелянный детский садик в Бендерах. Это может кому угодно психику изменить. Поэтому я знаю, что если нет приоритета государственной машины над всем остальным (как бы я ее ни ненавидел сам!), то в этой стране начинается хаос.

- Стоит ли ограничивать свободу на территории всей страны во имя поддержания «железного порядка» на национальных окраинах?

— При чем здесь окраины? А октябрь 93-го, когда я похоронил сразу 14 своих друзей? Они погибли в Москве!

...Наши войска, что бы ни говорили о них, дерутся великолепно. Дерутся отважно, хотя и несут большие потери. Не надо только им мешать. Нашей армии надо дать возможность спокойно сделать свое дело.

Можно ведь было и снимая Сталинградскую битву показать массу несчастных немцев, их ревуших детей, ждущих своих пап домой. И — наших грязных солдат, голодных, холодных. И все это было бы правдой. Но и — подлостью. Надо брать тот опыт фронтовых операторов, которые снимали героику, проходя мимо тех естественных настроений, которые бывают во время действий любых армий.

**ЧЕЧНЯ:
«РОДИНА - ВЫШЕ ПОЛИТИКИ»**

*Президенту Российской Федерации
Ельцину Б.Н.*

Господин Президент!

Видит Бог — я не был и не буду Вашим сторонником, но в чрезвычайно сложную для нашего Отечества минуту - я готов способствовать укреплению государственной власти в России всеми возможными для меня способами.

В России - несчастье. Простите за резкость - но ублюдочность средств массовой информации опять может оказать роковое влияние на ход событий. По сути дела - опять - средства массовой информации - практически все - развернули войну против Российской государственности, против порядка, закона и Конституции. Естественная, необходимая, траги-

ческая операция на Кавказе — выставляется как авантюра правительства, как пример кремлевского скудоумия.

России отказано в праве естественном для всякой державы - навести порядок на своей земле. Причем отказано в этом праве - вышедшими из-под контроля государства государственными средствами массовой информации, направляющими общественное мнение, деморализующими армию и флот, личный состав МВД и ФСК.

Да, чеченский народ, безусловно, прекрасен и неповинен. Да, машина государственного возмездия - тяжела и безжалостна. Да, война вообще - штука страшная. Да, российские солдаты — не выпускники Оксфорда или Гарварда - они грубы, как и все солдаты в мире, но установление законности и порядка - еще никогда не достигалось иным путем, кроме пути весьма жесткого.

Суть дела на данный момент заключается в том, что один человек - подставляет весь народ, прекрасный и неповинный народ, ибо не может президент Чечни не понимать, под какую страшную машину швырнул он тысячи и сотни тысяч наивных, гордых и смелых своих граждан.

Россия, ее государственная власть - обязаны восстановить порядок и законность. В данный момент - любыми средствами.

Решение этого наиважнейшего вопроса - затруднено действиями средств массовой информации ведущими откровенную антигосударственную пропаганду.

Общественное мнение - практически полностью заражено симпатией к врагам России -и ее государственности, к преступникам, формирующим банды, подставляющим свой народ под неизбежный меч государственного возмездия за смуту и преступления. Эта провокационная симпатия нагнетается всеми

средствами массовой информации - ежедневно и ежечасно. Выскочки, не видевшие ни жизни, ни войны, с экранов выносят приговоры России и ее исторической роли - объединительницы и хранительницы народов.

В этот сложный час, когда те, что всегда вели себя в отношении вас по-холуйски, а ныне по сути - предали, я, Ваш. противник, предлагаю Вам помощь.

Россия никогда не будет полноценной державой, если ее общественным мнением будут манипулировать люди, отказывающие ей в праве защищать свою целостность, независимость и порядок.

Не буду лукавить - свою помощь я предлагаю Вам лишь на тот период, когда под угрозой находится государственность, целостность и сила нашего Отечества.

Депутат Государственной Думы, главный редактор ТО «Север» ГТРК «Петербург- 5 канал»
Невзоров А.Г.

p.s.

Данное письмо передаю Вам через Вашего помощника, уважаемого мною Георгия Сатарова.

Не возражаю против появления его в печати.

Чечня поставила с ног на голову все и вся... Результатом чего стала и следующая переписка.

НЕВЗОРОВ - ПРОХАНОВУ

Милостивый государь! Не обращаюсь к вам как к старому другу и боевому товарищу, ибо та легкость, с которой ваша газета оскорбила меня, в известной степени перечеркивает ту дружбу, что связывала некогда мою программу и вашу газету.

Вы так и не сумели - в тяжелейшую и решительную минуту — бросить свои политические игрушки и понять, что Родина выше политики, что война, а истинную ее опасность и масштабы вы не можете себе не представлять, аннулирует все и в прошлом, и в будущем — ибо ее реальность, реальность войны, на данную минуту определяет все, и надо быть слепцом и дураком, чтобы полагать себя свободным от участия в войне, которую за наши исконные земли ведет наша Родина,

Я себя свободным от обязанности драться не считаю. И не очень понимаю людей, которые дезертирство объясняют отсутствием симпатии к командованию, или старыми, пусть и справедливыми, обидами на него.

Это — моя война, коль скоро она - война России за земли и целостность. Изыскание политических или нравственных причин неучастия в ней - обычная интеллигентщина и в конечном счете — трусость, с моей точки зрения,

Я не вижу, уж извините, Александр Андреевич, никакой и принципиальной разницы меж Вильнюсом 1991 года и Чечней 95-го... Единственная разница заключается лишь в том, что тогда войну вели симпатичные нам чиновники и вояки — а ныне не слишком нам симпатичные, да и виноватые пред нами, но это - не повод бежать с передовой, поглубже в тылы и там строчить «антивоенную» брехню.

Сейчас «Завтра» прибавляет сил тем, кто убивает наших солдат и жжет наши танки с экипажами, сейчас «Завтра» едины со всеми врагами страны: с Гайдаром и Бурбулисом, с блаженным Адамовичем Ковалевым и «Таней»... Приехали...

И я повторяю вам, Александр Андреевич: мы долго были едины, и чеченская война — война России за огромный кусок своей земли — это наша с вами война,

от участия в которой вас никто не освобождал, и у вас все равно - как и у меня - нет и не будет выбора: за Россию или против нее. И вы, и я свой выбор давно, кажется, сделали... Так будьте же верны ему, Александр Андреевич.

17.01.95 г.

ПРОХАНОВ - НЕВЗОРОВУ

Признаюсь, меня больно заделли ваши высказывания в мой адрес, где вы сравниваете меня со слепцом и дураком, упрекаете в трусости и дезертирстве. Ваша отвага известна и не вызывает сомнения, особенно та, с которой вы меняете убеждения и друзей и переходите из стана в стан.

Вы называете войну в Чечне вашей войной. Право, это комично. «Война Невзорова» звучит так же, как «Лошадь Пржевальского». И это фанфаронство оскорбительно для реально воюющих мотострелков и десантников.

Вам было угодно метнуться в объятия режима, восхваляя Степашина и Грачева, демонстрируя свою дружбу с Сатаровым и Шахраем. Вы полагаете, что оказываете этим самым услугу воюющей в Чечне России.

Но ведь русских солдат в Чечне, посылаемых в бой Грачевым, он же и убивает оружием, которое передал Дудаеву. Но ведь войну в Чечне вместе с вами поддерживает и Козырев, который тем самым втягивает Россию в конфликт с мусульманским миром, - конфликт, столь любезный Америке. Вы, казавшийся мне русским государственным, содействуете разрушению остатков империи, делаете невозможным ее воссоздание с будущим.

Точка зрения «Завтра» сводится к тому, что режим, сфабриковавший военно-криминальное государство в Чечне в 91-93 годах, а теперь с помощью самолетов и танков разрушающий это государство, преследует не цели России, а свои собственные, предлагая обществу отождествить эти цели. Эксплуатируя естественный для русских патриотизм, желает списать весь груз своих ошибок и преступлений «на войну».

Не сомневаюсь, что персоны, в чьей компании вы теперь намерены появляться, обрадуются шумному и эффектному разрыву с «Завтра», который вам угодно было продемонстрировать. Надеюсь, вы нашли, наконец, свою политическую и моральную нишу в кругах тех, кто истребил Советский Союз, бездарно разбомбил один из городов России и намерен украсить патриотической геральдикой свои наворованные состояния, заслоняя этой бутафорской символикой народные слезы и кровь.

22.01.95 г.

Позже разногласия с А.Прохановым были преодолены. И трудно найти странном ответ на следующий вопрос корреспондента:

— Как ни странно, сегодняшняя ваша позиция оказалась близка взглядам многих, отнюдь не оппозиционно настроенных политиков, серьезных бизнесменов, да, просто рядовых людей, которых сложно заподозрить в «нашизме».

— Я не буду называть фамилий, но сейчас очень многие и странные, скажем так, для меня люди, подходят и говорят, что зауважали, так сказать, поняли. Среди них — известные в прошлом и настоящем деятели демократического стана. А очень многие из так называемых «нашистов» мне стали совершенно чужими. Я даже со своим близким другом, почти братом,

Александром Андреевичем Прохановым разругался. Его «Завтра» стало вести абсолютно истерическую, антивоенную политику.

- И если он вдруг сейчас войдет к вам и протянет руку, вы ему своей не подадите?

— Отчего же? Подам. И скажу: «Ну и сволочь же ты, Александр Андреевич». Если моя страна ведет войну, то, как бы я ни относился к руководству этой страны, я обязан в войне участвовать. Кто стреляет из автомата, кто корпию щиплет, кто кино снимает. Просто нормальный человек обязан это делать — точно так же, как защищать закон, хотя в России это всегда было не-по-пу-ляр-но.

ЧЕЧНЯ: «СПОКОЙНЕЕ И ПРОЩЕ С ЭТИМ СПРАВИТСЯ АРМИЯ...»

«Так получилось, что под влиянием политических страстей почти вся пресса настроена в связи с чеченскими событиями на антивоенную или даже антиармейскую волну. Не удивительно, что это вызывает у части общества активный протест...»

(С-Петербургские ведомости,
18 января 1995 года)

«Беслан! Беслан! Здесь русские солдаты, в подвале. Веди сюда депутатов; эти козлы умеют заставить своих сдаваться!»

(Радиоперехват)

Это выступление прозвучало в Государственной думе в разгар чеченских событий.

Честно говоря, я не понимаю, зачем мы так много времени тратим на ритуальные фразы о каких-то правах человека и о каком-то гуманизме. Мы все прекрасно

помним, как в Москве снарядами точно так же расстреливали и раздирали живое мясо живых людей. Я думаю, что другой половине зала тоже легко удастся скрыть слезы на глазах, если подобная неприятность случится с первой половиной зала. Поэтому давайте прекратим эти фразы о гуманизме и о правах человека. Нані гуманизм всем хорошо известен, цена ему — грош, копейка. Мы, к сожалению, кровожадны, как и все политики. То, что происходит сейчас в Чечне, требует, скажем так, особой ответственности со стороны Государственной Думы.

Никто не задумывался над тем*, скольких трупов нам стоило присутствие депутатов Государственной Думы на той половине, вдохновляющее и своей высотой, и своим саном, и своим положением, и тем, что бандиты, среди которых находятся депутаты, уже не бандитами себя ощущают? Это очень легко — забраться в бункер дудаевского дворца и оттуда кричать, как плохо живется бандитам, как плохо, как голодно, холодно и как по ним стреляют. Почему-то на российской передовой я не видел ни одного из этих трескунов-миротворцев.

Никто не считает отрезанные головы наших солдат, никто не считает отрезанные руки, никто не считает снаряды, которые летят к нам. Никого там нет. Есть только на той стороне — людей, которые организовали вооруженный мятеж по отколу огромного куска российской территории, врагов России, — есть только на той стороне депутаты Государственной Думы, вдохновляющие этих бандитов убивать русских солдат, жечь русские танки.

Да, можно говорить о трупах, можно говорить о несчастных мирных жителях, я, честно говоря, тоже, как вы знаете, был в Грозном ночью. Там стреляют даже по огоньку сигареты. Как можно ночью в темноте считать трупы, мне непонятно — там черно (реплика на

слова «выбороссовца» который ночью на площади сосчитал сотни трупов русских солдат). Любая вспышка света — выстрел в ответ. Неважно, храбр ты или нет: поднес зажигалку к лицу лежащего, чтобы определить, труп это или нет, тебя «кокнут», потому что наши снайперы тоже это видят.

Я вам скажу: да - трупы, да - кровь, да - беженцы, да! Но предъявлять претензии к войне - это все равно, что предъявлять претензии к Марсу за то, что у него нет атмосферы. Она такая — эта реальность, она - есть.

Тот подонок, который сунул свой народ, великолепный чеченский народ, под страшную машину Российской армии — Дудаев. Виноват во всем этом, безусловно, он. О каких переговорах с ним, о каком политическом урегулировании можно вести речь? На что он надеялся, почему никто из присутствующих себе этого вопроса не задает? Зачем спровоцирована их стороной вся эта война?

Сейчас молеем разбираться, можем не разбираться, откуда вся эта техника у чеченцев. Я вам могу сказать, что наши войска, что бы здесь ни говорили, какую бы мерзость ни плело телевидение, дерутся великолепно, дерутся отважно, неся большие потери. Я знаю точную цифру потерь, но я не буду ее называть, потому что это не играет роли — не играет роли не в смысле человеческом (три трупа — это все равно много для троих матерей), а в том смысле, что для армии 300 человек - это не так много. К тому же, я думаю, за это время на Дорогах России в ДТП погибло ровно столько же вообще ни за что.

Мы не будем сейчас говорить об убитых, хотя я имею право говорить, потому что я действительно был не в чеченском бункере, а на передовой, где рядом со мной разорвало четырех солдат. И этот момент снят. Я привез фильм о Чечне, о передовой группы «Север»

(это - генерал Рохлин, который стоит в 127 метрах от дудаевского дворца)... Вчера какой-то толстенный, с усами, представитель пресс-службы правительства сказал (по поводу некоторых сцен этого фильма), что это чересчур жестоко, давайте мы это выкинем, подкорректируем. Я, разумеется, его послал...

Престиж депутатов российской Государственной Думы поразительно мал как у солдат, так и у чеченцев. У меня находятся данные радиоперехвата, где прямо сказано: «Беслан! Беслан! Здесь русские солдаты, в подвале. Веди сюда депутатов; эти козлы умеют заставить своих сдаваться». Известно, что Ковалев выходил на армейские радиосети с призывом к солдатам не повиноваться приказам офицеров. Известно, что... (Выкрики из зала).

Почему никто не говорит о такой вещи... Ведь, это же известно, информация была еще две с половиной недели назад: врачи Минвод, обследовавшие наших военнопленных, которых нам удалось отбить, военнослужащих из внутренних войск, обнаружили что все 12 - кастрированы.

(Из зала: Негодяи!)

Почему молчат об этом?

Россией ведется тяжелая, жестокая война, ведется не с народом, не с бандформированием - с армией. Да, у них на той стороне армия, и в этом надо отдавать себе отчет, потому что бандформирование не может применять так грамотно тяжелую технику. На той стороне собрались практически все враги России. У нас же - мальчишки. Настоящих «псов» войны, которые умели бы умирать и убивать, очень мало. Я на северном фронте их насчитал едва сотню. Но когда видишь парня танкиста, под которым сожгли четыре танка (первый танк сожгли 31-го. Он, контуженный, пересел 1 января в другой танк, потом в третий, сейчас воюет на четвертом), но который говорит, что это наша земля, отдадим

Чечню - распадется Россия... Почему-то там каждый комбат умнее вас всех, Государственная Дума! Там каждый комбат понимает, за что он дерется.

(Выкрики из зала).

Пусть Государственная Дума занимается законами о воде, о земле.

Пусть прекратится вой по поводу Чечни.

Нашей армии надо дать спокойно сделать свое дело. Чем дольше будет длиться операция, тем меньше будет жертв. Когда отсюда начинается истерика - Ельцин «хлещет армию по задам». Армия начинает переть вперед и несет потери... Чем меньше будет разговоров о войне, тем спокойнее и проще справится с этим армия, и не будет никакой партизанской войны.

Поэтому я призываю, прошу Государственную Думу не принимать никаких решений, предложенных «гуманистами» и «человеколюбцами» из бункеров Грозного, откуда направляются снаряды в наших солдат, и прошу каждого депутата действительно осознать меру своей ответственности и организовать... Самое лучшее, что можно было бы сделать для того, чтобы дать армии действовать спокойно, — это организовать полную информационную блокаду.

— Из репортаже «Ад», и в выступлении в Думе вы весьма нелюбезно отозвались об журналистах. Расскажите как очевидец об организации работы средств массовой информации в Чечне.

~ Средства массовой информации в Чечне, по сути, не работают. Там работают несколько **стрингеров** «Рейтера» — с той стороны, с чеченской. **На стороне** российских войск работают несколько добросовестных журналистов из «Красной звезды», с

«ВоенТВ» — причем все они совершенно спокойно передвигаются по местам расположения войск. Но они, конечно, находятся в известной зависимости от решения полкового или дивизионного командира: пустить их куда-то или не пустить. Впрочем, чаще всего запреты связаны с опасностью для их жизни.

— По передачам видно, что репортеры российских «Вестей», репортеры НТВ, как правило, находятся в расположении чеченской стороны. И при этом недавно в интервью для программы «Время» директор ФСК Степашин признал тот факт, что журналистов не допускают в войска, и назвал это ошибкой.

— Ну, я думаю, что Степашин напрасно назвал это ошибкой. На самом деле туда, конечно, журналистов допускать нельзя. Хотя бы потому, что в войсках чрезвычайно злы на прессу. Но я могу это объяснить: тошно быть постоянно поливаемыми грязью.

— А тут не обратная последовательность? Не было ли сначала недопущения журналистов, которым в связи с этим ничего другого не осталось, как идти на чеченскую сторону?

— Ну, это неправда. Когда все началось, давайте вспомним, совершенно спокойно снимали — те же самые «Вести», те же самые «энтэвешники» — прохождение колонны в Назрани. Причем в кадре были нормальные солдаты, нормальные люди — все это было.

— И в репортаже, и, в вашем выступлении в Дум? были выданы резкие оценки: журналистам, Думе, конкретным депутатам. Вы сказали «блаженный старичок» об одном из них. Почему? И почему вы использовали хлесткую фразу «здесь любой солдат и любой комбат умнее Госдумы»!

— Потому что Думе для того, чтобы понять простейшие вещи, необходимо пять или шесть заседаний, а там, на войне, люди все понимают сразу и живут в этом понимании. А «блаженный старичок»... Что тут скажешь? Вот есть у нас Конституция, есть у нас законы, которыми мы руководствуемся. И есть бандиты, по сути дела — вооруженные формирования, которые воюют против нашей армии. Ты представь себе, как вдохновляюще действует на бандитов присутствие среди них столь высоких лиц, как депутаты Государственной Думы. Бандиты перестают чувствовать себя бандитами. Или другое: войскам нужно брать дудаевский дворец. Это действительно очень важная, стратегически важная точка в городе. Отсюда открывается огромный плацдарм для действий войск — то, чего так не хватает в узких улочках. А за дворцом и парк, и лес, и открытые пространства — то есть то, что войскам так необходимо. Но они не имеют возможности взять дворец, потому что не могут подавить огневые точки противника на первом и втором этажах. Тяжелые огневые точки. У них туда закатаны гаубицы, у них там минометы, у них там гранатометы в большом количестве. И колоссальное количество боеприпасов. Вынуждены посылать пехоту на эти огневые точки. А пользоваться орудиями для подавления не могут: там сидят наши депутаты. Их пребывание в бункере президентского дворца или в других местах скопления боевиков обходится российской армии в среднем по 10-12 человек в день.

Алексей Зырянов, солдат
Псковской воздушно-десантной дивизии.
Госпиталь, 1995 год.

В одной из передач «Останкина» был сюжет о вывезенных в Моздок трупах...

— Нет, это живые. И это только один пример. Но я не хочу заострять внимание на этом. Есть обратная сторона — байки наших миротворцев о прямо-таки нежном отношении боевиков Дудаева к нашим пленным. Например, басни кого-то из депутатов о том, будто кто-то из российских солдат впервые чего-то горячего отведал в чеченском плену. Я вот что могу сказать: всю Чечню объездил, всю армию видел — наши солдаты, когда не стреляют, только тем и заняты, что жуют что-нибудь без остановки. Дымят полевые кухни, костерки, варятся какие-то бесконечные супы, лапша, картофельный суп, фасолевый суп... И довольно вкусно все, сам пробывал. И все безостановочно едят — как и полагается армии...

— Почему же вопреки мощно выраженной государственной воле, большинство журналистов и СМИ выступают против конфликта в Чечне военным путем?

— Большинство журналистов — это люди милого тепличного интеллигентного склада характера. Дело даже не в том, что они подкуплены, хотя существует документ и я с ним знаком как член комитета по безопасности Госдумы. Они не понимают страшной неизбежной реальности, стоящей за словом «война». Но, к сожалению, есть ряд наиболее крикливых, наиболее заметных, наиболее квалифицированных СМИ, которые по инерции еще с 1991 года действительно воюют против всякого проявления государственности. Набор их слишком хорошо известен. Пресса не имела права так реагировать. В отличие от нее я в течение года был отлучен от своей профессии. У меня гораздо более жесткие отношения с нашим руководством, чем у всех журналистов этой страны. Тем не менее я сумел Перешагнуть через свою, скажем так, нелюбовь к нему, Когда возникла необходимость, в отличие от людей,

которые работают в СМИ и, по сути, воюют против нашей армии, выбирают позицию абсолютно негосударственную.

— *Почему вы считаете их позицию антигосударственной, а не свою? Ведь именно такое кровавое умирение непокорных может развалить государство, оттолкнуть от России тех, кто еще вчера к ней тянулся. Какой подход называть государственным?*

— Тот, что предлагает силой объединять набор народов, земель, краев, областей, составляющих Россию. Силой, потому что мир не знает другого аргумента. Что бы вы мне ни говорили, иного не дано. Проявив бессилие, мы потеряли Советский Союз с его феноменальными богатствами — нам преподали урок, что дипломатией, мягкостью, уговорами ни одну землю не удержать. Вспомните: Юрий Долгорукий, Александр Невский, русские цари не проповеди читали — они посылали солдат. К счастью, тогда не было средств массовой информации...

— *И массового уничтожения...*

— Кстати, эти средства весьма относительно. СМИ действуют куда более глобально.

— *Не хватало нам нанести по Чечне ядерный удар. Хотя, следуя логике военных, можно и так поступить?!*

— Честно говоря, не вижу необходимости в этом. Пока Чечня сама не купит где-нибудь такую бомбу.

— *Вы встречались и с московским руководством. Там, наверно, вам не пытались подсказать, как делать фильм?*

— Нет, абсолютно, хотя и с Шахраем, и с Филатовым, и с Сатаровым по этому поводу я подробно беседовал. Как ни странно, на этом уровне решались оргвопросы: о самолетах, о камерах, о людях, о возможности повлиять на руководство питерского ТВ — чтобы мне была предоставлена техническая помощь. По-мо-

ему, только Сатаров позволил себе рекомендацию, чтобы я «присущий мне экстремизм» постарался ввести хоть в какие-то рамки, и то в мягкой форме. Я настолько скандальный, насколько печально известный человек, но все-таки в вопросах серьезных мне доверяют. Ведь я бы мог воспользоваться ситуацией и сделать все что угодно.

- Власти этого наверняка опасались.

— Думаю, что на уровне Филатова, Сатарова, Шахрая не боялись. Потому что знали присущую мне ответственность. Кроме всего прочего, мы выяснили, что не так уж много между нами чужого и непереступаемого.

- Аппаратную для монтажа вам все-таки не выхлопотали?

— Нет, несмотря на официальную просьбу правительства — она исходила от министра Сергеева, который связался с Курковой, объяснял, что это правительственный заказ, но Бэлла Алексеевна решила стоять до конца — она здесь такой маленький Джохар Дудаев. Не понимаю, что ею движет, если есть согласие правительства со мной сотрудничать.

- Итак, ваше отношение к власти изменилось?

— Изменилось в лучшую сторону, конкретно в связи с Чечней. Я увидел первый государственный поступок власти. Но она еще не настолько тверда, чтобы закрепить его, поэтому я насторожен. Я выполнил свой долг и, ясное дело, не жду за это наград или милостей, как год назад. Вот если говорить о гражданском примирении... Там я случайно встретил человека, который руководил моим арестом 4 октября. И мы абсолютно беззлобно друг к другу отнеслись. Даже с теплотой, как и положено на фронте. Так и с правительством сегодня нужны братские фронтовые отношения. Хотя, я в самом начале этих событий написал в письме к Ельцину, что нынешние действия его команды мне

дьявольски напоминают действия моих друзей Язова, Крючкова и других. Напоминают неумением справиться с прессой.

— *Что вы имете в виду?*

— Самые жесткие репрессивные меры в отношении журналистов и изданий. Потому что в такую минуту каждый из вас должен, прежде чем выдать свою публикацию на страницы или в эфир, увидеть ее глазами того самого солдата на передовой. Я бы, наверное, удавился от стыда, если бы меня не поняли мальчишки, с которыми я встретился там, на фронте. Вот этот Игорь Григоращенко, который как бы мелькает в эпизоде, но является настоящим героем этого «Ада» — и ада без кавычек. Он, кстати, погиб через два дня после съемки — на том же самом месте. Вот если бы эти люди скорчили гримасу от того, что я сделал, если бы мне в лицо плюнул в 91-м вильнюсский омоновец — мне было бы больно.

— *А если бы, простите, плюнула бы мать убитого литовца, чеченца, русского?*

— Утерся бы. Даже не произвело бы особого впечатления.

— *Знаете, этой своей незыблемой принципиальностью и готовностью идти на конфликт с кем угодно вы здорово напоминаете еще одного своего политического антипода, который тоже сейчас очень активно действует. Наверное, понятно, о ком идет речь?*

— Нет, и о ком же?

— *О Сергее Адамовиче Ковалеве.*

— Я не вижу никаких принципов у этого старичка. Это нормальный такой юродивый вариант, очень приспособляющийся, очень хитренький...

— *Простите, не слишком ли — в отношении человека, прошедшего лагеря?*

— Так вы же не знаете, за что? Вы дело читали? Вы видели, скольких он товарищей заложил?! Так стоит ли говорить про героический нимб?! Нет никакого нимба! Когда расстреливали нас — где был предсе-

Чечня, 1995 год

Датель Комиссии по правам человека? Поэтому...

- Скажите, вы-то сами читали дело?

— Думаю, что на этот вопрос я вам все равно не отвечу.

- И куда вы теперь - снова в Чечню?

— Думаю, да. Не могу доверять и оставить прессе этот важный вопрос информационного обеспечения. К тому же, повторяю, у меня сложились братские отношения с руководителями операции.

ЧЕЧНЯ: НА ЛИНИИ ОГНЯ

Первая поездка съемочной группы в Чечню была как бы на разведку, «как бы неопасной». Следующая, вторая - уже без всяких «как бы».

Вспоминает участник съемок, Юрий Краснов:

«Северной окраиной добрались мы до консервного завода. Там был штаб, или, как говорили, тыловая ставка Рохлина, генерала, который командует штурмом. Там ребята ремонтировали БТРы, готовили еду, чтобы доставлять ее на передовую. И вот от этого штаба до основной ставки генерала - всего три километра. А ставка - в разрушенном, раздолбанном снарядами здании, в трехстах метрах от дудаевского дворца. Чудом уцелевшая комнатка, котельная какая-то, вокруг нее все горит, дышать нечем, все время в здание шлепают снаряды.

Несколько раз мы путешествовали от консервного завода к этой ставке, в БТРе, в касках, в брониках, без них нельзя. Вся-то дорога минут десять-пятнадцать, и каждый раз это были минуты жесточайшего напряжения. Могли доехать, а могли не доехать, и все это знали. Каски и броники? Да, они как-то успокаивают. На самом деле защищают только от слу-

чайных попаданий. Потому что снайперы бьют очень профессионально, умелые у них снайперы - попадают подмышку, в шею, четко попадают. Мы не видели пойманных снайперов, их при нас не ловили, но нам много про них рассказывали. Больше всего наемников-моджахедов из Афганистана и Пакистана, еще из Прибалтики. Эти, прибалтийские, как говорят, самые жестокие.

Дважды по дороге к ставке нас обстреливали. Второй раз был настоящий бой. И мы, сидя в БТРе, помогали ребятам, набивали рожки автоматные, а я, вот, ввинчивал запалы в гранаты. Ощущение было не из приятных. Сидишь в машине, как в банке железной, - ничего не видно, грохот адский, а по броне --трах, трах - пули чиркают. Хорошо, не было у них в тот раз бронебойных пуль и гранатометов, иначе бы мы и не вышли из этого БТРа...

Бой, тот, знаменитый, который в репортаже «Ад» показан, мы все снимали. Там такие бои постоянно. Снимали мы разными камерами, в разных местах, но, конечно, не сняли многого. Как ее снять, войну? Напрямую, чтобы по-настоящему? Вокруг - бронетехника, солдаты бегают, стрельба непрерывная, разрывы снарядов. Раненых переносят. И понимаешь, что в любой момент сам можешь быть убит. И снимаешь.

Там был момент страшный. На глазах у ребят их командира убило. Разорвало на куски... Они сами - кто контужен, кто ранен. Те, кто на ногах, помогают тем, кому помочь еще можно. Несколько человек собирают, складывают на носилки тело командира. И тут Виктор Михайлович, наш первый оператор, кидается это снимать. Понимаете? Ребята, словно в коме, ничего не соображают - и вдруг какой-то невесть откуда взявшийся мужик с камерой снимает эти кровью залитые трупы и их... Им в тот момент наплевать было, что и его могли тут же накрыть. Они автоматы навскидку - миг и замочили бы Михалыча... Он это понял и закричал что есть силы: «Ребята, я из «600 секунд»! Мы должны показать всю правду о войне!»

И у них - не в сознании, сознания не было, а в подсознании каком-то - все-таки сработало: «600 секунд»! Свой! Нельзя Потрогать.»

Тогда и родились следующие репортажи.

1.

ЧЕЧНЯ. СЕВЕРНЫЙ ФРОНТ.

В кадре, вдали - заснеженное поле, танки. На фоне снега - черные фигурки солдат.

НЕВЗОРОВ (подходит к солдатику с автоматом возле блиндажа): По сколько суток у вас дежурство-то?

СОЛДАТ: По двое суток.

...Идет бой, бегут солдаты, видны трассирующие очереди в потемневшем небе. Гремят взрывы, непрерывно тархатят автоматы.

Неподалеку - группа стариков-чеченцев. Они молятся, характерным движением воздевая к небу руки.

На земле - труп лошади. От ее головы расползается кровавая лужа. Двигутся танки, видны трассирующие огненные полосы, слышен грохот. Бегут солдаты.

...В кабинете, простом, не министерском, сидит за столом вице-премьер Егоров. Несколько телефонов, очень немного бумаг.

ЕГОРОВ: Здесь сегодня решается судьба Государства Российского.

НЕВЗОРОВ: То есть Вы хотите сказать, что все наши республики сидят и смотрят, дадим ли мы слабинку?

ЕГОРОВ: Не только республики.

НЕВЗОРОВ: Но и области.

ЕГОРОВ: Да.

НЕВЗОРОВ : К 1994 году Россия представлялась всем столь жалкой, слабой и разодранной, что, казалось - кто бы какое изгалиние над ней не затеял - все

сойдет с рук любому... И страшная проверка на крепость грянула здесь, в Чечне, благо народа вспылчивее, заводнее, храбрее, чем чеченцы, найти невозможно... Но вопреки всем ожиданиям вымотанная, разодранная страна ответила таким державным рыком, мощным, непререкаемым, доказующим и жизнь ее и неубывную силу, что страшно стало всем - и врагам, и друзьям... Проснувшись во всей своей мощи военная машина России, с которой пока никому в мире справиться еще не удавалось... Маленькая, отчаянно храбрая Чечня с ее феноменально доверчивым народом оказалась один на один с самой страшной военной машиной мира.

В кадре - чеченцы в характерных высоких шапках, старики, чинно усевшиеся под навесом, женщины в ярких платках, старухи и инвалиды с палками. Невзоров, в камуфляже, в танкистской каске, подходит к ним, здоровается. Они встают ему навстречу, узнают, сдержанно улыбаются, обнимаются с ним. Дети с явным любопытством заглядывают в камеру.

Затем в кадре - бронетехника, солдаты, механик, проверяющий бортовое орудие, солдаты на броне БТРа.

НЕВЗОРОВ : Как нужно презирать и ненавидеть свой народ, чтобы так его подставить, втянуть в дело, обреченное изначально, где поражение стопроцентно и неминуемы трупы, разруха и страшная боль — вопрос особый. И, кажется, это вопрос медиков, а не политиков... Дудаеву удалось это сделать, удалось подставить свой народ под страшную машину российской армии...

Северный фронт, станица Петропавловская. Уже сутки здесь идет бой роты Волгоградского полка с подразделением наемников Дудаева.

...Разрывы снарядов, вспышки трассирующих очередей. Младший офицер отдает приказания, матерясь, ае видя, точнее, не замечая, что его снимают.

НЕВЗОРОВ : Обе стороны бьют трассерами, чтобы по светящейся очереди легче наводить минометы и орудия. Рота огнем прикрывает выдвижение в лес разведбата и колонн на подмогу десантному полку, что дерется двумя километрами севернее... До Грозного - четыре километра.

В кадре - тот же кабинетик вице-преьера.

НЕВЗОРОВ: Даже сторонники уничтожения бандитов упрекают Вас. В вялости, в робости, в медленности, в тягучке.

ЕГОРОВ: Давайте представим себе на минуту, что идет хирургическая операция и в этот момент того, кто действует скальпелем, никто не толкает под руку...

НЕВЗОРОВ: И не кричит: «Быстрее!»

ЕГОРОВ: Да, никто не дает советов: «Быстрее режь, быстрее отсекай!..»

В кадре - ночь, бой, огненные строки трассеров.

НЕВЗОРОВ (за кадром): История все определяет строго и точно. Удивительно возник Егоров, ныне вице-премьер России, которому судьба и история определили Сыть хозяином этой войны.

В кадре - снова кабинет Егорова. Егоров за своим столом и за ним, справа - Степашин, в неожиданном зеленом камуфляже, с нашивкой российских войск на рукаве. Хозяин войны, Егоров, мрачен, неразговорчив, но как-то дьявольски силен, всеведущ и стерилен от политики... Война, особенно эта, ювелирная война, когда стрелять, взрывать и убивать приходится в собственном доме, вообще, кстати, удивительно стерилизует от всякой политики... Тут'совершенно иным за 15 бессонных ночей своей войны стал Степашин.

НЕВЗОРОВ. (Степашину): У меня вопрос к Вам. У меня ощущение, что в принципе Грозный — это не только Грозный, что как бы основные идеологические силы сконцентрированы в Москве, что против Егорова, против русской армии, против людей, которые здесь пытаются, кровью собственной жертвуя, навести порядок, воюет практически вся пресса, воюет половина Государственной Думы, воюет часть государственных чиновников. Вы, ФСК, что Вы делаете?

СТЕПАШИН (чуть усмехаясь): Ну, с Думой ФСК не воюет.

ЕГОРОВ: И это вполне понятно, потому что те, которые сегодня воюют, во всяком случае, значительная часть этих людей, понимают, что после того, как будет взят Грозный, обязательно нити поведут в Москву, ко всем тем, кто содействовал установлению этого режима и затем продолжению его функционирования.

НЕВЗОРОВ: А вот разговор о десяти миллионах долларов это - легенда?

ЕГОРОВ: Да ну, зачем? Какая легенда? Это точно известно, что десять миллионов долларов ушли в Москву.

НЕВЗОРОВ: А кто передавал? Да знаете Вы, знаете. (Степашин улыбается). Что вы сейчас улыбаетесь? Знаете же.

СТЕПАШИН: Знаем, конечно.

НЕВЗОРОВ: И молчите. Не суть важно. Не суть важна фамилия?

ЕГОРОВ: Да я думаю, фамилия прозвучит через Некоторое время. И не только фамилия того, кто переводил, но и фамилия того, кто получал.

НЕВЗОРОВ: Фамилии тех, кто получал, Вы тоже знаете?

СТЕПАШИН: Сейчас это сложно, потому что напрямую этими вещами никто не занимается. Вы сами Понимаете: есть различного рода подставные, благотвори-

рительные, общественные и необщественные фонды. Вот откуда - да, кто - да. Я с этим человеком в течение месяца здесь работаю. Я его фамилию называть не буду только по одной причине: он нам нужен живой, здоровый, знающий все вперед.

В кадре - русские солдаты, парни-первогодки, несут от походной столовой какую-то горячую пищу в большом котле. Затем два парня умываются, поливая друг друга водой. Тут же солдаты на морозе проветривают шерстяные одеяла. У костерочка, на треножнике, варят обед.

НЕВЗОРОВ : Тому, кто не прошел этот фронт, неизвестно, как в действительности ювелирно ведется эта война. Вы можете проехать весь северный фронт, вы можете проехать западный фронт и фронт восточный, вы можете оказаться в тех местах, где ведутся бои и где армия - хозяин полный. Вы никогда, ни в одном чеченском доме не увидите ни одного русского солдата. Армия не вошла ни в одну деревню. Армия встает к чистому полю, в грязи, в дерьме... Копают окопы, ставят палатки и живет в чистом поле... Та самая армия, зверствах и хамстве которой в отношении населения так много воеет сейчас московская пресса. На тех территориях, где армия — полный хозяин, ни одна чеченская девчонка не тронута.

Вот - чеченское село. Сход старейшин.

НЕВЗОРОВ (за кадром): Северный фронт. Чеченское село Правобережное. Это — старики. Они слишком стары, чтобы бояться смерти и вообще бояться чего-нибудь, и слишком богаты, чтоб их кто-нибудь мог подкупить, да и надо знать чеченцев: ни одна сила в мире в серьезную минуту не заставит их говорить не то, что они думают...

НЕВЗОРОВ (обращаясь к старикам): Чего-нибудь дадут переговоры с Дудаевым?

СТАРИК: Нет. От Дудаева не жди ничего хорошего. Мы хотим, сынок, свободы.

НЕВЗОРОВ: То есть вот эти все сейчас политические игры - они ни к чему? Тут надо кончать с этим?

СТАРИК (под одобрительные возгласы других стариков): Если Россия не победит его, то его никто не победит. Дудаев непобежденный человек. Знаешь почему? Потому что он не идет ни к хорошему, ни к плохому не идет. Он - зверь. Только зверь так может поступить.

НЕВЗОРОВ: Вот, родные мои, поверьте мне: вот когда речь идет о том, что мы что-то у вас отнимаем... Ведь Россия у Вас не отнимает ни денег, ни языка, ни домов, ни хлеба. Мы ничего у вас не отбираем!

СТАРИКИ (почти хором): Мы понимаем!

НЕВЗОРОВ: Грубо говоря, Чечне не за что с нами драться. На самом деле, один ваш сумасшедший Дудаев бросил свой народ под колесо страшной машины русской армии. Он сам возбудил... Правильно я говорю?

СТАРИК: Правильно.

ДРУГОЙ СТАРИК: Совершенно верно.

В кадре - снова ставка Егорова в Моздоке. За тем же столом - Егоров, Степашин, Невзоров.

НЕВЗОРОВ: Как вы думаете, какого слова (я деревень тридцать чеченских объездил), какого слова в чеченских деревнях боятся больше всего?

ЕГОРОВ: «Депортация»?

НЕВЗОРОВ: Нет. «Переговоры». Слова «переговоры».

ЕГОРОВ: Переговоры! Боятся, что эти переговоры приведут к тому, что Дудаев останется у власти и режим этот продолжит свое существование.

НЕВЗОРОВ: И уже продолжит свое существование по их трупам. Потому что они же в его власти полностью - это же Восток. Туда придут ночью, а утром выйдут и останутся 160 трупов с головами, отделенными от тела.

СТЕПАШИН: Так оно и было. На триста тысяч население уменьшилось за три года.

НЕВЗОРОВ: На триста тысяч?!

СТЕПАШИН: На триста тысяч.

В кадре - разрушенные дома, движущаяся по бездорожью бронетехника. Опять гремят выстрелы. Мальчишеские лица солдат, выглядывающих из люка самоходки. Звучит песня.

НЕВЗОРОВ (за кадром): Здесь все те же трассеры, мины. Трое убитых. И из бокового лючка самоходки на дребезжащем магнитофончике - песня... Ночью огневое прикрытие наступающих колонн было усилено. Ранним утром, еще в сумерках разнесли укрепочку, с которой велась пальба по разведбату и колоннам. Войска пошли через Сунжу, довершая окружение города Грозного... Это Чечня... Моздок... Северный фронт...

Вспоминает Юрий Краснов:

«С чеченцами, простыми чеченцами, мирными жителями, мы много встречались. И поняли, что они к нам, русским, хорошо относятся. Особенно старики. У них к нам любовь какая-то отеческая. Оппозиционные Дудаеву селения организуют ополчения. Но это опасно. Мы были в одном селе, где половину села дудаевцы накануне взяли в плен. И предупредили: будете помогать русским войскам, мы пленных всех расстреляем, а потом и до вас доберемся. И боятся люди - вдруг уйдет русская армия, тогда им несдобровать. Очень на наших надеются. Но и настроены решительно: что бы ни было, все равно будем защищаться, свое село не сдадим. Режим Дудаева ненавидят. И можно понять их: три года

без медицины, старики без пенсии... Детей в школу не отправить. Старейшины сетуют: «Что же, дети так неграмотными и будут?»

Слышал я еще такую болтовню по телевидению: вот, дескать, заходят в дома чеченцев голодные русские солдаты, и чеченцы их кормят. Ну это уж... Солдатам продовольствия хватает. А что кормят их чеченцы... Конечно, они могут накормить или напоить чаем, они вообще гостеприимные. Зайдешь, могут и не спросить, ты голодный или нет - просто предложат угощение - у них так принято.

Это - народ. Про бандитов я не говорю. Бандиты - они без национальности. Звери, или как их еще назвать, чтоб зверей не обидеть? У нас ведь бандиты убивают всех без разбора, и сами они при этом могут быть русские, чеченцы, азербайджанцы - неважно. Только у нас - банды. А здесь - армия. Большая, обученная, подготовленная, вооруженная самым лучшим оружием. И чтобы прекратить войну и не допустить других войн, есть только один выход - армию бандитов надо победить.

Другой вопрос, откуда она взялась в России, и как так получилось, что ее три года никто будто не видел? Кто бы ответил...»

2.

АД.

В кадре - разбитая гусеницами часть дороги между полуразрушенными домами. Гремят взрывы и непрерывно, оглушительно, не переставая, бьют автоматы и гранатометы. Видны ослепляющие вспышки. Двигутся БТРы, бегут солдаты. Двое солдат ведут под руки третьего, его голова вся обмотана окровавленными бинтами. Крупным планом - лицо спецназовца, обрамленное каской. Виден бронежилет, детали спецназовской амуниции.

НЕВЗОРОВ : Слушай, Вби вот этот белый домик зацапали?

СПЕЦНАЗОВЕЦ: Наша часть брала, а мы поддерживали снайперами.

НЕВЗОРОВ : Ты, говорят, большой специалист по снайперам?

СПЕЦНАЗОВЕЦ (усмехается): Ну, не очень большой, но... по мере своих сил.

НЕВЗОРОВ: Ну, к примеру, сегодня, чтобы не выдавать военную тайну, - сколько?

СПЕЦНАЗОВЕЦ: За ночь, значит - пулеметчик, два снайпера...

Его слова заглушает грохот. В кадре - огненные трассы, взрывы, движутся танки, бегут и падают солдаты.

Спецназовец внешне абсолютно спокоен, но в какой-то момент, очевидно увидав меткое попадание своих, довольно восклицает: «О, бана!»

НЕВЗОРОВ: А вот что у вас за часть такая... грозная?

СПЕЦНАЗОВЕЦ: Грозная...

НЕВЗОРОВ : Что за часть-то? ДПВ какое-нибудь?

СПЕЦНАЗОВЕЦ: Нет.

НЕВЗОРОВ : Ну, кто, кто?

СПЕЦНАЗОВЕЦ: Спецназ.

В кадре снова бой, однообразный и непрерывно страшный, похожий на кошмар, но слишком громоподобный, чтобы быть сном. Опять лицо спецназовца.

СПЕЦНАЗОВЕЦ: С нашей точки зрения, с нашей точки зрения - она справедливая и правильная.

НЕВЗОРОВ : Война?

СПЕЦНАЗОВЕЦ: Да. Иначе, если сейчас отдадим Чечню, потом будем колоть все на части.

НЕВЗОРОВ : Слушай, а...

Шум боя заглушает его слова. На фоне огненных трасс и дыма появляется лицо офицера.

ОФИЦЕР (кричит, в бешенстве): А что ответить солдатам? У меня снайпер, у которого пять с половиной зрения. И глухой, б... Мина три метра рвется, он не слышит! Его снайпером в штатную должность записали! Три дня назад подразделение скомплектовали - сюда отправили. С кем воевать?! Как вести бой в городе, ничего не знают! БМП-3 идет - горит... б.! Экипаж не выходит! Танкист подъезжает, прикрывает их броней. «Мужики, - кричит, - выходите, вы же подбиты!» Они не вылезли. Танку снаряд залетел под погон — ушел. БМП сгорел вместе с экипажем! Что надо, б..? Давить надо! Но умеючи, с подготовкой.

НЕВЗОРОВ : А вообще, мы правильно сделали, что мы здесь находимся?

ОФИЦЕР: То, что их давить, гадов, надо - это правильно! Но давить-то по уму! Обученным войском! Не надо столько... Есть же у нас люди! Дивизию, две, три, сколько надо... Собрал, блокировал. Все ходы обложили... Колючей проволокой все можно четыре раза обмотать! Никто не вылезет! Воздух прикрыл... Куда он денется, этот Дудаев?!

В кадре - полужрушенное здание, разбитые окна. Бой. Бегут, спотыкаются, падают солдаты. Мимо разрушенных домов движутся БТРы с десанниками, сидящими на броне.

НЕВЗОРОВ: Здесь,-на Госпитальной улице, в центре города Грозного, где ведет бой на-подступах к дворцу Дудаева армейская группировка «Север» генерала Рохлина, слава Богу, никто не болтает*ся под ногами... Здесь нет болтунов-депутатов, корреспондентов и других проходимцев, в глаза не видевших передовой, но трещащих о чеченской войне без умолку. Здесь не увидишь блажного старичка, вдохновляющего бандитов

убивать русских солдат и жечь наши танки. Не увидишь других «миротворцев». Здесь, на передовой, рот такого рода публике затыкают прикладом. И что смешно и поразительно - здесь каждый солдат и каждый комбат умнее всей Государственной Думы.

Передовая.

Фронт.

Ад.

Не смолкая, надрывая барабанные перепонки, грохочет канонада. Лица солдат - мальчишечьи, губастые, большеглазые лица первогодков.

НЕВЗОРОВ : Слушайте, а правда, что среди солдатиков отказа в бой идти не было еще ни одного?

СОЛДАТ: Не было.

НЕВЗОРОВ: Да?

СОЛДАТ: Рвутся наоборот.

НЕВЗОРОВ: Рвутся?

СОЛДАТ: Конечно.

НЕВЗОРОВ (солдатику, что стоит впереди, тому, кто ему отвечал): Сам, что ли, попросился?

СОЛДАТ: Да. Я два раза подходил к командиру полка.

НЕВЗОРОВ: Много у вас таких, которые сами просились?

СОЛДАТ: Да там весь полк-

Снова грохот канонады... Затем - подвал, ставка Рохлина. Сквозь клубы дыма проступают лица генерала, офицеров-штабистов. Здание больницы обстреливается непрерывно крупнокалиберными снарядами дудаевской техники, собранной за дворцом. Слышны приглушенные канонадой голоса деловито совещающихся военных.

Грохот, удар.

НЕВЗОРОВ: Это мы или по нам?

ОФИЦЕР: По нам.

НЕВЗОРОВ: Это по нам, да? Это миночка или что?

ГЕНЕРАЛ: Танковый снаряд.

НЕВЗОРОВ: А у меня создалось такое впечатление, что помещеньеце, в котором мы находимся, несколько, я бы сказал, горит... Справедливое впечатление?

ГЕНЕРАЛ: (откашливаясь): Надо думать.

НЕВЗОРОВ: То-то я смотрю, у меня объектив запотеваает. Значит, сопротивляются они отчаянно, да?

ГЕНЕРАЛ: Да. Возьмем, куда они денутся.

НЕВЗОРОВ: Много у них там, во дворце, народу?

ГЕНЕРАЛ: Четыре тысячи.

НЕВЗОРОВ: И тяжелая техника есть? За дворцом?

ГЕНЕРАЛ: Да...

...Рохлин - странный генерал. В своих треснутых очочках, в камуфляже, на передовой, в рассыпающемся и горящем доме, ласковый и невозмутимый, далее не вздрагивающий, когда в его раскаленный по-банному полуподвал рывкает очередной снаряд, так непохожий на генерала и так беззаветно любимый даже самыми злыми, языкастыми, кроющими всех и вся солдатами...

ОФИЦЕР: Генерал-лейтенант?.. Да я ему, б... сапоги буду целовать! Он впереди солдат идет! Разве может генерал-лейтенант, генерал-лейтенант, б... впереди всех на БТРе идти? А что ему... что ему остается делать? Он сам в прорыве, весь корпус в прорыве! Он держит... Все, и офицеры, все идут за ним!..

НЕВЗОРОВ (за кадром): Бой идет нешуточный. За расколоченными домами, за изрытым воронками садом, где нелепо белеют покрашенные известкой стволы яблонь, виден дымящийся дворец Дудаева. Еще вчера казалось, что удалось подавить большую часть вражеской техники и выбить из высотки напротив снайперов¹¹ гранатометчиков. В действительности удалось отнести переднюю линию, где на огненных точках положи-

ли массу дудаевских наемников. Среди них — немало моджахедов. Четверо — теперь в виде трупов — судя по документам, из Афганистана.

Ночью, казалось, победа была близка. Но с утра... С утра все началось еще жесточе и еще кровавее:..

И вот - бойцы тащат носилки с ранеными. Снова - грохот, снова падают убитые Корчится на земле весь залитый кровью солдатик. Группа бойцов собирает, можно сказать по кускам, тело своего командира, пытаются уложить на носилки. Отрывисто звучат команды и брань. Тарахтит бронетехника. Ощущение ада становится реальным, невыносимым. Рохлин - в своем штабе, в полуподвале. Лицо его — внешне такое спокойное, домашнее... Лицо генерала Рохлина.

НЕВЗОРОВ: Послушайте, генерал, но это явно нельзя назвать словом «бандформирования»... Это уже армия у них.

ГЕНЕРАЛ: Безусловно.

НЕВЗОРОВ: То есть это армия, которая могла бы воевать, по моим подсчетам, спокойно и победоносно с государствами типа Австрии...

ГЕНЕРАЛ: Вне сомнения.

НЕВЗОРОВ: Я уже не говорю про какую-нибудь Швейцарию и про какие-нибудь подобные кукольные государства. То есть у них - армия. Бандформирования с тяжелым артиллерийским вооружением и танками не бывает.

ГЕНЕРАЛ: Это - одна сторона...

НЕВЗОРОВ: Армия. Прекрасно тренированная, вооруженная, готовившаяся к войне с Россией три года. А у Великой России — мальчишки, срочники. Правда, мальчишки великолепные.

Канонада боя. У стены то ли полуразрушенного дома, то ли блиндажа сидит юный солдатик. Во время короткой пере-

дышки он увлеченно уткнулся в синюю с твердым переплетом книжку.

НЕВЗОРОВ : Чего читаем?

СОЛДАТ(смущенно усмехается): Сказки.

НЕВЗОРОВ (тоже смеется): Какие?

СОЛДАТ: Мексиканские...

НЕВЗОРОВ (за кадром): ...Конечно, у Великой России их безумно мало, истинных псов войны, которых так внезапно востребовало время, псов войны, умеющих убивать и умирать. Здесь, на фронте, их меньше сотни, по пальцам можно пересчитать... Тогда как нужен был бы сорокатысячный корпус таких, как вот этот Костя, или таких, как эти ребята, что по Грозному, по диким, насквозь пробитым, горящим улицам, где пальба несмолкаема и бьют из всех окон, где великие специалисты из подвалов жгут наши БТРы и танки, как спички, - они разъезжают на броне, а не под броней, в знак презрения к смерти и к врагу, и к той чуши, что творится... Да чего мы хотим, когда у нас неприлично маленькая армия, скукожившаяся, обглоданная, нищая и бесправная. Неприлично маленькая для такой колосеальной страны, как Россия. У этой армии едва хватает сил свои обьедки, свои ракеты, свои заводы...

Я хоть и депутат Госдумы, но не торгую тайнами, особенно государственными. Позже, вероятно, станет известно, сколь фантастически малым числом освобожден был от бандитов и их армии город Грозный. Позже это будет известно.

Вот — танкисты. Простые русские лица... Игорь Григоращенко — такой молодой, красивый парень...

ТАНКИСТ: Выехал. Танк сожгли. Экипаж целый. Сутки отлежался. Хотели увезти с контузией. Но он сказал: «Пока не отомщу за своих, я отсюда не уйду». Позавчера, когда брали штурмом несколько домов, опять его подбили, в новом танке. Каким-то образом получи-

лось затушить его, приехали, поменяли танк и опять выехали. И вот сейчас до сих пор в паре работают... бьют их.

ИГОРЬ: За ребят, за Серегу. На выпуске рядом стояли. За Россию! Это — наша земля. Я — потомственный казак. Наша земля. Этот город основали казаки, мои предки, и я, если надо, положу здесь свою голову. Это наша земля, Россия, а отдадим Чечню, распадется Россия. Когда будете показывать по телевизору, моим трем детям, жене, матери с бабушкой большой привет передайте. Живой, здоровый!..

...И опять - бой, бесконечный, настоящий, не киношный. Бьют автоматные очереди, рычит бронетехника, грохочут разрывы. Солдаты, солдаты, солдаты...

НЕВЗОРОВ (за кадром): Но надо отдать себе отчет и отдавать хорошенько, что никто и ничто - ни Господь Бог, ни все силы ада, даже ада вот этого - этих людей сдать не заставит. И псы войны, немногие на этом фронте, и мальчишки здесь не сдаются, ибо лучше миллионов орущих, воющих, пишущих, читающих, болтающих с трибун, понимают, что на самом деле здесь происходит. И в этом аду, в этом огне и крови рождают сызнава то, что на весь мир во все века гремело по миру и в преисподней, и среди ангелов небесных. Сызнава рождают характер России и ее величие.

Это - Грозный. Передовая группа «Север» Улица Госпитальная. Январь 1995.

Это - АД.

А это письмо автор репортажей из Чечни получил почти через месяц после их выхода в эфир.

Здравствуйте, уважаемый Александр Глебович!

К Вам с огромной просьбой обращается отец погибшего воина-десантника отдельного батальона спецназа г.Москвы Поликарпов Юрий Дмитриевич.

Дорогой Александр Глебович, мой сын, Поликарпов Александр, погиб в Чечне при выполнении специального задания командования 8 января 1995 г. между 11 и 13 часами дня, как написано в документах, в Грозном, вблизи консервного завода.

Я не видел сам, но люди говорят, что показывали по телевизору Вашу кассету с записью этого боя. Я, к сожалению, ничего не знаю, но Вы, как говорят, назвали этот бой адом. В этом бою погибло около 10 человек из батальона спецназа. Группа разведчиков вела неравный бой, и в этой группе вместе со своими боевыми товарищами погиб наш сын Александр. Посмертно он награжден орденом Мужества.

Александр Глебович, если у Вас имеется эта кассета с записью этого боя, пусть это будет место его или фрагменты этого ада, не могли бы Вы поделиться с нами этими материалами, ведь Вы понимаете, что все это нам очень дорого, ведь возможности узнать о месте гибели сына и посетить его у нас, может, и никогда не будет или мы просто можем не дожидаться этого дня. Мы очень надеемся на Вас и просим, помогите в этом вопросе.

Желаем Вам доброго здоровья. Мы знаем, что Вы бываете в самом пекле событий в Чечне и поэтому самое большое к Вам пожелание - возвращайтесь всегда живым! Вы очень нужны нам всем, чтобы знать правду об этой страшной, жестокой войне.

До свидания, всего Вам доброго.

Ю.Д.Поликарпов.

Ответом отцу погибшего спецназовца было следующее письмо.

Уважаемый Юрий Дмитриевич!

Вероятно, Вы правы и действительно я был свидетелем героической гибели Вашего сына. В указанное в Вашем письме время я действительно находился на Госпитальной улице в центре города Грозного. Спецназовцы, входившие в Северную группировку Федеральных войск генерала Льва Рохлина, вели беспримерный, отчаянный бой перед дворцом Дудаева, и, как Вы справедливо отметили, потери наши в то утро были велики, особенно среди спецназа, бывшего, как, впрочем, и всегда, — впереди всех.

При мне погибло шесть или семь спецназовцев - от минометного огня, от попадания танкового снаряда в «шилку», от пулеметных очередей. Часть спецназовцев была в глухих (с забралами и бронестеклами) шлемах, часть — с открытыми головами, залитыми кровью, потом и грязью.

Мне чрезвычайно совестно перед Вами, но я не могу определенно сказать, кто именно из погибших спецназовцев Ваш сын.

К сожалению, перед боем я мало с кем успел познакомиться, но, смею Вас уверить, знакомство с любым из этих людей, среди которых был Ваш сын Александр, почел бы для себя за честь. Как почитаю за честь для себя и возможность ответить Вам, Юрий Дмитриевич, человеку, воспитавшему великоленного воина Великой России, героя одной из самых страшных войн, что довелось вести нашему Отечеству.

Я преклоняюсь перед Вашим, Юрий Дмитриевич, мужеством - мужеством отца, пережившего ТАКУЮ

потерю с подлинным русским достоинством, что особенно бесценно в наше время истерик.

Осмелюсь лишь сказать то, что Вы, впрочем, знаете и сами - Ваш сын погиб не зря, погиб за самое великое и бесценное, что есть у всех нас. Вы сами знаете — за что.

Если есть Господь Бог и Царствие Небесное, то там Ваш Саша, поверьте, рядом с русскими ратниками Куликова поля, рядом с князем Багратионом и героями Сталинграда — а это, возможно, участь куда более светлая и великая, чем у любого из нас.

Разумеется, все видеоматериалы, имеющие отношение к гибели Вашего сына, Вы можете получить в любую минуту.

...В «Красную звезду» продолжают поступать отклики на телерепортаж Александра Невзорова «Ад», который был в начале января показан по «Останкино». Многие читатели благодарят известного тележурналиста за то, что он одним из первых на телевидении сказал своим фильмом в жесткой, остропублицистической форме правду о нашей армии в чеченской драме, одним из первых дал слово самим офицерам и солдатам, участвующим в боевых действиях, тем, голос которых до этого был практически на ТВ не слышен...

Читатель Н.Норичев из Москвы считает, что короткий телерепортаж Невзорова во многом способствовал психологическому перелому в освещении и восприятии общественностью чеченских событий и роли армии в них. «Одно непонятно, - пишет он, - почему все это встретило такой шквал зависти и злобы со стороны многих его коллег. Я насчитал с Десяток публикаций просто оскорбительной тональности. И Даже некоторые телена начальники из всех сил отк рещивают ся от этого репортажа...»

Офицеры запаса В.Круглов, И.Немпов из Санкт-Петербурга и другие задают вопрос: «А почему нет новых Невзоровских репортажей? Неужели вновь какие-то запреты "препоны?»

Наш корреспондент встретился с Александром Невзоровым и взял у него интервью.

- Александр Глебович, расскажите, пожалуйста, как «Ад» проделал путь от Монтажа до телеэкрана. Все-таки Невзоров, все-таки «Ад»...

— Никакого особого пути не было. Разве что в пресс-службе правительства возникли определенные сложности... Я даже не могу назвать это ни цензурой, ни попыткой запрета. Это было просто, ну скажем, анекдотом. В конце концов фильм попал к Ивану Петровичу Рыбкину, и на совещании, в котором участвовали еще Виктор Черномырдин и Владимир Шумейко, было решено фильм показать по «Останкино». Что касается руководителя «Останкино» Яковлева... Понимаете, тут ведь дело было связано не столько с самим фильмом, сколько с фамилией создателя. Надо отдавать себе в этом отчет. Ситуация была бы остра вне зависимости от того, что бы я показывал — родильный дом или войну в Чечне, но все, что было связано с фамилией Невзоров, у некоторых вызывало до определенного момента судороги. Известную неловкость испытывали все чиновники, которые с этим были повязаны. Только очень высокий уровень, скажем так, взял на себя эту ответственность. Они решали вопрос, грубо говоря, возможно ли присутствие этой фамилии вообще на первом канале ЦТ. Они, скорее, решали не участь фильма. Фильм их интересовал меньше всего. Я даже убежден, что они его не смотрели.

- Не собираетесь ли вы снять еще один фильм о Чечне?

— У нас очень много материала, но я сейчас умышленно никуда его не запускаю. Хотя теперь имею возможность сделать это довольно спокойно. Хочу еще немножко подождать. Теперь довольно много нормального материала идет о Чечне. Конечно, поздновато мы

взялись за общественное мнение, но — взяли, и определенные победы в этом смысле есть. Поэтому я не вижу сейчас острой необходимости в скороспелой подаче материала. Хочу к тому же подождать. Меня все время мучает мысль, что наша власть может сыграть очень скверную игру и пойти на попятную. Это было бы очень трагично и страшно.

— *И все-таки, пожалуйста, о втором фильме. Наши читатели интересуются, будет ли он.*

— С этим можно сейчас и не спешить. Нет какой-то горячечной ситуации, как была в те дни. Я видел несколько действительно замечательных репортажей на ЦТ, которые не есть гимн войне и армии, а которые — правда и про войну, и про армию. Армия в Чечне олицетворяет, безусловно, правое дело.

— *Расскажите, пожалуйста, немного об Игоре Григорашенко.*

— Этот человек для меня остался загадкой. Когда мы только с ним увиделись, он протянул руку, засмеялся и сказал: «Второй раз встречаемся». Что это означало, я до сих пор не понял. Возможно, я когда-то где-нибудь его видел. Может, это было в Вильнюсе, в Приднестровье, в Абхазии... Я не знаю, где, но помню его лицо. Действительно, этого человека, возможно, я когда-то и знал. Он, конечно, был совершенно обворожительным парнем. Я думаю, здесь не только публикацию надо готовить, но и сделать все, чтобы Министерство обороны настояло на Звезде Героя для него. Надо всерьез подумать и о его семье.

— *Утверждают, что в Чечне вы встретили свою давнюю знакомую из так называемого батальона «белых колготок».*

— У меня был в Приднестровье случай, когда я, грубо говоря, должен был застрелить снайпершу. Я ее увидел в глазок оптического прицела и не смог выстрелить: она была чрезвычайно, чертовски хороша. И

в Чечне я наткнулся на ее же следы. Не буду говорить, как это произошло, это не для печати. Ее нет в живых больше. Погибла она в Чечне. То, что определенная часть команды латвийских и эстонских биатлонисток участвовала в очень многих конфликтах, это ни для кого не секрет. Участвовали и за деньги, и из какой-то патологической ненависти ко всему русскому. Для меня разговоры о женщинах-снайперах никогда не были вымыслом, я всегда точно знал, что это так.

— *Вернемся к фильму. Вы его делали на свои деньги?*

— Да. Государству он не стоил ни единой копейки. Однажды я попросил Беллу Куркову помочь с монтажом. Она отказала в достаточно грубой форме, и более я просить не стал.

ЧЕЧНЯ: НА ВОЙНЕ — КАК НА ВОЙНЕ...

— Александр Глебович! Говорят о том, что эта война организована нашими генералами бездарно. Говорят: "Вот если бы быстро, одним ударом — тогда бы хорошо. А тут ввязались, обещали блицкриг, а сами застряли". Что же там происходит? Почему там так увязли?

— Быстро, одним ударом, можно хоть сегодня к вечеру все закончить. Это же не проблема — закончить быстро. Задача-то стоит совершенно другая: закончить с минимальными потерями. А быстро — значит с большими потерями. Потому что очень жесток и очень изощрен противник. Его можно задавить тем, что у армии есть, — это без сомнения, и я в этом лично убедился. Но при этом будет угроблено очень много тех, кто остался жить в городе, тех, кто оказался в плену, и тех, кто пойдет в наступление. Здесь парадокс: чем медленнее, тем меньше жертв.

Я поначалу тоже был в числе тех, кто недоумевал: почему все осуществляется таким образом. И, как мне казалось, неквалифицированно. Теперь убедился: очень грамотно действуют войска: как внутренние, так и армия.

Я был в северной группе наступающих армейцев и почти во всех подразделениях внутренних войск. Могу сказать, что тактика прохода "на цыпочках" по Чечне — абсолютно правильная. Чрезмерная храбрость, экстремизм в боевых действиях могут лишь навредить. Тут уместен способ жесткого выдавливания боевиков, замирения сел, которые уже оказались в тылу и на флангах нашей армии. Замирение — процесс тончайший, деликатный. Оно должно быть абсолютно искренним, роль дипломатов берут на себя командиры воинских частей. Я видел, как прекрасно справляются с этим представители внутренних войск, офицеры из северной группы армейцев.

— Действительно ли с российской стороны воюет необстрелянный молодняк? Говорят, что многих отправляют в Чечню прямо с призывных пунктов.

— Ну, таких я не видел. Мальчишки? Да. Но в армии всегда мальчишки. Какой возраст-то призывной? Жаль только, что мальчишек много, а настоящих "псов войны" очень мало. Но об этом я уже много раз говорил: у нас в стране нет сейчас армии, ее развалили.

— В репортажах из Грозного много раз повторяли, что чеченцы уносят трупы своих, а наши оставляют их на улицах, где они валяются днями. Много раз показывали по телевидению подбитый БТР, из которого торчит полубогоревший труп...

— Один и тот же БТР только с разных точек все время. Причем есть некоторая странность. Судя по всему, они по пространству, которое контролируют, стрингеров из "Рейтера" пускают беспрепятственно. Так вот,

я удивился: почему эти стрингеры-рейтеры не нашли еще где-нибудь каких-нибудь трупов.

Я сейчас объясню ситуацию. Это просто. На той территории, которую контролируют наши войска, конечно, ни одного брошенного тела нет. Все убрано, все должным образом оформлено. Но практически каждая попытка выноса погибшего, который лежит на ничьей земле, обошлась бы примерно в три жизни — жизнь водителя автомобиля и жизни двух солдат, ко-тощле должны были бы это тело забрать.

Один пример. Фактически при мне убили генерала Воробьева. Это известный уже случай. С ним вместе погибли два офицера. Это было на расстоянии метров в сто двадцать или в сто пятьдесят от нас. Хорошо был пристрелян миномет — они только вышли из БТР, только-только. Остались лежать тела. Пространство простреливаемое. Вызвались двое мальчишек из СОБРа (сводного отряда быстрого реагирования — А.Н.) — храбрых и, видно, очень любивших Воробьева. Рванули за трупами. Еще одна мина — еще два трупа. И в конце концов там пришлось городить целую операцию по очистке соседних домов, загораживать бэтрами (армейский слэнг, в войсках говорят не "бэтээр", а "бэтр"). А бэтры подставлять смертельно для них опасно, потому что эти машины не очень выносят мину. Она не производит такого губительного действия, как граната из гранатомета, но, тем не менее, броню рвет. И зачастую бэтр загорается... Вот так было вынесено тело погибшего генерала.

И еще скажу. При всем при том — коварство чудовищное. Тоже при нас, но, к сожалению, мы это не смогли снять. Все должно было пройти мирно, а мы решили уже ехать в другое место — в ту самую больницу на передовой. Чеченцы предложили забрать убитых. Подробно описали, как проехать, много раз повторили, что должен быть белый флаг с красным кре-

стом — все было выполнено. Попросили отвернуть бэтровскую пушку назад — все было выполнено. И как только этот бэтр подошел в указанное место — две гранаты из гранатометов с двух сторон. Все. И мы получили только еще один сгоревший бэтр с пятью трупами.

Вот это — к рассказам о где-то лежащих телах наших погибших солдат. Я думаю, что если они лежат на чеченской стороне, абсурдность обвинений в адрес наших войск очевидна. А если на ничьей з^рюле, которая насквозь простреливается, то платить тремя жизнями за одну, а точнее за один труп — наверное, не имеет смысла.

— *Вы говорили, что наши войска имеют дело не с бандитскими группами, а с армией.*

— Конечно, с армией.

— *Но еще говорят, что войска в Чечне воюют с народом. Это так?*

— Ну, это же просто игра слов. Вот висели раньше в воинских частях транспаранты: народ и армия едины. Про чеченские боевые формирования сегодня можно точно так же сказать. Потому что из кого состоит армия? Из народа. А российская армия из кого?

— *Тогда надо бы определить, где кончается народ и начинается армия.*

— Народ, который взял в руки автоматы, разбился на подразделения, в каждое из которых включен опытный наемник, в каждое из которых включен гранатометчик, минометчик... Это уже не есть народ, это уже есть армейское подразделение. Боевое, войсковое — какое угодно можно употребить слово, но суть от этого не изменится.

— *Тем не менее, когда говорится "народ", — имеется в виду многочисленность.. Скажем, "все население страны взялось, как один, за оружие, поднялось на отпор агрессору". Именно так говорят.*

— Но это же чушь. Там "все население страны" не поднялось. В Грозном воюет примерно тысяч семь сейчас. И это люди, которые воюют давно, которые готовились к войне давно, которые умеют обращаться с оружием.

Я не говорю про то, что чуть ли не каждый из них, по сути дела, — уголовник. Уголовник, поскольку на территории России существует единый федеральный закон, запрещающий скупку, сбыт, производство, ношение и хранение оружия. А для Чечни ведь писаны такие же точно законы, как для Ленинграда. Но если здесь, у нас за обзаведение каким-нибудь паршивым пистолетом человека могут назвать преступником и отправить в тюрьму, то там за обзаведение на тех же, по сути, основаниях пулеметом, гранатометом, или, хуже того, тяжелым орудием гаубичного типа человека называют защитником суверенитета и независимости.

И все-таки, как бы эти люди себя ни называли — все равно под 218-й статьей УК каждый из них ходит. И бессмысленно говорить здесь о народе. Это в данном случае совсем не тот термин.

А кроме того, совершенно спокойно и мирно существуют практически все города, селеньица, села и деревни на большей части территории Чечни, где стоят наши войска. По сути дела, сейчас бои ведутся только в Грозном, ну и немножечко в Аргуне. Поэтому говорить о каком-то всенародном сопротивлении?.. Нет, Господь Бог видит — ничего похожего тут нет.

— *Сообщают, что вооруженные отряды уходят в горы, что они будут создавать очаги сопротивления, что образуется даже целый огромный район, большая непокорившаяся, территория.*

— Это несерьезно. Потому что обрекать себя на пещерное существование людям, которые привыкли к роскоши, к комфорту... Чечня — одна из самых бога-

тых республик. У ее жителей существует привычка к высокому уровню жизни. Извините, когда коттеджи в Чечне строятся не просто из "английского" кирпича, "английского" по названию, а английского — то есть привезенного из Англии! В каких-то пещерах, дотах и блиндажах они, конечно, долго не смогут, да и просто на захотят жить. За исключением нескольких, может быть, сотен фанатиков.

— *Высказывают предположение, что вся эта история даст нам "второй Афганистан", что это будет долголетняя затяжная война. Что скажете вы?*

— Никакого Афганистана не будет. Ведь на самом деле исход в горы — деза чистой воды. Боевики как были в Грозном, так и сидят. Они же понимают прекрасно, что как только уйдут из Грозного, как только перестанут прикрываться русскими кварталами, химзаводом (ведь все бои ведутся в русских кварталах: ни в одном чеченском квартале нет ни дота, ни укрепрайона, ни боев), так вот, как только они уходят в горы, российские войска получают полную свободу действий. И дальше уже, скажем так, возникнут все возможности для прицельного бомбометания. Даже если надо будет 10 тысяч бомб сбросить, у России, я думаю, они найдутся для того, чтобы задавить банды. И ни одна комиссия по правам человека не сможет пикнуть — бандиты это тоже понимают. Они никогда не уйдут драться "в чисто поле". Поскольку понимают, что в этом случае будут истреблены. Поэтому и сидят в Грозном.

— *В Чечне вы прежде не бывали?*

■— Нет, никогда, хотя я хорошо знаю кавказские войны, Кавказ и азиатов. Пусть я не знал, что там творится, но у меня в сердце есть представление о моем государстве, я никому не дам его развалить, даже если останусь в одиночестве.

И то, что я увидел, меня порадовало, искренне и всерьез. Я понял, что эта война ведется правильно... Это война супераккуратная, когда нужно остановиться в 5 км от деревни лагерем, пойти замирииться со стариками, для которых мы такая же реальность, как Дудаев. Причем подвиги дипломатии достались на долю смешных усатых майоров внутренних войск, лейтенантов, старшин, прапорщиков... Что касается бомбежек Грозного, это тоже реальность: не бывает войн, в которых кидают друг в друга пирожными.

— *Там в Грозном и русские... российские граждане?*

— Совершенно верно. Можно сколько угодно ужасаться по этому поводу. Но не случайно я всякий раз с маниакальной последовательностью оказываюсь в подобных местах, требуя, чтобы меня пустили в бой — где убивают. Зачем? Чтобы иметь право об этом говорить. Два дня я участвовал в бою под станицей Петропавловской — смею вас уверить, совершенно почестному. У нас на пленке есть разрывы гранат в 3-4 метрах от оператора, очереди, трассеры в нас бьют — все красиво. Поэтому я позволяю себе говорить о бомбежках в таком снисходительном тоне.

Но кроме русских, там есть прекрасные чеченцы. Это вообще дивный народ — самые умные, самые хитрые и самые храбрые, единственные люди, которые мне по настоящему глубоко симпатичны из всех кавказцев.

— *В Чечню вы отправились за свой счет?*

— Полностью. Хотя, смею вас уверить, покровительство этой идее было на уровне, выше которого не бывает.

Мне был придан полковник, назовем его "Сидоров", большой знаток местности и ситуации, два человека охраны, выделен БТР. Этому предшествовали долгие разговоры о том, куда нельзя, куда можно, которые я быстренько прекратил, поскольку мне можно

всюду как депутату Госдумы. Все мои просьбы удовлетворялись практически мгновенно. И вот там уже обеспечение было стопроцентно полным и великолепным.

— *С кем из руководителей операции удалось поговорить?*

— В общем, со всеми. С Егоровым, Степашиным, которые были там на тот момент, сложились приличные человеческие отношения. Егоров — это тип екатерининского вельможи, безумно интересный дядька. Такой немногословный, мрачноватый, действительно хозяин войны. Его очень трудно разговорить — все равно что на морозе рукояткой завести "уазик". Но он необыкновенно богат по-человечески. У меня совершенно изменилось отношение к Степашину...

— *А Грачев, который обещался справиться со всем этим за два часа с помощью одного парашютно-десантного полка?..*

— Над ним за это солдаты посмеиваются. Ну ему полагается быть таким Скалозубом. Ой же, в общем, не за свои способности к мышлению стоит на посту министра обороны. Он Скалозуб в современной вариации — Скалозуб-десантник. Притом я допускаю, что как организатор битв он даже неплох.

— *Александр Глебович, отношение в обществе к чеченскому кризису неоднозначно. Разошлась в оценке происходящих событий и пресса. Каково ваше мнение по этому поводу?*

— Мы у чеченцев ничего не отбираем. Мы не отнимаем хлеб, деньги, дома, землю, язык, веру. Есть Дудаев с его окружением, из-за которого страдает целый народ.

Я многое уже видел, знаю журналистский мир и не верю, что все это прессой делается бескорыстно.

— *Что Вы скажете на заседании Государственной Думы, вернувшись в Москву?*

— Прежде всего скажу о правильности действий армии и внутренних войск. Напоминаю, что в жестокой реальности жизни бывают моменты, когда поздно рассуждать об общечеловеческих ценностях — надо наводить порядок, в том числе силой.

ЧЕЧНЯ: УРОКИ ВОЙНЫ

— Ну, а можете ли вы сегодня как-нибудь прогнозировать сроки? Когда все это кончится?

— Я думаю, отнюдь не так скоро, как всем хотелось бы. Надо дать армии время. И надо пока вообще замолчать по этому поводу. Замолчать всем: Думе, журналистам... Осознать серьезность момента и прекратить истерику. Тогда президент перестанет дергаться и хлестать армию, чтобы она бежала вперед и как можно быстрее с этим делом закончила. Армия перестанет нести ненужные потери. И тогда можно будет закончить в разумные сроки.

А разумными я, честно говоря, считаю большие сроки. Нормальная, разумная тактика выдавливания, вытеснения, деморализации надежнее и бескровнее любых атак. Здесь достаточно взять в руки любой боевой устав, любой учебник по военному делу и прочитать: наступательный бой предполагает потери наступающих до шестидесяти процентов личного состава.

Можно начать наступление. Можно даже предположить, что потери будут не шестьдесят, а, например, процентов двадцать, но ведь и это обернется страшной общей цифрой. А та тактика, которая избрана в Грозном, гораздо более правильна.

- *И все-таки о чем речь: о месяцах, о годах?..*

— О месяцах. Для того чтобы полностью освободить от бандитов Грозный, требуется примерно месяца два: вот в таком, в нормальном режиме.

- *Вы считаете войну в Чечне справедливой. Почему?*

— Для меня этот вопрос — детский. Во-первых, либо мы отменяем действие Конституции, законов — неважно, плохие они или хорошие — либо мы живем по Конституции и законам. То есть либо мы играем в игру по правилам, либо в игру без правил. Если без правил, тогда действительно надо оставить Чечню в покое. Но так не живет ни одно государство.

Во-вторых, как справедливо было сказано, все медали за Чечню розданы, еще в середине прошлого века. И, как известно, заплатили наши предки за эту землю большой кровью. И, наконец, существуют еще понятия чести, справедливости, понятие безопасности людей. Если, упаси Бог, случится самое невероятное, самое кошмарное, и начнут вдруг выводить из Чечни российские войска (я не верю в это, но чего не бывает в наши дни?), примерно половина населения Чечни будет тем самым обречена на верную смерть. Потому что половина населения Чечни уже пришла к нам с миром, уже объявила себя союзником русских, уже включилась в переговорный, мирный, человеческий процесс. Никому из этих людей не простится. Маньяк Дудаев им отомстит. И они это понимают. Так можно ли этих доверившихся нам людей бросить на произвол судьбы?

- Давайте попробуем вкратце подытожить уроки чеченской войны.

— Кошмарность ее заключается в том, что она показала — это все, на что сегодня способна Россия. Если завтра где-нибудь на Шикотане, упаси Бог, сдвинется земная кора — у нас же нет больше ни одного нормального вертолета МЧС. А если еще что случится — нет ни одного БТРа, который бы ходил, нет ни одного солдата! Вот — этот потенциал, и его предел виден. Еще есть в этой войне такой...положительно-воспитательный момент. Это страшное зрелище, но очень полезное для многих амбициозных руководителей краев, областей, республик. Существует Конституция и территориальная целостность страны! Ни миллиметра, никому, ни под каким предлогом! А всякий бунт против России будет заканчиваться только так. Еще... Знаете у меня нет нелюбви к чеченцам, больше того, один из лучших людей на свете, мне известных, — конкретный, живущий чеченец, Руслан Лабазанов. Но! С войны сейчас вернутся 100 000 мальчиков, для которых слово «чеченец» будет означать только одно — «мишень». И любой житель Кавказа — то же самое. И, как ни цинично это прозвучит, в какой-то степени эти мальчишки, возможно, изменят тот дисбаланс между коренными россиянами и приезжими с Востока, который у нас существует. Это будет делаться у нас на низовых уровнях и делаться, наверное, очень жестоко... В этих мальчишках я видел возможность... не то что бы свести счеты, но — внутренне, по-человечески отомстить. За схваченную на рынке за задницу сестру, за девчонку, затащенную в автомобиль к четырем кавказцам. Думаю, что эта кавказская война и кавказцев научит вежливости по отношению к России. Да, таким жестким путем. Но политика вообще жестокое дело.

«Я ВСЕГДА БЫЛ ПОЛИТИКОМ С КАМЕРОЙ В РУКАХ...»

— *Кем вы считаете себя теперь — после того, как стали депутатом Госдумы - прежде всего тележурналистом или политиком?*

— Парадоксально, но я никогда не был журналистом. А все, что делал на протяжении ряда лет, нельзя назвать журналистикой. Мне часто приходилось разочаровываться в так называемых «журналистах». Поэтому не отношу себя к их числу, не состою ни в одном журналистском союзе.

Я всегда был политиком с камерой в руках. Правда, раньше много внимания уделял криминальным делам. Но ведь криминальные дела — это «соус» к политическому «блюду». Для того чтобы сделать политическое «блюдо», нужен «соус», чтобы было «вкусно» — увлекательно.

Сейчас, в условиях хаоса, развала державы, криминальная хроника сама по себе вообще не представляет ценности. Это общее место. Это стало так же при-

вычно, как отчеты о сдаче турбин и промышленных объектов в годы «застоя».

- *Если не секрет: ваша мечта как человека, работающего в тележурналистике?*

- Не вопрос — полная неожиданность! И ответ получите такой же. Мечта моя, чтобы все-таки в прессе, в которой я работаю, было хотя бы на 100 человек больше не изменивших Родине в эту страшную минуту. Я понимаю, что это высокие слова, но я под ними подписываюсь полностью, так как деятельность многих журналистов сейчас я рассматриваю не просто как легкомыслие, не просто как продажность или глупость, а именно как измену Родине.

- *Когда-то вы были вместе с демократами. Сейчас с теми, кто против демократии. Вы знаете, с кем будете завтра?*

- Знаю. Потому что у меня все отношения в жизни складывались не по политическим принципам, а по признакам взаимной симпатии. Я знал всегда, что я буду, например, с Говорухиным, несмотря на то, что он в 1991 году подписал обращение творческой интеллигенции по поводу вильнюсских событий, заявившей, что я феноменальный ублюдок и негодяй. Он вернулся, проделав мучительный путь. Точно так же все люди с совестью, даже те, кто называл меня подонком в январе 1991 года, вернутся и я буду с ними. Я просто не поверил в то, во что поверили все вы. И, как выяснилось, сильно ошибались. Ну, вам милее революционеры, а я их ненавижу — хоть 17-го года, хоть 91-го.

- *Александр Глебович, как Вы думаете, как Вы умрете?*

- Я, в общем, и сам был бы не прочь это знать. Я только знаю одно: как бы я ни умирал, я умру достойно. Вне зависимости от того, что будет причиной смерти: тяжелая болезнь, пуля, веревка, вода, высота...

- *Вы не боитесь смерти?*

— Ну, как сказать. Я не буду разбежаться и изо всех сил биться головой в сейф, чтобы скончаться здесь только по причине собственной большой храбрости. Но Вы знаете, я настолько несентиментальный человек, настолько не делающий из этой странной жизни чего-то важного для себя и вообще не гипнотизирующийся этим словом... Люди, с которыми я был в Приднестровье — батальон «Днестр», — совершенно проклинали меня, потому что там много было ситуаций... Проще, наверное, будет охарактеризовать ситуацией, которая была здесь, в Санкт-Петербурге. Мы еще ездили всей бригадой на съемки... Как-то подъезжаем — горит автомобиль. И от автомобиля бежит какой-то несчастный мужичонка, который кричит: «Мать Вашу...! Там канистра с бензином, сейчас все взлетит!» Я туда рванул и закричал: «Ребята, сюда! А то взорвется без нас!» Поэтому все зависит от момента, на который можно променять жизнь. И Вы, я думаю, тоже не будете долго рассуждать, прежде чем встать перед автоматом, направленным в тех же самых детей в Бендерах. Здесь уже просто, извините, рассуждать неприлично.

Лучше всего, конечно, погибнуть в бою — в бою за Родину, в бою со всей этой сволочью, которая Родину мою сейчас оккупировала. Но есть некоторые опасения, что удастся и бескровно их выгнать. Так что я боюсь, что эта моя мечта не сбудется.

СОДЕРЖАНИЕ

К НАШИМ.....	3
ЭТО - НАША СТРАНА?.....	9
«НАРОД - ЭТО ВЫСШЕЕ СОСТОЯНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА...».....	14
«БОРИС НИКОЛАЕВИЧ ЕЛЬЦИН В МОЕМ ПОНИМАНИИ - НАШ».....	19
СТРАННЫМ И ФАНТАСТИЧЕСКИМ ПУТЕМ.....	28
«АБСОЛЮТНО ДРЕВНЕРУССКИЙ ПОДХОД...».....	33
«ВОСПИТАТЕЛЕМ СВОИМ СЧИТАЮ - ДЕДА...».....	38
КАК НАЧИНАЛИСЬ «СЕКУНДЫ».....	53
«РЕПОРТЕРСТВО... ЭТО <i>ф</i> ОБРАЗ ЖИЗНИ».....	65
«КРАСТЬ ПЛОХО, СВЯТЫЕ СВЯТЫ, А ПОДОНКАМ - БОЙ!...».....	73
ЛОВОВАЯ АТАКА НА ВЛАСТЬ : ЛЕНСОВЕТ.....	84
ЛОВОВАЯ АТАКА НА ВЛАСТЬ : СОВЧАК.....	92
НОЧЬ НА 13 ДЕКАБРЯ 1990 ГОДА (Выстрел на пустыре).....	98

ПРИБАЛТИКА :	
НАШИ - ЭТО СЕГОДНЯ	
ВСЕ НОРМАЛЬНЫЕ ЛЮДИ.....	106
МОМЕНТ ИСТИНЫ.....	115
АВГУСТ 1991-ГО: КАРАНДАШИКИ.....	136
ИНТЕРВЬЮ	
В.А.КРЮЧКОВА А.Г.НЕВЗОРОВУ.....	154
«ВОТ ЕСЛИ БЫ Я БЫЛ	
ЛЕЧАЩИМ ВРАЧОМ ГОРБАЧЕВА...».....	176
УБЕЖДЕННЫЙ ГЭКАЧЕПИСТ.....	187
ОКТЯБРЬ 1993-ГО.....	202
«НЕ СОГЛАСЕН. НЕВЗОРОВ».....	207
ДОКАТИТСЯ ЛИ ПЯТОЕ КОЛЕСО	
ДО КОЛЫМЫ?.....	211
«ЕСТЬ БОЙЦЫ, НО НЕТ ЕЩЕ АРМИИ...».....	220
«НАС ВЫБИРАЛ НАРОД	
И СДЕЛАЛ ЭТО	
СОВЕРШЕННО ОСОЗНАННО».....	238
ЧЕЧНЯ:	
«ЭТО - ЕДИНСТВЕННЫЙ ВАРИАНТ...».....	255
ЧЕЧНЯ:	
«РОДИНА - ВЫШЕ ПОЛИТИКИ».....	258
ЧЕЧНЯ: «СПОКОЙНЕЕ И ПРОЩЕ	
С ЭТИМ СПРАВИТСЯ АРМИЯ...».....	265
ЧЕЧНЯ: НА ЛИНИИ ОГНЯ.....	278
ЧЕЧНЯ:	
НА ВОЙНЕ — КАК НА ВОЙНЕ.....	301
ЧЕЧНЯ: УРОКИ ВОЙНЫ.....	310
«Я ВСЕГДА БЫЛ ПОЛИТИКОМ	
С КАМЕРОЙ В РУКАХ...».....	313

Невзоров А.

Н 40 Поле чести/Оформл. обл. А. С. Андреев.-
СПб.: ТОО «Международная издательская корпорация», 1995 - 320 с.

«Поле чести» - первая книга известного тележурналиста, депутата Государственной Думы.

Постоянные скандалы вокруг его телерепортажей создали образ человека-хулигана без принципов. Это мешает правильно оценить материалы, предлагаемые зрителям.

О многих интригах, закулисной игре так называемых правителей читатель узнает из первых рук. Также у многих изменится мнение, и, мы надеемся, в лучшую сторону, о его работе.

В следующей книге более подробно он расскажет о нынешних выборах в Государственную Думу и обо всех препятствиях, которые он должен преодолеть, а Вы, уважаемые читатели, ему постараетесь помочь.

Александр Невзоров

ПОЛЕ ЧЕСТИ

Главный редактор — Николаев М.Ю.

Редакционная группа - Сердобольский А.В.,

Ильина Н.А., Инонун В.В.,

Дьяконова О.А.

Дирекция — Карасев Николай,

Ванин Михаил

Подписано в печать 01.11.95. Формат 84X108'/з2- Бумага газетная.

Гарнитура «Школьная». Печать офсетная. Усл. печ. л. 10,80.

Усл. кр.-отт. 17,20. Тираж 51 000 экз. Заказ № 119.

Лицензия ЛР № 062785 от 25.06.93.

Фирма «Шанс». 197343, Санкт-Петербург, а/я 231.

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии
им. Володарского Лениздата.

191023, Санкт-Петербург, Фонтанка, 57.

Александр Невзоров

ПОДЕ

Книга известного тележурналиста отвечает
и* многие вопросы. Из первых рук Вы узнаете правду о скандалах, закулисных
механизмах в высших эшелонах власти во всех областях политической, социальной и культурной
сфер жизни нашего государства.

ДИКОВ

А. НЕЗОВ

Портреты о России
XX столетия